

II. ДОКОЛХОЗНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Такэо Судзуки

Модернизирующаяся Россия и сельская община: реформы и традиция

I. Реформы Петра I и община

Как известно, в начале XVIII века Петр I замыслил сделать свою страну великой европейской державой. На севере он вел борьбу с Швецией за выход к Балтике, на юге – с Турцией, для завоевания господства на Черном море. Чтобы осуществить эти притязания, нужно было укрепить государственную мощь, в особенности военный ресурс. Используя опыт западных стран, Петр I содействовал развитию военной промышленности, внедрил систему воинской повинности, провел административную, церковную и другие реформы. Модернизация России началась, однако источники финансирования реформ были таковы, что укрепляли крепостную систему. Вводились ревизия и подушная подать. В добавление к повинностям в отношении помещиков (оброк или барщина), на крестьянство были возложены государственные обязательства уплаты подушной подати и исполнения воинской повинности. Это укрепление крепостничества значило укрепление общинного порядка. В центральной России усилилась крестьянская община, которая несла коллективную ответственность за всех своих членов при исполнении повинностей, связывая их круговой порукой, и производила равное распределение повинностей, и – соответственно – земель между ними, проводя – по мере изменения работоспособного состава каждого двора – переделы повинностей и земель. Кроме того, община, как средоточие крестьянской повседневной жизни, а, временами, как опорный пункт крестьянского бунта, осуществляла разнообразную деятельность и выполняла множество функций. И в то же время она поддерживала крепостнический порядок и царское самодержавие. Таким образом, намеченная по образцу Западной Европы модернизация России в действительности отличалась по ряду параметров и отдала ее от западного общества.

II. Дискуссия о земледельческом усовершенствовании и община

Последняя треть XVIII и первая половина XIX века были насыщены оживленными дискуссиями, вызванными стремлением использовать западноевропейский опыт рационального хозяйствования в России. Их ак-

тивными участниками были А. Т. Болотов, Д. М. Полторацкий, М. Г. Павлов и другие. В помещичьих хозяйствах получили практическое применение западные агро-технологические новации, в частности, теории И. К. Шубарта о многопольном севообороте с высаживанием клевера, проводились опыты, связанные с внедрением новых сельскохозяйственных культур (картофель и пр.), вводились более совершенные методы обработки земли. Важную роль в этом играли специализированные журналы и школы. Движением "нового земледелия" руководили Вольное Экономическое Общество, Московское Общество Сельского Хозяйства и другие общества. Обсуждение путей и способов преобразования аграрного строя России привело к постановке вопроса о перспективе крестьянской общины. Ф. В. Удолов, А. В. Рознаторский, Д. П. Шелехов, В. А. Черкасский и другие подчеркивали необходимость введения рациональных форм и методов хозяйствования и отмечали вредность общины. Одновременно делались шаги по переходу от общинного к подворному землепользованию.

Однако подобные попытки внедрения "нового земледелия" не удались. Весьма красноречива в связи с этим мысль, высказанная в 1806 году Ф. В. Ростопчиным в его брошюре «Плуг и соха» : "Отцы Наши были не глупее нас были". В 1845 году И. В. Киреевский, отмечая неудачу многих рациональных хозяйств, написал: "Как прежде искали всего нового, называя всякое нововведение улучшением, так теперь начали бояться всякого улучшения потому, что оно нововведение". Основной причиной неудачи "нового земледелия" была недостаточность рыночных и других экономических условий.

Накануне крестьянской реформы возобновилась полемика вокруг крестьянской общины. Против таких защитников общины, как славянофилы и Н. Г. Чернышевский, выступили либеральные экономисты - И. В. Вернадский, Д. Н. Стурков и другие, ратовавшие за упразднение крестьянской общины, однако их позиция не пользовалась влиянием.

III. Крестьянская реформа в Прибалтике и община

В Прибалтике, которая была присоединена к России после Северной войны (Ливония и Эстония), а также при третьем разделе Речи Посполитой (Курляндия) и сохраняла отличную от в центральной России традицию землепользования, постепенно распространилось крепостничество. Появились - особенно в Ливонии и Эстонии - помещики, которые, оказавшись в нищенском положении после Северной войны, стремились максимально эксплуатировать своих крепостных. Однако можно отметить и стремление помещиков=дворян точнее определить юридическое положение крепостных, используя опыт «опеки крестьянства», существовавший в период шведского владычества.

В соответствии с «духом времени» и настроениями эпохи Просвещения, генерал-губернатор в Ливонии, следуя советам Екатерины II, тоже

предложил улучшить крестьянское положение. В этой обстановке под руководством дворянства были составлены Положения об упразднении крепостничества в трех прибалтийских губерниях: в Эстонии в 1817 году, после Положения об опеке крестьянства в 1795 году и Положения о крестьянстве в 1802 году; в Курляндии в 1818 году, минуя Положение об опеке крестьянства; в Ливонии в 1819 году, после Положения о крестьянстве в 1804 году. Реформы привели к установлению для помещика полного права собственности на все земли. Крестьяне стали свободными, но оказались безземельными. Были учреждены и крестьянские общины, постановленные под контроль владельца. В 1866 году в отношении прибалтийских губерний было принято Положение о земельной общине, освобождавшее общины от владельческого вмешательства в их самоуправляющуюся деятельность, но, в то же время, включавшее общины в систему государственного управления с целью распространения царизма.

IV. Крестьянская реформа 1861 года и община

Перед русским правительством после поражения в Крымской войне вновь всталась задача модернизации для восстановления международного статуса России, ее престижа как великого государства и для укрепления монархического режима. Модернизация предполагала формирование новой социальной структуры и ускорение промышленного развития, а укрепление монархии значило укрепление самодержавия на основе консервации сословной системы и общинного порядка. Правительство, таким образом, преследовало цель ускорить промышленное развитие, поддерживая при этом старую, сложившуюся социально-сословную и общинную систему, используя для финансирования индустриализации традиционные внутренние источники, а также иностранный капитал. В то время Россия включалась в международный капиталистический рынок, развивался в этом направлении и внутренний рынок. Однако из опасения падения самодержавия правительство Александра II не решилось на чисто капиталистическую индустриализацию и проведение политики, направленной на развитие свободного частного предпринимательства. Правящая государственная элита опасалась усиления социальной дифференциации, пролетаризации крестьянства и, как следствия этого, общественной нестабильности.

Крестьянская реформа 1861 года, проведенная по инициативе верховной власти, включала в себя постепенное освобождение крестьян с наделом земли (в противоположность освобождению без земельного надела, как это произошло в Прибалтике), выкупную операцию и сохранение общины и ее порядка. Крестьяне были освобождены от личного владычиства помещиков, однако сохранились повинности за пользование надельными общинными землями. Был затруднен для крестьян уход из сельских обществ, которые включились в систему государственного управления. Крестьяне, освобожденные с недостаточными наделами земли, вынуж-

дены были прибегать к аренде земли своих бывших помещиков за отработочную ренту, а также становились отходниками на промышленных предприятиях, принадлежавших бывшим помещикам. По сути сохранялось не только административное, но и экономическое подчинение крестьян их бывшим помещикам. Крестьянское право земельного пользования не ограничивало право собственности бывших помещиков, оно находилось не только под руководством общины, но иногда и в зависимости от интересов бывших помещиков. Выкупная операция легла тяжелым бременем на крестьян. Они могли стать "собственниками", но их право собственности было неполным, поскольку они не могли свободно распорядиться своими наделами до окончания выкупной операции.

Следовательно, крестьянская реформа 1861 года не изменила сущности сельского экономического общинного порядка, и в этом заключается ее исторический смысл.

V . Промышленное развитие и община

По данным конца 1870-х годов (как показывает исследование П. А. Орлова) на Московскую губернию Центрально-промышленного района приходились 17,6% общей суммы производства промышленных предприятий и 23,1% рабочих Европейской России. Главной отраслью промышленности в Московской губернии была текстильная, и ее удельный вес в российском бумаготкацком производстве был значительным, составляя 28,3%. Формами производства в этой отрасли были промыслово-кустарная (ручная) и фабричная (ручная и машинная).

Кустарные ткачи и ткачи занимались ткачеством на дому или в мелких заведениях в свободное от сельскохозяйственных работ время и прерывали его после Пасхи или Петрова дня до середины сентября, занимаясь земледелием. Они получали сырье от фабрикантов, купцов или сельских мастерков, посредников между поставщиками сырья и ткачами-ткачами, и выполняли полученный заказ за сдельную, чаще натуральную, плату с удержанием налога, который ткачи-ткачи обязаны были платить в волость. Кустарные ткачи находились в подчинении у фабрикантов, купцов и мастерков, которые произвольно устанавливали трудовые и финансовые условия. Отношения между выдающими сырье фабрикантами и купцами, мастерками и ткачами-ткачами очень напоминали те, которые существовали в крепостнический период между помещиками, приказчиками и крестьянами, и в этом кустарном ткацком производстве по сути воспроизводился общинный порядок.

Да и в фабричном ткацком производстве тоже можно видеть общинный порядок. Фабричные ткачи-ткачи, которые были отходниками, крестьянами-общинниками, возвращались в свои деревни для сельскохозяйственной работы летом или, если это было невозможно, хотя бы на период праздника (на Пасху или Рождество), а также во время остановки фабричного производства. Фабричные ткачи-ткачи поддерживали

прочные связи с деревнями. Фабриканты сами обращались в волостное управление с просьбой о вербовке ткачих-ткачей, удержали налог с заработках своих работников и отсылали его непосредственно в волостное управление. В вербовке ткачих-ткачей, а также во всей их жизни в закрытом фабричном пространстве активную роль сыграли также землячества и общинные связи, как видно в накрытиях артельных столов. В эту артельную деятельность вмешивались фабриканты самовольно. Существует свидетельство современника, который представил ткацкую фабрику как деревню, отношения между фабрикантом и его рабочими как отношения между помещиками и крепостными, а фабричных рабочих сравнил с кочевниками, перемещающимися между городом и деревней.

Но и в жизни рабочих тяжелой промышленности южной России, которые были отходниками из центральной России, определенную роль сыграла артельная организация.

Таким образом, промышленное развитие в пореформенной России поддерживалось общинным порядком.

VI. Столыпинская реформа и община

Как показывают исследования П. Н. Зырянова, по 46 губерниям Европейской России за 1907-1914 гг. 22,2% бывших общинников укрепили за собой 14,4% надельной земли. Из общины вышло примерно 31,8% домохозяев (по отношению к их численности в 1905 г.), и 22,3% земли перешло из общинного пользования на хутора и отруба. С точки зрения создания самостоятельного хозяйства Столыпинскую реформу следует рассматривать как неудачную. При этом во многих местах хутора и особенно отруба не стали вполне обособленными: не были преодолены неблагоприятные условия чересполосности (разбросанность земель и их удаленность от усадьбы), не произошло и полного освобождения от общинного порядка, например, при общем пользовании землей (выпас скота и прочее).

Неудача Столыпинской земельной реформы была порождена многочисленными обстоятельствами. Главные заключались во-первых, в сохранении крестьянского общинного сознания, во-вторых, в практическом осуществлении землеустройства, которое было осложнено чересполосностью.

По данным А. А. Кофода, землеустройство началось уже перед Столыпинской реформой в некоторых районах России, преимущественно в западных, где на него оказали большое влияние латышские, жмудские, немецкие, чешские и другие колонисты. В центральной России оно проводилось с большими трудностями из-за чрезвычайно распространенной чересполосности, которую американский историк Д. Мейси, называет "совершенным хаосом". Существовала как внешняя чересполосность между селениями, а также между селениями и владениями помещиков, так внутриселенная чересполосность. Следствием этой чересполосности,

как отмечалось в исследовании П. Н. Першина, была чрезмерная удаленность полевых наделов отселений и раздробленность земель, то есть,ально- и длинно-земелье, много-, мелко- и узко-полосность, сохранение хозяйственной зависимости крестьянства от бывших помещиков и так далее. Для ликвидации чересполосности нужно было проводить групповое землеустройство (выдел селений, выдел выселков, дачи разверстания, раздел угодий общего пользования, разграничение земель и другие) и участковое землеустройство, но осуществление его на практике было затруднено, и это обстоятельство привело Столыпинскую земельную реформу к неудаче.

Крестьянское завещание и наследование в период Столыпинской аграрной реформы

1. Введение

Одним из самых больших различий между Россией и Европейскими странами было то, что не только общинное землевладение, но и семейная собственность крестьян существовали до начала XX в. Семейная собственность не только существовала, но и охранялась государством, поскольку рассматривались им в качестве действенного средства против пролетаризации крестьян. Царское правительство придерживалось такой линии до Первой русской революции 1905–1907 гг. В результате, между традиционной семейной собственностью российских крестьян и европейской личной индивидуальной собственностью образовалась глубокая пропасть.

В годы Первой русской революции, согласно указа от 9 ноября 1906 г., произошли кардинальные изменения в сфере права на землю и имущественных отношений в крестьянской семье. Они сводились к следующему: а) крестьяне передельной общины имели право требовать в любое время выхода из общины с участком земли, который составлял личную собственность домохозяев; б) общества и имеющие отдельные владения селения, в коих не было общих переделов со времени наделения их землею, признались перешедшими к подворному владению; г) участки, предоставленные в подворное владение крестьян при наделении их землею, составляли личную собственность домохозяев; д) усадебные участки при общинном землевладении составляли личную собственность домохозяев.

Указом от 9 ноября 1906 г. был ликвидирован принцип семейной собственности, который существовал и охранялся государством до Столыпинской реформы. Взамен его была установлена личная собственность домохозяев. Но в результате подобной меры появилась совершенно новая категория землевладения, которая не была общинной, подворной, или семейной собственностью. Это были наделы, укрепленные в личную собственность домохозяев (личные наделы). Таким образом, революционные изменения коснулись глубинных сторон жизни и сознания крестьян, чего до этого российские крестьяне никогда не испытывали.

На наш взгляд, именно этот аспект является самым существенным аспектом Столыпинской аграрной реформы, но ему до настоящего вре-

мени историография не уделила должного внимания, сосредоточившись в основном на изменениях в землепользовании, то есть, на проблеме перехода от общинного землепользования к хуторским и отрубным хозяйствам.

Напомним, что в ходе наделения землей 77% общин получило наделы в общинное землевладение. Это давало им право на передел, но на практике многие общины так и ни разу им не воспользовались. Как известно, в непередельных общинах внедрилось совсем другое правовое сознание, резко отличавшееся от сознания передельных общин. В этих общинах сама возможность реализации права земельного передела на уравнительных принципах считалась криминальной. Столкнувшись с такой ситуацией, российское правительство решило считать хозяйства в этих общинах перешедшими к наследственному (участковому или подвornому) владению.

Так, например, на основании материалов, собранных в 40 губерниях согласно циркуляру МВД от 20 декабря 1910 г., можно было увидеть, что число таких домохозяев составляло 3716770, или 27% от общего чисел домохозяев Европейской России¹. В целом общее число домохозяйств, которые благодаря Столыпинской аграрной реформе в период с 1907 по 1915 гг. получили статус личной собственности, достигло приблизительно 9453510, или 68% от общего числа домохозяев Европейской России.

Документы свидетельствуют, что число непередельных домохозяев после проведенного в 1910 г. обследования увеличилось с 27% до 38% от общего числа домохозяев Европейской России. То есть это обследование 1910 года было не совсем точным, так как местные земские начальники старались включать как можно большее общин в число непередельных. Поэтому число таких общин, полученное в ходе реализации циркуляра МВД от 1910 года, следует считать предварительным. Для этого имеются следующие основания.

Во-первых, в число непередельных общин не были включены такие губернии России, как Архангельская, Киевская, Подольская, а также Область войска Донского. Во вторых, во многих губерниях в ряде уездов непередельные общины просто не были учтены. В-третьих, налицо был произвол земских начальников, которые, сами определяли статус общины, вследствие чего число непередельных общин продолжало увеличиваться даже там, где было проведено обследование МВД 1910 года. По этому поводу Б. Черенков указывал, что «итак, по подсчету земских начальников, число общин, утративших общинное правосознание, оказалось равным уже не 40%, а целым 50% с лишним. А это еще только предварительный подсчет. Не может быть никакого сомнения, что если дело пойдет в том же духе, в каком шло до сих пор, то число неделившихся общин очень быстро достигнет трех пятых, т.е. 60% всего числа селений с общинным владением землей»².

Исходя из вышеизложенного, общее число хозяйств, которые в тече-

ние Столыпинской реформы считались перешедшими в личную собственность, должно было составить приблизительно четыре пятых всех крестьянских домохозяев Российской Федерации (более 11200000). Это число сильно отличается от итогового числа хозяйств (2877229), счи- тавшихся перешедшими к личному землевладению в истографии по Столыпинской аграрной реформе: выделившихся из общинного землеполь- зования (2008432)³, получивших утвержденные акты среди домохозяев непередельных сельских обществ (469792)⁴, и непосредственно пере- шедших к хуторским и отрубным хозяйствам на основании закона от 29 мая 1911 года (399005)⁵. Такая большая разница возникла из-за того, что исследователи Столыпинской реформы традиционно были сосредоточе- ны только на проблеме изменения форм землепользования.

Однако эти столыпинские личные наделы имели двойной характер, т.е. надел и личную собственность, отличая от европейской индивиду- альной собственности. И это один из самых главных и существенных аспектиров Столыпинской аграрной реформы, которому не было уделено внимание в истографии. В соответствии со статьей 39 закона от 14 июня 1910 г. земельные наделы, укрепленные в личную собственность, подчи- нялись как до, так и после выдела их к одному месту, действию правил о надельных землях. Эти правила подразумевали: а) запрет изъятия надельных земель из обращения в связи с взысканием по долгам владельца; б) право отчуждения надельных земель только лицами крестьянского сословия; г) запрет заклада надельных земель частным лицам и частным учреждениям. Это двойной характер сильно ограничил крестьянское право на личный надел, и вызвал хаотическое положение в сфере кре- стьянского завещания и наследования на местах, как далее объясняется. Не смотря на это положение, Российское правительство ни когда не от- речело от правил о надельных земель в период Столыпинской реформы. На фоне этого существовал большой принцип по крестьянской политики Российского правительства, т.е. предотвращение пролетаризация кресть- ян.

	До Столыпинской реформы	В период Столыпинской реформы		
		Передельная община	32% (→21%)	
Отношение сельского общества и двора	Передельная община	49% (→38%)	Личная собственность домохозяев и общая собственность	Уход от общины 17%
	Непередельная община	27% (→38%)		Непередельная община 27% (→38%)
	Подворная	24%		Подворная 24%
Внутри семьи	Семейная собственность			Итог 68% (→79%)
Надел				

Что касается надела, перешедшего в личную собственность, то в этом случае стала осуществляться также и процедура его наследования после смерти владельца. Однако, в тексте законов, принятых в связи с Высочайшим указом от 9 ноября 1906 года, мы не обнаружили ни одного упоминания о каких бы то ни было специальных правилах, регулирующих процедуру наследования личного земельного надела крестьянина по завещанию или без него. На тот момент существовало гражданское право, регулирующее наследование некрестьянского имущества, а также местный обычай. Поэтому вставал вопрос, какой из этих законодательных подсистем должны регулироваться отношения в сфере возникшего личного земельного владения? Каков должен быть здесь новый порядок?

Между гражданским правом и местным обычаем существовало принципиальное различие. Местный обычай, сформировавшийся в условиях семейной собственности, не был универсальным даже на общинном уровне. Он совершенно не соответствовал новым отношениям личного землевладения, которые появлялись в ходе Столыпинской реформы. В свою очередь, гражданский закон о наследстве полностью противоречил традиционному представлению крестьян о праве владения землей.

Как уже отмечалось, анализ опубликованной литературы показывает, что при изучении Столыпинской реформы внимание исследователей акцентировалось прежде всего на вопросах разрушения сельской общины, изменения способов землепользования, а также на других проблемах, возникших между сельским сообществом и крестьянским хозяйством в данный период. Но при этом они почти не касались изменений, произошедших в имущественных отношениях внутри крестьянской семьи.

Исследования, посвящющие местный обычай и крестьянские семьи, также в качестве своего основного объекта выбирают только до-реформенный период, и даже в недавних работах по изучению практики крестьянского суда, отсутствуют выводы о новых тенденциях возникнувших в переход Столыпинской реформы

Как правило, работы на тему местного обычного права и крестьянской семьи характерны для исследователей дореформенной деревни, но истография не успела расширить свое внимание до периода Столыпинской реформы. В этой связи если обратиться к современной западной историографии, то мы увидим, что и в публикациях современных западных исследователей отсутствуют сведения и выводы о новых тенденциях, возникших в российской деревне в годы Столыпинской реформы, хотя и имеются интересные работы, посвященные, например, практике крестьянского суда, так как и эти тоже выбирают только до-реформенный период⁶.

В данном контексте представляется важным рассмотреть проблему духовного завещания и наследования личных земельных наделов крестьян, а также новых тенденций в деятельности крестьянских судов в период Столыпинской реформы.

2. До составления законопроекта о наследовании в землях мелкого владения Министерства внутренних дел

2.1. Редакционная комиссия по пересмотру законоположения о крестьянах и Гражданское уложение Министерства юстиции

До начала Столыпинской реформы разработкой законов, касающихся крестьян, занимались министерства внутренних дел, юстиции и Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Для пересмотра законоположения о крестьянах работала Редакционная комиссия МВД, которая проблему семейной собственности рассмотрела в проекте устава о наследовании.

Проект был написан в духе одновременного признания и параллельного использования местного обычая и нового устава о наследовании. Его 4-я статья гласила: «Правила, установленные статьями 7-33 настоящего устава о порядке наследования по закону, применяются лишь поскольку они не противоречат местному, по нахождению наследственного имущества, обычай по сему предмету. В случае их противоречия с таким обычаем, суд постановляет свои решения на основании последнего»⁸.

Другими словами документ подтвердил тот факт, что поскольку, в отличие от общегражданского кодекса, написанного на принципах частной собственности, все права крестьян по гражданскому состоянию определялись принципами семейной собственности и общины, то применение статей общего гражданского кодекса о наследовании в данном случае было невозможным.

Что касается Гражданского уложения Министерства юстиции, то в нем также обнаруживался принцип легитимности семейной собственности. Так, например, в четвертом томе, в пятом разделе об особых порядках наследования, во второй главе («Наследование после крестьян»), в статье 1506 указывалось: «К наследованию после крестьян в надельных землях применяются существующие местные их обычаи, а за отсутствием обычаем - правила сего уложения. К наследованию после крестьян в недвижимость имущество, приобретенное крестьянами вне надела, и в движимом имуществе, не составляющем принадлежности хозяйства крестьян на надельных землях, применяются правила сего уложения»⁹.

Однако в 1902 году созданные практически во всех губерниях и уездах России Особые совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности пришли к мнению о необходимости полного упразднения остатков сословных различий между крестьянами и остальными сословиями. Это означало упразднение в принципе особого положения крестьян перед гражданским кодексом России и необходимость выработки новой позиции, согласно которой, следовало заменить местный обычай нормами общегражданского кодекса¹⁰.

В годы Столыпинской реформы ситуация противостояния норм стихийно сложившегося местного обычая и принципа унификации законо-

дательства на основе Гражданского права стала одной из самых серьезных проблем в деле революционной замены семейной собственности на личную собственность.

2.2. Отмена семейной собственности и инициаторы реформы

20 февраля 1906 года на вопрос о том, «вправе ли нотариусы совершать, помимо согласия всех членов крестьянского двора, купчие крепости на отчуждение домохозяйном двора выкупленных им в собственность из состава надельной земли подворных участков», Сенат вынес следующее решение: «Купчие крепости на выкупленные подворные участки могут быть совершаемы не иначе, как с согласия всех членов крестьянского двора»¹¹.

В условиях начавшейся земельной реформы Министерство внутренних дел отменило данное решение Сената. 28 февраля 1907 года Земский отдел МВД уведомил Первый департамент Сената, что его решение от 20 февраля 1906 должно считаться утратившим свою силу, так как, согласно ст. 1 отд. 3 указа от 9 ноября 1906 года, подворные участки являлись личной, а не семейной собственностью, а их владельцы получали право распоряжаться ими по собственному усмотрению, независимо от согласия членов своей семьи¹².

Более того, Министерство внутренних дел, приняв во внимание основополагающий правовой характер отмены семейной собственности, составило законопроект с характерным названием - «Положение о крестьянском землевладении». Этот законопроект унифицировал проект устава о земельных наделах и проект устава о крестьянском обществе, составленные в 1904 году Редакционной комиссией по пересмотру законоположения о крестьянах.

15 ноября 1907 года данный законопроект был внесен в Государственную Думу¹³. В разъяснениях по поводу выдвинутой законодательной инициативы говорилось: «Самое существование прочного и сильного государства возможно лишь при таком распорядке хозяйственного строя, который опирался бы на началах личной частной собственности и на уважении к собственности других. Только этим путем создана будет та масса мелких и средних собственников, которая повсеместно является сторонником государственного порядка, охраняющего их насущные интересы»¹⁴.

21 февраля 1907 года Министерство внутренних дел приняло решение по поводу Гражданского уложения, в котором говорилось, что в настоящий момент на основании Высочайших указов от 5 октября и 9 ноября 1906 года, отменяющих семейную собственность, назрела необходимость внести в проект Гражданского уложения нормы, коренным образом меняющие существующие установления, касающиеся крестьянской семьи и их земельных наделов¹⁵.

Спустя три года, 3 февраля 1910 года, Министерство внутренних дел выступило с жесткой критикой положения о крестьянском землевладении

нии, содержащегося в четвертой части третьего тома Гражданского уложения, назвав его не более чем «следованием дореформенным эдиктам Сената». В качестве неприемлемых моментов старого закона указывались такие его аспекты, как: а) сохранение особого сословно-правового статуса крестьянства, б) признание сельской общины в качестве главного правового субъекта системы землевладения и его основы, г) оказание приоритета семейной собственности, несмотря на полное изменение ситуации с семейной собственностью в настоящий момент¹⁶.

Этим публичным выступлением была поставлена точка в перетягивании каната, которым занимались Министерство юстиции с Министерством внутренних дел в вопросе пересмотра законодательной системы, регулирующей земельные отношения. Инициатива в данном вопросе перешла к Министерству внутренних дел, которое с этого момента стало катализатором процесса законодательного оформления правил наследования и завещания личных земельных наделов крестьян.

2.3. Проект положения о мелком землевладении

При обсуждении «Положения о крестьянском землевладении» было предложено расширить круг вопросов и обсудить проблему мелких земельных владений. 7 октября 1909 года по предложению П. А. Столыпина этот вопрос обсуждался в межведомственном совещании под председательством заместителя министра внутренних дел Лыкошина¹⁷. 19 декабря 1909 года Лыкошин разослал всем участникам данного совещания рабочие материалы: проект положения¹⁸, краткие объяснения¹⁹ и список основных вопросов, связанных с объектом обсуждения по проекту «положения о мелком землевладении» части 7 статьи 111 уложения²⁰. Проект был обсужден на восьми заседаниях «Совещания по рассмотрению вопросов крестьянского землевладения», которые состоялись в период с 14 января по 4 марта 1910 года²¹.

На этих заседаниях рассматривалась проблема выработки четкого определения, что такое «мелкое землевладение», а также обсуждались меры по ограничению дробления и сосредоточения наделов. Одним из самых дискуссионных вопросов стал вопрос о процедуре наследования.

Об этом шла речь на заседаниях 17, 24 февраля и 4 марта 1910 года. Основным был вопрос: вырабатывать ли критерии и правила наследования мелкоземельных наделов на основе местного обычая или же положений Гражданского права?²²

Все члены совещания были единодушны в том, что весьма неопределенные и неустойчивые нормы стихийного местного обычая не могут служить основой для регулирования отношений наследования в мелкоземельных крестьянских хозяйствах. Они также сошлись и во мнении о том, что положения о процедуре наследования, содержащиеся в общегражданском кодексе, в результате применения правил родных имуществ и реализации права женщин требовать свою долю имущества в суде, могут привести к крайнему дроблению наделов.

На основании послания, содержащегося в указе от 5 октября 1906 года, направленного на постепенное стирание разницы в правовом статусе крестьян с другими сословиями, на совещании был отвергнут и вариант возвращения к созданию особых правил наследования только для одной части населения, т.е. крестьян. В результате было достигнуто компромиссное решение: распространить на крестьян общие гражданские законы, установив в них некоторые изменения на основе местного обычая.

Совещание предполагало доработать законопроект «о мелком землевладении», включив туда кроме норм наследования также и многие другие правовые аспекты проблемы. Понимая, что подобные меры неизбежно вызовут серьезные споры при их рассмотрении и санкционировании, участники совещания пришли к выводу - представить их в Государственную Думу, оформив отдельным законопроектом о процедуре наследования крестьянских наделов²³.

2.4. Проект закона о наследовании в землях мелкого владения

В соответствие с выводами «Совещания по рассмотрению вопросов крестьянского землевладения» 1910 года и на основе проекта, представленного Пестржевским и Воскресенским, был составлен текст законопроекта «О наследовании в землях мелкого владения»²⁴. Первый его вариант был обсужден 28 октября и 2 ноября 1911 года на «Совещании по проекту о наследовании в землях мелкого владения»²⁵.

В фокусе обсуждения участников совещания оказались критерии определения объекта регулирования данным законом. Определились четыре основополагающих принципа наследования: а) исключение земель общинного владения; б) применение принципа наследования ко всем личным крестьянским земельным участкам, г) применение принципа наследования к вне-надельным землям, определенным во второй статье Положение о землеустройстве, д) применение принципа наследования к землям, приобретенным через Крестьянский поземельный банк.

Окончательный вариант законопроекта был представлен в разосланном 9 августа 1912 года Министерством внутренних дел губернаторам «запросе», состоящем из 26 пунктов, касающихся мелкоземельных наделов» («запрос из 26 пунктов»)²⁶. В нем содержались вопросов, тематически сгруппированные по следующим аспектам: отмена местного обычая (1-2); наследование по закону (3-12); духовное завещание (13-20); наследственный раздел (21-26)²⁷. Основными идеями данного документа было стремление к ограничению числа наследников и ограничению дробления земельного надела ниже определенной границы.

На основании собранных в 45 Европейских губерниях России (за исключением Вятской и Калужской) текстов докладов о результатах прошедших обсуждений данной проблемы, в середине 1913 года Министерство внутренних дел подготовило первый проект «закона о наследовании». Он оказался не окончательным. На основе учета составленного в

ГУЗиЗ законопроекта о мерах к ограничению дробления мелкой земельной собственности, образованной с содействием правительства (хуторских и отрубных хозяйствах), из него были удалены нормы по наследственному разделу (21-26 вопрос) и запрещению дробления земельного участка ниже определенной границы. В результате текст законопроекта был доработан и представлен на рассмотрение Совета министров 12 ноября 1913 года²⁸. Его окончательный вариант был одобрен Советом министров 12 декабря того же года²⁹. 14 января 1914 законопроект был представлен в Думу.³⁰ Затем он оказался в ее земельном комитете для окончательной доработки³¹. Однако, закон так и не был принят до начала большевистской революции, так как не прошел необходимых бюрократических этапов рассмотрения³².

Далее мы попытаемся рассмотреть основные положения не вступившего в силу «закона о наследовании», изложить ход дискуссии по правам наследования каждого из членов семьи, а также детально охарактеризовать ситуацию на местах.

3. Местный обычай и Гражданское право

3.1. Местный обычай и Гражданское право

До столовинской реформы процедура наследования имущества крестьянина регулировалась статьей 135 раздела 13 Общего крестьянского положения, которая учитывала традиции местного обычного права. В случае же, когда его правила не были официально признаны, в силу вступали нормы Гражданского права по наследованию имущества. По причине учащения случаев отхода из деревни на заработки, а также развития товарно-денежных отношений на селе знания норм гражданского кодекса стали проникать в крестьянскую среду, а легитимность местного обычая стала все чаще подвергаться сомнению. Поэтому среди крестьян стал формироваться слой, предпочитающий решать споры в соответствии с Гражданским правом³³. Участились случаи, когда даже волостные суды и уездные съезды не признавали правовой силы за местным обычаем и обращались в Сенат по поводу спорных вопросов.

В связи с отсутствием в указе от 9 ноября 1906 года специального положения о наследовании и завещании имущества, МВД и Сенатом были разработаны соответствующие инструкции. Так, например, Министерство внутренних дел в срочном порядке 9 декабря 1906 года разослало всем губернаторам циркуляр за номером 70 на эту тему.

Об этом же шла речь в 1910 году на общем собрании первого, второго и кассационного департаментов Сената, которое приняло в соответствии с позицией МВД следующее решение: «За обращением силою Высочайшего указа 9 ноября 1906 г. подворных участков надельной земли в личную собственность домохозяев, право наследования членов семьи обуславливается уже не обстоятельством участия их в хозяйственных трудах, а определяется лишь кровною связью с домохозяином и притом,

при отсутствии местного обычая, на общем основании гражданских законов».

Двойственность статуса мелкого земельного надела заключалась в том, что решения принимались по схеме: личная собственность – принцип кровного родства и наделы – местный обычай. Таким образом, с одной стороны, вводился принцип наследования по линии родства, с другой – действовала правовая практика с опорой на местный обычай.

В отношении правомерности подобной практики мнения российских юристов разделились. Например, Я. Гедд утверждал, что «гражданское право должно применяться к подворным наделам»³⁴. Редакционная коллегия журнала «Право» не согласилась с таким утверждением, заявив, что принцип наследования родного имущества не может «применяться» к укрепленному наделу в личную собственность³⁵.

Сущность подобного противоречия хорошо понимали эксперты из МВД, которые разрабатывали «закон о наследовании». Вот одна из записей на эту тему из протокола министерства, подтверждающая данный факт: «Русское крестьянство традиционно опирается на принцип трудового участия, однако гражданское право, регулирующее отношения среди членов прочих сословий, основывается на принципе кровного родства». Там же подчеркивалось, что практику, сформировавшуюся в условиях системы общинного землевладения и семейной собственности, невозможно применить без изменений в процедуре по наследству вновь возникшего личного землевладения³⁶.

24 декабря 1911 года в самый разгар дискуссии по разработке «закона о наследовании» Лыкошин выступил со следующим заявлением: «Именной Высочайший указ 9 ноября 1906 г. и заменивший его закон 14 июня 1910 года внесли существенные изменения в права крестьян на надельные земли. С другой же стороны, на рассмотрении законодательных учреждений находится ныне законопроект об уравнении наследственных прав женщин с лицами мужского пола, введение коего в крестьянскую жизнь повлекло бы за собою значительное дробление наделов, весьма нежелательное с точки зрения экономической и землеустроительной». Исходя из этого, он предложил приостановить рассмотрение в Сенате всех дел, касающихся наследования крестьянских земельных наделов, до окончательного представления Министерством внутренних дел «закона о наследовании»³⁷.

Министр юстиции Щегловитов также предложил Сенату приостановить рассмотрение данного вопроса до особого с его стороны распоряжения³⁸. В результате 19 января 1912 года обер-прокурор общего собрания Сената доложил в Министерство внутренних дел: «Во исполнение означенного ордера мною сделано распоряжение о приостановлении дальнейшего движения по вышеуказанному вопросу».³⁹ Тем не менее, в ситуации, когда перспективы законодательного оформления проекта стали неясными вследствие сложнейших спорных моментов, 13 февраля

1913 года гражданский кассационный департамент повторно указал, что нельзя не принимать решение за № 1 от 1910 года⁴⁰.

В конечном итоге в годы Столыпинской реформы Сенат так и не разрешил основной конфликт между местным обычаем и общим гражданским правом, то есть вокруг правовой основы личной формы владения крестьянскими наделами. Проблема состояла в том, что между этими двумя правовыми системами существовала непреодолимая пропасть в трактовке прав наследования тех членов семьи, которые не были связаны узами кровного родства между собой. Это касалось отделенных сыновей и долгое время считавшихся выбывшими членов клана: вдов и дочерей, усыновленных, тестя, проживающего в доме родителей жены и.д.

Активный сторонник семейной формы собственности В. Н. Шретер оценивал местный обычай в качестве средства, способного в суде компенсировать и исправить несовершенство и негативный эффект от слишком поспешного введения в действие закона от 14 июня 1910 года в сфере наследования и семейного раздела. Он высказал мнение о том, что отрицаемая в законе от 14 июня семейная собственность должна была получить отражение в решениях суда по искам о наследстве и семейным разделе⁴¹.

Что касается права наследования членов семьи, то в этом вопросе местный обычай и Гражданское право значительно различались в подходах. В этой связи следует напомнить, что почти все дореформенные семейные разделы являлись несанкционированными. Тот факт, что при этом признавались равные права вдов и не кровнородственных членов семьи на общую собственность, в дальнейшем стало одним из сложнейших подводных камней, вставших на пути принятия закона о крестьянском завещании и наследовании личных земельных наделов.

3.2. Рассмотрение губернскими совещаниями

В качестве основного вопроса, ответ на который должны были дать разработанные опросники под общим названием «запрос из 26 пунктов», был вопрос: отменять ли полностью местный обычай (вопрос № 1), или же вносить изменения в статьи о порядке наследования в Гражданском праве (вопрос № 2)? Конкретно это звучало так: «Должен ли порядок наследования в надельных землях определяться местными обычаями, или же, ввиду коренного преобразования крестьянского землевладения новыми землестроительными законами, наследование в надельных землях должно быть подчинено действию положительного закона, с совершенным исключением местных обычая из области наследования? Если же применение местных обычая может быть допущено в некоторых случаях, то в каких именно?» (вопрос № 1); «Если порядок наследования в надельных землях должен определяться преимущественно или исключительно законом, то следует ли распространить на надельные земли общие гражданские законы, или нужно установить в них некоторые изменения, вызываемые особенностями мелкого землевладения?» (вопрос №

2).

Из 45 губернских совещаний 39 ответили, что, по их мнению, необходимо полностью отказаться от местного обычая и решать все вопросы о наследовании земельных наделов только в соответствии с нормой закона (вопрос № 1). Данный факт свидетельствовал о том, что большинство членов губернских совещаний надеялось на то, что, упорядочив процедуру наследования личных земельных наделов, можно будет достичь определенной стабильности.

6 губернских совещаний выразили мнение, согласно которому следовало совмещать тот и другой механизм правового регулирования. Однако и в этом случае они указали, чтобы местный обычай применялся лишь в исключительных случаях.

В то же время, среди ответов в пользу применения норм Гражданского права, не оказалось полностью одобрявших его современное состояние. Предлагалось в целях улучшения внести в него соответствующие поправки (вопрос № 2). В частности, в 34-х губернских совещаниях было высказано мнение, что необходимо внести изменения в текст Гражданского права, учитывающие особенность мелких земельных наделов, а также местного обычая. Все вопросы о наследовании следовало решать в соответствии с этим дополненным и исправленным вариантом кодекса⁴².

Основываясь на полученных из 45 губерний мнениях, 7 июля 1913 года созванное междуведомственное совещание единогласно отвергло предложение об использовании местного обычая. Было принято решение в пользу исправленного варианта Гражданского права, который учитывал нормы местного обычая⁴³. Именно это решение и легло в основу первого чтения проекта закона о наследовании земельных наделов, составленного в Министерстве внутренних дел. В проекте учитывались особенности мелкого земельного участка и местного обычая.

В то же время представитель Министерства финансов возразил против применения к крестьянским хозяйствам принципов таких же норм наследования гражданского права, какие применялись к другим сословиям. Его аргумент состоял в том, что при определенности наследственной доли каждого из членов крестьянской семьи, это может стать яблоком раздора между наследниками, а также причиной сокращения трудовых расходов от многих членов семьи, что, естественно, ослабит их платежеспособность по налогам.

На это мнение более половины губернских совещаний привели следующие аргументы: «Главная задача настоящей законодательной работы в том и заключается, чтобы внести, наконец, определенность в ту область, где до сих пор царила неопределенность и неустойчивость; и если бы отказаться от установления наследственных долей отдельных наследников, то тогда утратился бы главный смысл настоящей работы. Определенность прав никогда не повредит в хозяйственном отношении и не по-

ведет к ослаблению народной энергии. Наоборот: ни что так не влияет разлагающе на трудоспособность населения, как неопределенность прав и обязанностей. Не следует, поэтому, опасаться и того, что установление твердого порядка наследования поведет к уменьшению платежеспособности земледельческого населения; наоборот, с уменьшением числа наследственных споров и с повышением трудоспособности населения, (что будет прямым последствием внесения большей определенности в область наследования) должна повыситься и платежеспособность мелких землевладельцев»⁴⁴.

Далее мы рассмотрим дискуссию вокруг проблемы наследственных прав разных членов семьи, которые трактуются совершенно по-разному в Гражданском праве и местном обычай, а также о юридическом статусе крестьянского духовного завещания.

4. Крестьянское духовное завещание

4.1. Юридический статус крестьянского духовного завещания

4.1.1. Двойная структура системы рассмотрения крестьянских гражданских дел

И до Столыпинской реформы в крестьянской среде наблюдалось не мало случаев оформления завещания как в отношении движимого имущества, так и в отношении недвижимого, приобретенного вне наделения. Земельные наделы и надельные имущества также иногда включалась в подобные документы. В случае, если сумма денежного эквивалента завещаемого имущества составляла менее 100 рублей, легальная сертификация завещания осуществлялась в волостном правлении путем занесения записи в книги договоров и сделок. Если сумма превышала 100 рублей, то процедура регистрации завещания в обязательном порядке проводилась в окружном суде.

С другой стороны, поскольку не было зарегистрировано практически ни одного случая удовлетворения просьбы крестьянина о заверке своего завещания в волостном суде или на сельском сходе, обычной процедурой являлось обращение через некрестьянскую судебную систему, то есть, цепочку инстанций, включавшую окружной суд, судебную палату, гражданский департамент Сената.

В отношении дел о крестьянском завещании существовал неоднозначный подход в различных окружных судах. Некоторые из судов довольно охотно оформляли завещания, в то время как другие занимали иную позицию, ссылаясь на то, что все дела, касающиеся передачи по наследству крестьянских земельных наделов, входили в юрисдикцию волостных судов (Общее положение о крестьянах, статья 125, пункт 4). По этой причине вопрос о необходимости получить разрешение окружного суда на передачу в наследство земельного надела был неясен.

В 1905 году Сенат решением за № 10 общего собрания первого, второго и кассационного департаментов сделал процедуру получения раз-

решения окружного суда по делам о завещании обязательной⁴⁵. Таким образом, дела по совершению крестьянских завещаний, как и гражданские иски, связанные с ними, могли с этих пор рассматриваться как по линии: «окружной суд - судебная палата - гражданский кассационный департамент - сенатское общее собрание», так и по линии «волостной суд - уездный съезд - (губернское присутствие по крестьянским делам) - второй департамент Сената - общее собрание первого, второго и кассационного департаментов Сената.

Крестьянин мог подавать иск по более удобной и угодной для себя линии, или по двум линиям одновременно. Тем не менее, конфликты, вызванные противоречащими друг другу решениями указанных двух судебных систем и отсутствие необходимой схемы утвержденных процессуальных действий внутри самих судебных систем, продолжали оставаться причинами полной неразберихи в этом вопросе.

4.1.2. Судебные прецеденты Сената

Для оценки состояния вопроса о крестьянских завещаниях во время Столыпинской реформы предже всего обратимся к ситуации, существовавшей до ее начала. Так, например, в 1897 году Сенат решением общего собрания за № 29 постановил, что земельный надел крестьянина не может являться объектом завещания, поскольку является собственностью сельской общины или крестьянского двора.

Однако с момента оглашения указа от 9 ноября 1906 года статус собственности на крестьянские земельные наделы резко изменился, и их владельцам-домохозяевам было дано право распоряжаться своим имуществом. Но и в то же время в официальных документах о реформе не было упоминания о праве крестьян на завещание.

Для того чтобы восполнить этот пробел Министерство внутренних дел уже 9 декабря 1906 года разослало циркуляр за № 70 губернаторам, в котором говорилось, что завещание, касающееся крестьянских надельных имуществ, должно иметь законную силу, если оно не противоречит местному обычью. Это был компромиссный вариант решения данной проблемы. Однако в обстановке сохранения негативного отношения к завещанию надельных имуществ трудно было ожидать формирования судебной практики, разрешающей крестьянское завещание⁴⁶.

В силу отсутствия утвержденной процедуры, имеющей законную силу, во многих местах возникало немалое количество споров и конфликтов. Позиции, которая состояла в том, что право на завещание имущества было легитимизировано одновременно с правом личного владения и права распоряжаться им, противостояла другая, согласно которой надел не мог стать предметом свободной переуступки по завещанию. В этом еще раз ярко проявился двойственный юридический статус личных земельных наделов: личная собственность и надел.

Данная проблема рассматривалась Сенатом 12 октября 1909 года

(решение общего собрания № 19). Согласно его решения, а также решения в 1911 году за № 99 гражданского кассационного департамента, официально заявлялось, что, поскольку земельные наделы домохозяев, умерших до оглашения Именного указа от 9 ноября 1906 года, не являются предметом личной собственности домохозяев, они не могут быть переданы по завещанию другим лицам. Но так как в данном документе ничего не было сказано о тех завещаниях, которые были составлены после оглашения указа, позиция государства по этому вопросу продолжала оставаться противоречивой.

На тот момент действовало правило, в соответствии с которым, вопрос должен был решаться на основании кровнородственных отношений. Этот принцип имел силу лишь тогда, когда он не противоречил местному обычью. По этой причине горячие споры вокруг вопроса о завещании земельных наделов кипели не только в научных кругах юристов-правоведов, но и на местах.

Что же касается хозяйств с общинной формой землевладения, то, как и до реформы, завещание здесь не имело никакой законной силы вследствие твердого соблюдения принципа семейной собственности⁴⁷.

4.1.3. Разногласия в позициях юристов

С момента оглашения Именного указа от 9 ноября 1906 года юристами стали высказываться прямо противоположные мнения по поводу легитимности крестьянского завещания и его отношению к местному обычью.

Так, например, П. Павлов говорил, что поскольку принцип личной собственности не допускает никаких принципиальных различий между землями, укрепленными в личную собственность, и землями, приобретенными вне наделения, то старое правило об отсутствии у завещания законной силы, просто не имеет оснований для применения⁴⁸.

А. Н. Пареного также утверждал, что так как сфера действия местного обычая распространяется только лишь на общинное землевладение, а также на крестьянское имущество семейной собственности и ни в коем случае не включает в себя личное имущество, то завещание, составленное в отношении личных крестьянских земельных наделов, законно и обосновано⁴⁹.

На эти мнения Ф. В. Татаринов высказал свои аргументы. В частности, он считал, что для того чтобы избежать бесконечных споров из-за противоречий между правом завещания и местным обычаем, а также предотвратить усиление хаоса с вопросом о праве личного владения крестьян на землю, необходимо было полностью дезавуировать законность крестьянского завещания в принципе⁵⁰.

Н. Г. Вавин считал, что завещание на личный земельный надел может иметь легитимность, но при условии, если оно не противоречит местному обычью⁵¹.

В этом же ключе выступил А. Н. Бутовский. Он заявил, что за кре-

стьянским завещанием в исключительном случае может быть признана законная сила - если подтвердится наличие местного обычая в отношении определенного факта⁵².

Такой законовед, как Гей, критиковал Сенат за недостаток чувства реальности. Он говорил, что даже если упомянутые выше решения Сената 1909 и 1911 годов признают за завещанием законную силу, то такое завещание не может не соответствовать полностью местному обычью, и что объектом завещания может стать не земельный надел, а лишь свободно приобретенный крестьянином земельный участок и его движимое имущество⁵³.

Ниже мы рассмотрим те проблемы, которые возникли в связи со спорами о законной силе крестьянских завещаний до Столыпинской реформы и после нее, а также дискуссию по этому вопросу, состоявшуюся в губернских совещаниях Европейской России по крестьянским делам.

4.2. Завещания до проведения Столыпинской реформы

Завещания, составленные до начала Столыпинской реформы, оказались недействительными в соответствии с решением Сената за № 19 от 1909 года. Ситуация предполагала разнотечения в отношении права на наследство замужней дочери, вдовы и усыновленных членов семьи.

4.2.1. Замужняя дочь

7 сентября 1894 года некий крестьянин Павел в офисе нотариуса Кукина совершил завещание в пользу двух своих дочерей Анны и Пелагеи. Его сын Дмитрий подал в суд с требованием аннулировать этот документ на основании заявления о том, что оно противоречит местному обычью Баранье-Горской волости. Согласно этому обычью, если в семье есть сын, то замужние дочери должны довольствоваться лишь приданым. Данный аргумент был подтвержденным приговором схода деревни Кузнецово от 1 апреля 1902 года.

Анна и Пелагея заявили на это, что «местный обычай не может быть применен к завещанию». Тверской окружный суд 29 сентября 1905 года вынес следующее решение: «Местный обычай применяется только к наследованию по закону, но не может быть применяться в процедуре наследования по завещанию или в отношении приобретенного имущества вне наделения». Однако 6 июня 1912 года Московская судебная палата отменила это решение со следующей формулировкой: «Местный обычай может применяться и в этом случае, а наличие такого полностью доказано свидетельствами и приговором сельского схода⁵⁴. 13 ноября 1913 года Сенат отклонил просьбу Анны и Пелагеи о пересмотре решения Московской судебной палаты⁵⁵.

19 июня 1914 года Анна и Пелагея снова обратились в Сенат с просьбой о пересмотре дела, указав в своем заявлении, что в отношении данной волости в период между 1870 и 1914 годами все решения по процедуре наследования принимались не на основе местного обычая, а

только лишь в соответствии с действующим законом. Например, замужняя дочь могла получить законную долю даже при наличии сыновей, и ее никогда не исключали из числа законных наследников. Они приложили к этому заявлению решение Баранье-Горского волостного суда⁵⁶. В связи с этим они заявили, что приговор сельского схода от 1 апреля 1902 года не соответствовал закону и местному обычаяу⁵⁷.

4.2.2. Братья и усыновленные

28 февраля 1895 года крестьянин Филлип составил в кантоне младшего нотариуса завещание, по которому передавал здание и усадьбу своему брату Григорию. 9 февраля 1905 года вдова Филлипа Евдокия в качестве опекунши Зиновия, усыновленного в младенчестве, подала в Каменецк-Подольский окружный суд иск на Григория о выплате ей 800 рублей и аннулировании завещания.

Григорий не согласился с иском и заявил, что Евдокия и Зиновий ни по закону, ни по местному обычаяу не имеют права на наследство. Более того, он утверждал, что факт усыновления Зиновия Филлипом не соответствует действительности. 28 сентября 1906 года Каменецк-Подольский окружной суд вынес свое решение: «Поскольку в силу решения № 29 общего собрания Сената от 1897 года наследниками являются все члены двора, завещание, составленное домохозяином о распределении имущества, не имеет силы». Факт усыновления Зиновия был доказан записью в регистре членов семьи. По результатам расследования выяснилось, что не следует признавать факта существования какого-либо местного обычая по этому поводу. 4 мая 1909 года Одесская судебная палата также отвергла ходатайство Григория о пересмотре дела⁵⁸.

12 сентября 1910 года это дело получило новый поворот. Каменецк-Подольская казенная палата признала, что имя Зиновия было внесено в список членов семьи Филлипа по ошибке и поэтому аннулировала данную регистрацию⁵⁹. 12 января 1911 года Григорий обратился в гражданский кассационный департамент Сената с просьбой об отмене решения Одесской судебной палаты в связи с полным изменением правового статуса заинтересованных сторон⁶⁰.

4.3. Крестьянское завещание в законопроекте о наследовании МВД

На 18-й вопрос «запроса из 26 пунктов» о том, необходимо ли распространить запрет на составление завещаний также и на земли, приобретенные вне наделения? - «Против» высказались 28 губерний, «За» только 15. Однако все они единодушно согласились с тем, что завещание крестьянских надельных земель и имущества должно быть ограничено рамками закона.

Характерным обстоятельством являлось то, что наибольшее количество вопросов указанного опросника (№ 13-20) относились именно к проблеме крестьянского завещания. Конкретное содержание этих вопросов было следующим. Во-первых, это вопросы о предмете и свободе

оформления завещания: «Не следует ли установить, что при наличии нисходящих участок может быть завещан одному или нескольким из них?» (вопрос № 13); «При отсутствии нисходящих, можно ли допустить завещания, помимо ближайших боковых родственников (братьев и сестер завещателя и их потомства), в пользу более отдаленных боковых родственников и посторонних лиц?» (вопрос № 14); «Какие права должны быть предоставлены завещателям при отсутствии нисходящих и ближайших боковых родственников?» (вопрос № 15); «Не воспретить ли дробление участков при переходе их по завещаниям к отдаленным боковым родственникам и пережившему супругу?» (вопрос № 16).

Полную свободу завещания земли нисходящим родственникам (вопрос № 13) признали почти все губернии, кроме Ставропольской и Тамбовской, высказавшихся против передачи наделов по завещанию. Причина возражения была сформулирована следующим образом: «в целях ограждения имущественных прав жены и нисходящих, принимавших непосредственное участие в созидании и ведении общего хозяйства, от возможных злоупотреблений и произвола наследователя».

На вопрос, касающийся случаев отсутствия нисходящих родственников (вопрос № 14), более половины губернских совещаний (27) продемонстрировали солидарность с решением Министерства внутренних дел, которое разрешало полную свободу завещания (как в пользу отдаленных боковых родственников так и посторонних лиц). Кроме того, шесть комитетов признали право получить надел по завещанию за любым боковым родственником и три – только за ближайшим боковым родственником.

35 губерний выразили мнение о том, что при наличии только отдаленных боковых родственников (вопрос № 15) необходимо дать полную свободу завещания надела посторонним лицам. Два губернских совещания по этому вопросу призвали определить в качестве законных наследников по завещанию исключительно отдаленных боковых родственников. Наконец, все губернии были единодушны в том, что при отходе наделов по завещанию отдаленным боковым родственникам или вдове (вопрос № 16) необходимо запретить дробление наследуемого надела⁶¹.

В первом чтении проекта «закона о наследовании» МВД по вопросу о свободе завещания было заявлено следующее: а) собственник земли мелкого владения, имеющий нисходящих по прямой линии, призываемых по закону к наследованию, может посредством завещания распределить, по своему усмотрению, между ними свою землю или части ее, либо предоставить ее некоторым, либо одному из них (статья 1103³); б) не имеющий нисходящих собственник земли мелкого владения вправе завещать ее в собственность своему супругу, восходящим или боковым родственникам, либо посторонним лицам, по своему усмотрению (статья 1103⁴); в) собственник земли мелкого владения вправе во всяком случае завещать ее своему супругу в пожизненное владение. Другим лицам зем-

ля может быть завещана в пожизненное владение лишь при отсутствии у завещателя нисходящих (статья 1103⁵); г) собственник земли мелкого владения вправе обязать избранных им наследников единовременными или повременными выдачами в пользу третьих лиц; наследников, принадлежащих к числу нисходящих родственников завещателя, он вправе обязывать выдачами лишь в пользу своего супруга, восходящих и других нисходящих (статья 1103⁶).

В конечном итоге в данный документ так и не было включено определение наименьшего предельного размера завещаемого земельного участка. Причина этого состояла в том, что в отношении группы вопросов о наследственном разделе (№ 21-26) ГУЗиЗ приступило к составлению собственного законопроекта, направленного на ограничение дробления мелкой земельной собственности, образованной с содействием правительства, и поэтому упоминание об этом аспекте исчезло из второго и последнего чтений «закона о наследовании»⁶².

4.4. Крестьянское завещание во время Столыпинской реформы

4.4.1. Вдова

Крестьянин Казанской губернии Павел завещал своей жене Александре дом и усадебный участок, однако 22 июня 1910 года крестьянка Пелагея подала в окружной Казанский суд иск на отмену завещания своего отца Павла. 4 февраля 1911 года окружной суд на основании решения общего собрания Сената за № 29 от 1897 года постановил, что крестьянский надел не может быть предметом завещания. Тем не менее, 19 декабря 1911 года Казанская судебная палата на основании того, что дом и сад по Именному указу от 9 ноября 1906 года следует рассматривать как личное имущество домохозяина, признала законность включения их в завещание⁶³.

Пелагея, не согласившись с решением судебной палаты, обратилась в гражданский кассационный департамент Сената с ходатайством об опротестовании решений окружного суда и судебной палаты, так как земли не сельскохозяйственного назначения приравнивались по своему статусу к наделу в соответствии с пунктом 4 статьи 125 Общего положения о крестьянах, дела по которым рассматривались в волостном суде и были неподсудны общим судебным учреждением, вследствие чего решения вышеозначенных судов являлись недействительными⁶⁴.

Так как наследование выделенного в надел имущества входило в сферу деятельности волостного суда, а визирование письменного завещания - в юрисдикцию окружного суда, то часто возникала ситуация рассмотрения одного и того же завещания одновременно в обеих системах правового регулирования с принятием противоречащих друг другу решений.

Так, например, 7 сентября 1907 года Пермский окружной суд ратифицировал нотариально заверенное (12 мая 1907 года) завещание крестьянина Семена, скончавшегося 10 июня и оставившего свое имущество

во жене Екатерине. Брат Семена, Михаил, заявил, что согласно Положения о наследстве гражданского права, Екатерина, не имеющая детей, имела право не более, чем на 1/7 всего имущества. Екатерина же утверждала, что еще при жизни мужа, 11 апреля 1907 года в волостном суде Семен и Михаил официально осуществили семейный раздел.

23 ноября 1907 года волостной суд подтвердил факт, что Екатерина имеет право на наследование только лишь 1/7 имущества, но Пермский уездный съезд своим решением от 22 января 1909 года признал Екатерину единственным законным наследником Семена⁶⁵.

После этого Михаил подал иск на признание завещания недействительным в окружной суд. 3 мая 1909 года Пермский окружной суд, руководствуясь тем обстоятельством, что решение Сената за № 29 от 1897 года утратило свою законную силу по Именному указу от 9 ноября 1906 года, подтвердил легитимность завещания Семена. Однако Казанская судебная палата, основываясь на том, что оспариваемое недвижимое имущество является родовым имуществом, снова вынесла решение о подтверждении права Екатерины только на 1/7 собственности ее мужа⁶⁶. 22 августа 1912 года Екатерина подала иск об опротестовании предыдущего решения в гражданский кассационный департамент Сената⁶⁷.

4.2.2. Члены разделенной семьи и зять

14 августа 1910 года Харьковский крестьянин Петр завещал 2,5 десятины надельной земли с усадебным участком своему зятю Кириллу.

20 августа 1910 года крестьянин Тимофея, брат умершего Петра, перед земским начальником и волостным судом заявил, что официального семейного раздела не было, а Кирилл не является официальным усыновленным, на что последний ответил, что надел ему достался после 13 лет, в течение которых он проживал в качестве зятя в доме своего тестя Петра.

Волостной суд на основании показаний трех свидетелей, заявивших, что Петр составлял завещание, будучи больным, присудил Тимофею 1,5 десятины надела, а Кириллу 1 десятину. 11 декабря 1910 года Сумским окружным судом завещание Петра было утверждено. 5 сентября 1911 года и уездный съезд подтвердил правоту Кирилла⁶⁸.

Несмотря на протесты Тимофея, заявлявшего, что надел не мог быть объектом завещания, Сумской окружной суд 13 сентября 1911 года определил своим решением на основании Гражданского права, что только две дочери Петра - законные наследницы, - могут выступить с протестом по данному завещанию⁶⁹. 13 декабря 1913 года Харьковская судебная палата, установив факт семейного раздела между Тимофеем и Петром 18 лет тому назад, отклонила просьбу Тимофея об опротестовании завещания⁷⁰. 16 января 1914 года Тимофея обратился с апелляцией в гражданский кассационный департамент Сената⁷¹.

4.4.3. Сыновья и внуки

Крестьянин Курской губернии деревни Уколоно Михаил 19 июня 1906 года составил и 26 сентября 1908 года утвердил в окружном суде завещание, по которому его сыну Петру и внуку Ивану отходило по половине участка в 26,1 десятину.

Петр подал заявление на отмену завещания в Курский окружной суд, аргументируя это тем, что при жизни его сына - единственного законного наследника, - отец не имел права завещать часть земельного имущества внуку.

24 февраля 1911 года суд постановил, что, поскольку земельный участок, предназначенный по завещанию Ивану, является родовой собственностью, он не может быть предметом завещания. 22 декабря 1912 года Харьковская судебная палата дала следующее разъяснение по данному делу: правовое положение, согласно которому земельный надел не мог быть предметом завещания, касалось исключительно земельных участков, находившихся в общинном либо подворном землевладении. Поэтому в соответствие с Именным указом от 9 ноября 1906 года, согласно которого крестьянские земельные наделы перешли в личную собственность, уже не существовало какого-либо законного основания для не признания права крестьянина на завещание своего имущества⁷².

18 апреля 1913 года Петр подал протест на решение Харьковской судебной палаты в гражданский кассационный департамент Сената⁷³. Однако, и Иван также подал свое обращение туда же 12 июля 1913 года, в котором подчеркнул, что указ от 9 ноября 1906 года создал твердые основания для законности передачи крестьянских земельных наделов по завещанию⁷⁴.

4.4.4. Сыновья и внуки по материнской линии

Крестьянин деревни Саково Московской губернии Иван подал в Московский окружной суд прошение о признании недействительным завещания его отца, Ивана, от 5 июня 1906 года по передаче приобретенного им 16 декабря 1879 года у крестьянина Ефрема земельного надела с жильм строением своему внуку по дочери, Михаилу, так как крестьянские земельные наделы не могли по закону быть предметом завещания.

4 декабря 1909 года суд своим решением признал правоту Ивана. Однако, 12 октября 1913 года Московская судебная палата постановила: указ от 9 ноября 1906 года отменил законность решения общего собрания Сената за № 29 от 1897 года. Данный факт был подтвержден также и в протоколе того же общего собрания Сената за № 19 от 12 декабря 1909 года⁷⁵.

Крестьянин Иван дважды, 21 декабря 1913 года и 8 июня 1914 года подавал свои прошения в гражданский кассационный департамент Сената. Он аргументировал их тем, что даже после Именного указа от 9 ноября 1906 года и оглашения закона от 14 июня 1910 года сохранилось в силе положение, согласно которому наследование крестьянских наделов

лов должно было регулироваться местным обычаем⁷⁶, а также и тем, что усадебный участок не принадлежал ему одному, а был имущественным владением всей семьи. Он обосновал эту мысль следующим образом: “Мой отец, являющийся завещателем, умер в возрасте 76 лет (23 мая 1909 года - Авт.), тем не менее, в течение последних 20 лет он, потеряв работоспособность, находился на моем попечении. Однако, отец, несмотря на это, завещал дом, стоящий на земле, входящей в разряд крестьянских наделов, вместе с усадебным участком и движимым имуществом в пользу своего внука по дочери, Михаилу. По этой причине моя семья, состоящая из 8 человек, потеряла все средства к существованию”.⁷⁷

Во время войны, 17 апреля 1915 года, рассмотревшее это дело 6-е отделение гражданского кассационного департамента Сената определило, что Именной указ от 9 ноября 1906 года отменил принцип крестьянской семейной собственности, в результате чего домохозяин получил право на распоряжение, как и право на завещание своего имущества по своему усмотрению⁷⁸. В соответствие с этим определением было признано абсолютное право завещателя свободно определять своих наследников по их мнению. Следует отметить, что после указа от 9 ноября 1906 года личные наделы также являлись предметами полной свободы завещания. Этим определением была уничтожена пропасть, разделявшая право свободного распоряжения собственностью и правом завещать ее по собственной воле кому угодно.

Тем не менее, остается неясным: как скоро после вынесения данного решения оно было принято правительством и региональными судебными органами. Дело в том, что земский отдел МВД в январе 1917 года официально заявил: “Крестьяне имеют право осуществлять свое право на завещание постольку, поскольку оно не противоречит местному обычью”.⁷⁹

4.5. Значение крестьянских завещаний

Правовой статус акта передачи крестьянского надела по завещанию определялся противоречивыми принципами: во-первых, - в соответствии с местным обычаем, во-вторых, - на основе принципа, утвержденного дореформенным решением Сената, согласно которому, так как надел по-прежнему являлся семейным имуществом, его наследование по завещанию было невозможно, , в-третьих, - на основе мнения Гражданского кодекса («Так как надел - родовое имущество, невозможно наследование по завещанию») и, наконец, в-четвертых, - тривиальным правовым сознанием, согласно которому личная собственность была равнозначна неограниченной свободе на его завещание.

В сложившейся ситуации в отношении законности завещания крестьянских наделов наблюдался полный хаос: решения прямо противоречили друг другу, как внутри обеих систем правового регулирования (между низшим и высшим органом иерархической лестницы, между трактовками каждой из этих систем), так и между решениями одного и того

же органа, принимающего в разное время разные решения. С другой стороны, сам акт завещания не ставил перед собой цели предотвращать дробление земельных участков или передачу их из поколения в поколение в неизменном виде. Кроме того, в ситуации, когда четкое положение, определяющее право на завещание крестьянских наделов, отсутствовало, дискуссия касалась признания самого права на завещание и абсолютно не касалась ни сферы определения статуса завещателя, ни вопроса о компенсации тем наследникам, которые не были упомянуты в завещании. По этой причине, как видно из приведенных выше примеров, лица лишенные наследства по завещанию, вообще не получали никакой компенсации и оказывались в крайне затруднительном положении, лишившись как земли, так и своего жилья.

5. Крестьянское наследование

Предметом спора в вопросах наследования у крестьян традиционно становились вопросы наследования сыновей, ушедших из семьи и длительное время отсутствующих дома, вдов и дочерей, а также некровных членов семьи. После указа 9 ноября 1906 года особенно предже всего они вступили в заявление укрепить земельные участки в личную собственность чтобы приобрести свою имущественную долю.

Далее мы рассмотрим аргументы дискуссии по вопросам права наследования членами семьи и конкретные судебные процессы по «запросу из 26 пунктов». Участниками губернских совещаний по рассмотрению «запроса из 26 пунктов» являлись земские начальники, члены уездных съездов и губернских присутствий, судьи окружных судов и судебных палат, которые на месте непосредственно рассматривали крестьянские исхи. Они имели крайне разные мнения по поводу “Запроса” и поэтому на местах наблюдались весьма разные решения по одному и тому же иску.

5.1. Отделенные сыновья

5.1.1. Отделенный сын и сын, находившийся в долгом отсутствии

Многие источники сходятся в том, что право наследования не признавалось за отделенным сыном. Это была одна из главных особенностей местного обычая у крестьян, по сравнению с нормами наследования Гражданского права. Вот лишь некоторые примеры на эту тему.

Крестьянин Московской губернии Иван, заводя тяжбу против братьев Василия и Сергея, заявлял: “Я не отделялся от умершего отца моего, и жил в Москве, следовательно, после отца я считаюсь себя главой семьи”. Василий и Сергей же утверждали, что Иван 30 лет назад отделился от семьи и никогда не помогал в содержании хозяйства.

4 августа 1910 года волостной суд признал Ивана отделенным сыном, хотя Иван говорил, что “финансово” управлял семьей до смерти отца. И уездный земский съезд от 25 ноября 1911 года постановил счи-

тать Ивана отделенным от семьи 30 лет назад⁸⁰. 6 июня 1912 года решение уездного съезда было утверждено губернским присутствием⁸¹. Таким образом, сын, находившийся в долгом отсутствии, признавался отделенным в случае, когда он никогда не давал помощи для содержания хозяйства.

Как мы можем далее увидеть, крестьяне могли подавать иски по двум линиям судебных систем. После смерти в 1902 году киевского крестьянина Сафона, 9 августа 1909 года скончалась его вдова Мария, которая являлась домохозяйкой и владелицей имущества. Старший сын Иван и второй сын Михаил претендовали каждый на одну треть наследства. Сын третьего брата, Исидора, Андрей утверждал, что у Ивана и Михаила не могло быть такого права по причине того, что они являлись отсутствующими долгое время.

Окружной суд 11 октября 1910 года и Киевская судебная палата 16 марта 1912 года признали Ивана и Михаила отделенными 28 лет назад и переселившимися в Екатеринославскую губернию. Поэтому они являлись отдельными семьями. Также в приговоре говорилось, что после указа от 9 ноября 1906 года Мария и Андрей стали сонаследниками, а после смерти Марии за Андреем могло быть признано право наследования сельским сходом⁸².

После вынесения данного решения окружного суда Иван и Михаил заявили о его неправомерности. Но это заявление не было поддержано мировым посредником 23 марта 1911 года и уездным съездом мировых посредников 3 октября 1911 года, которые отклонили его. Но с таким результатом дела не согласилось Губернское присутствие, которое 8 февраля 1912 года отклонило решение уездного съезда⁸³.

Множество спорных вопросов в наследовании возникало в случае семейного раздела и ухода сына из дома при отсутствии других сыновей. Так, например, в январе 1904 года после смерти отца его сын, Григорий из деревни Чирловки Подольской губернии, осуществивший семейный раздел в 1894 году, принял на себя отцовское хозяйство. Но в сентябре 1909 года вернулся сын Иван, находящийся на заработках, и заявил права на эту собственность.

Иван утверждал, что Григорий получил семейный раздел 10 лет назад, в 1894 году, и при жизни его отца не принимал участия в ведении отцовского хозяйства, а он же посыпал деньги для поддержки семьи, в доказательство чего предоставил благодарные письма от отца. Кроме того, он утверждал, что оплата Григорием налога в течении 5 лет, с момента вступления в наследование 22 января 1904 года до момента подачи апелляции 21 сентября 1909 года, не может считаться доказательством признания его главой семьи.

В сентябре 1911 года по решению окружного суда право наследования было признано за Иваном. Но, в соответствии со статьей 101 местного положения о семейной собственности и имеющихся фактов, 28

марта 1916 года Одесская судебная палата не признала за Иваном права главенствования в семье, так как он ушел из хозяйства 20-23 года назад и в течении этих лет не поддерживал отношений с семьей. Также было отмечено, что представленные Иваном в суд в качестве доказательств сведения об оказании им материальной помощи семье (письма), наоборот, доказывали обратное - обращения Ивана к отцу с просьбой о высылке денег.

В апелляции, поданной в Сенат, Иван умерил свои притязания. Он потребовал лишь признания за ним права общей собственности владения на основе указа от 6 ноября 1906 года и закона от 14 июня 1910 года. В них, как известно, говорилось о невозможности признания права личной собственности после смерти домохозяина за старшим сыном при наличии других членов семьи и необходимости признания права общей собственности за всеми членами семьи⁸⁴.

5.1.2. Лица, получившие недостаточную долю при выделе из семьи

23 апреля 1914 года крестьянин Николай Богородского уезда Московской губернии потребовал семейного раздела вместе с братьями Флором и Мокием. Но, по утверждению Мокия, Николай уже получил свой выдел.

Но Николай, явившись на заседание волостного суда, потребовал выдела и на остальное имущество, за исключением надела и усадьбы, так как уже владел 1/3 частью земельного надела и усадебного участка. Мокий не согласился с подобным поворотом дела и подал уголовный иск на Николая по обвинению в краже и незаконном присвоении наследного имущества. Также он подал апелляцию в уездный съезд о признании недействительным решения волостного суда, признавшего за Николаем право семейного раздела. Но решением уездного съезда от 16 июля 1915 года решение волостного суда было признано правомерным⁸⁵.

Тогда Мокий подал петицию в губернское присутствие, в которой утверждал, что Николай не являлся членом семьи, поэтому не имел права на ее имущество. Однако Московское губернское присутствие 4 ноября 1915 года все же признало правомерным раздел имущества, проведенный в соответствии с решением волостного суда⁸⁶.

Еще один пример. После смерти в декабре 1913 года крестьянина Павла (Херсонская губерния) остались одна десятина усадебного участка, строения и скотина. Его младший сын, Игнат, 12 февраля 1916 года подал петицию в мировой суд о лишении права общей собственности старшего брата Ивана, который единолично завладел наследством. 19 марта 1916 года мировой суд, состоявшийся при участии четырех свидетелей, признал за Игнатом право владения половиной всего движимого имущества, строений и усадебного участка. Иван на основании этого решения получил всего лишь 1,5 десятины земли от имущества отца⁸⁷.

21 сентября 1916 года уездный съезд мировых посредников поста-

новил, что Игнат уже получил выдел, и его несоответствие с законной долей отцовского имущества на момент получения не доказано⁸⁸. На это решение 12 ноября 1916 года Игнат подал апелляцию в кассационный департамент Сената, где доказывал, что он помогал отцу вести хозяйство и, как работник, имел равные права с Иваном. Он заявлял, что даже если бы он не помогал отцу, то, согласно статьи 13 общего крестьянского положения и в соответствии с пунктом решения общего собрания 1-го, 2-го и гражданского кассационного департаментов Сената, он состоял в кровном родстве с умершим домохозяином⁸⁹.

Исходя из изложенного материала, можно заключить, что на местах существовали следующие разнотечения в практике крестьянского наследования: а) получение выдела означало исключение из наследства и право наследования на надел определялось в соответствии с местными обычаями; б) общегражданский кодекс признавал право на дополнительную долю, если при семейном разделе доля имущества была менее доли, предусмотренной законом; в) право личной собственности предоставлялось по родному началу, а раздел имущества происходил в соответствии с общегражданским правом, а не в соответствии с местными обычаями⁹⁰.

5.1.3. Право наследования лиц, получивших выдел, и лиц, находящихся в длительном отсутствии в законопроекте МВД

Для ограничении числа наследников и предотвращения дробления земельного надела Министерство внутренних дел обращало особое внимание на исключение из наследства членов семьи, получивших выдел, и членов семьи, находящихся в длительном отсутствии и не оказывающих никакой помощи в ведении хозяйства. Этот вопрос вызывал наибольшие разногласия между положениями Гражданского права и местными обычаями.

В этой связи в «запросе из 26 пунктов» значение имели такие вопросы, как вопрос № 3: «В целях охранения надельных земель от вредного дробления не следует ли устраниТЬ от наследования отделенных сыновей и других нисходящих, хотя бы они были выделены наследодателем при его жизни не в полной мере?» и вопрос № 4: «Не следует ли признать отделенными и потому устранимыми от наследства сыновей и других нисходящих, которые хотя не получали выдела, но жили от наследодателя отдельно более 10 лет?».

Большинство губернских совещаний при их обсуждении поддержало безусловное исключение из наследства отделенных сыновей, даже если им при выделе была выдана недостаточная доля имущества.

26 губерний выступило за исключение из наследства лиц, отсутствовавших более 10 лет. За признание права наследования подобными лицами выступило 7 губерний при условии оказания материальной поддержки этим лицам для ведения хозяйства. 2 губернии выступило “за” при условии, что подобное лицо является единственным наследником, а одна губерния - при условии особого договора⁹¹.

В первом чтении проекта «закона о наследовании» МВД было принято мнение абсолютного большинства губерний в отношении вопроса № 3. Что касается вопроса № 4, то проект закона не признавал права наследования за теми, кто в течение 10 лет не внес никакого вклада в ведение хозяйства (статья 1221, пункты 1 и 2). Эти пункты впоследствии вошли в окончательный законопроект, внесенный в Государственную Думу 14 января 1914 г.

5.2. Вдовы

Вопрос наследования вдовами был одним из самых запутанных в местных обычаях, и именно в этом проявлялось несоответствие между местными обычаями и общегражданским кодексом.

Согласно общему Гражданскому кодексу при наличии сына вдове полагалась 1/7 недвижимого имущества, 1/4 движимого имущества умершего мужа, а при отсутствии же сына вдова имела право пожизненного владения всем имуществом.

Но при общинном землевладении земельные участки после смерти отца без детей при общему переделу очень часто были отобран сельским обществом в качестве «выморочного», хотя бы остается вдова в том дворе.

В местных же крестьянских обычаях относительно права наследования вдовами наблюдались две противоположные тенденции. С. В. Пахман, например, видел причину этого как результат борьбы старого мировоззрения с новым. Мухин объяснял данное явление различными обстоятельствами состояния вдов в больших и малых семьях в условиях увеличения количества семейных разделов. В этой связи редакционная комиссия по пересмотру законоположений о крестьянах обратила внимание на различие обычаяев между областями, в которых были сильны патриархальные традиции, и областями, где они были менее сильными. Министерство внутренних дел было не согласно с тем, что право наследования вдовы зависело от воли детей и волостного суда: вдова имела равное с сыном право на наследство, а при отсутствии сына, имела равные права с дочерью⁹².

Но согласно указу от 9 ноября 1906 года при наличии вдовы и детей на основании общей собственности ей разрешалось требовать выдачи равной доли при разделе, и если же детей не было, то за вдовой признавалось право личной собственности над всем имуществом. Поэтому в первом этапе Столыпинского реформы предже всего активно вдовы заявляли укрепления в личную собственность своих земельных участков, оставшихся после смерти мужа.

Таким образом, в вопросе права наследования вдовами в противоречие друг с другом вступали местные обычай, общегражданские кодексы и указ от 9 ноября 1906 года. Кроме того, ситуация была чрезвычайно запутанной на фоне трудностей, возникающих при доказательстве местных обычаяев.

5.2.1. При наличии сына

Крестьянка Евдокия из Киевской губернии после смерти мужа Леонтия в 1895 году стала главой семьи (домохозяйкой), имея малолетнего сына Адама и дочь Еву. Но Адам, получивший право наследования всем имуществом на основании решения волостного суда от 26 октября 1910 года, выгнал из дома Евдокию и Еву⁹³.

Евдокия и Ева подали жалобу в окружной суд о признании за каждой из них права на 1/3 наследственного имущества, но решение волостного суда от 19 апреля 1912 года признало за ними право только на долю имущества в размере 3/14 недвижимого и 3/8 движимого имущества. Киевская судебная палата решением от 2 апреля 1913 года признала за ними право на равную долю имущества на основании статьи 48 закона от 14 июня 1910 года об общей собственности⁹⁴.

Но 16 августа 1913 года Адам подал апелляцию в гражданский кассационный департамент Сената, в которой утверждал, что так как статья 48 закона от 14 июня 1910 года применима только в отношении земельного надела, то вопрос относительно владения 3,5 десятин приобретенной им земли вне надела должен решаться в соответствии с общим Гражданским кодексом, а в отношении самого земельного надела долю наследства необходимо решать согласно местным обычаям, а не в соответствии с общегражданским кодексом⁹⁵.

5.2.2. Повторный брак

Крестьянка Анна из Киевской губернии после смерти мужа в 1912 году хотела подтвердить свое право на наследство на основании приговора сельского схода от 11 февраля 1913 года, по которому, если у крестьянки не было детей, то после смерти мужа она становится его наследницей.

Брат покойного мужа Анны, Марк, утверждал, что участники того сельского схода на момент вынесения вышеуказанного решения были необъективны в результате подкупа со стороны Анны. Но мировой судья решением от 13 марта 1913 года признал недостоверными обвинения Марка. 7 августа 1913 года Киевское губернское присутствие отменило решение мирового судьи на основании того, что из 66 подписей участников голосования на протоколе решения было много неучаствовавших в сходе.⁹⁶ 13 октября 1913 года мировой судья пояснил, что из 102 участников собрания подписи поставило большинство одобравших данное решение, что составило 66 человек. Киевское губернское присутствие от 31 декабря 1913 г. постановило, что отменять решение сельского собрания, одобренного большинством из-за отсутствия 9 участников не имеет основания.⁹⁷

Сельский сход 28 января 1914 года вынес приговор, признавший существование местного обычая, по которому вдова, вступившая в повторный брак, после смерти первого мужа может наследовать только

движимое имущество, а недвижимое имущество наследует самый близкий родственник. Этот приговор принял неожиданный оборот. На основе данного приговора мировой судья 7 июля 1914 года и Киевское губернское присутствие 28 августа 1914 года при рассмотрении жалобы Марка вынесли решение, что в случае, если сельский сход однажды принял решение на основании местного обычая, то он не имеет права выносить решение, противоречащее первому на основании другого обычая⁹⁸.

10 октября 1914 года Марк подал апелляцию во 2-й департамент Сената, по которому утверждал, что не существует такого закона, разрешающего крестьянскому административному органу отменять приговор сельского схода в случае его противоречия с предыдущим решением.⁹⁹

5.2.3. Право наследования вдов в законопроекте МВД

В «запросе из 26 пунктов» о праве наследования вдов и принципах определения их доли наследства был вопрос № 7: «В каком размере устанавливаются наследственные доли в надельных землях вдов: а) при наличии нисходящих, б) при отсутствии нисходящих и при наличии ближайших боковых родственников умершего наследодателя (братьев, сестер или их потомства), г) в остальных случаях?»

25 губерний предложили утвердить положение о праве вдов на получение всего наследства или равной с сыном доли при наличии нисходящих родственников.

13 губерний выразили мнение о приобретении вдовами доли наследства, предусмотренной общим Гражданским кодексом.

29 губерний выступили за право вдов на наследование всего имущества при наличии только ближайших боковых родственников, на что 6 губерний выступили за право вдов только на законную долю наследства, предусмотренную общегражданским кодексом.

32 губернии предложили передать вдовам право личной собственности на все наследуемое имущество при отсутствии ближайших боковых родственников.

Здесь стоит обратить внимание на мнение трех губернских совещаний (Владимирской, Московской, Харьковской губерний) о том, что вдовам необходимо дать право только на содержание и на приданое в случае вторичного замужества¹⁰⁰.

В первом чтении законопроекта МВД о наследовании мнением большинства было принято постановление (статья 1221⁷) о равном праве наследования вдов с нисходящими родственниками при их наличии, а при отсутствии таковых вдова имела право пожизненного владения всей землей. Министерство внутренних дел при составлении данного законопроекта приняло во внимание право жены, как ближайшего к умершему наследователю лица, имея в виду дальнейшее содействие укреплению супружеского союза и повышению родительского авторитета, а также предотвращение дробления мелкого владения¹⁰¹.

5.3. Дочери

5.3.1. Дочери

Сельским сходом сельского общества Гольден 20 октября 1909 года за крестьянином Кириллом Ереминым, жителем селения 2-я Парсна Воронежской губернии было признано право владения земельным наделом.

По утверждению жительниц этого же сел Анны Спесивцевой, Евдокии Шеприкиной и Натальи Ламковой (сестер Кирилла) в уездном съезде, несмотря на факт получения Кириллом права владения землей их покойного отца, Усманский волостной суд признал право этих трех женщин на владение данным наделом. И уездный съезда также признал обоснованным их прошение в отношении лишения Кирилла права владения спорным участком.

В связи с этим, 8 апреля 1910 года земский начальник постановил передать земли покойного Ивана в общую собственность его дочерей. 5 мая 1910 года Воронежское губернское присутствие отклонило апелляцию Кирилла¹⁰².

В данном случае остается предполагать, что Кирилл либо был в разрыве с семьей, либо находился в длительном отсутствии, так как при отсутствии наследников мужского пола право совладения (наследования) признавалось за дочерьми.

В целом можно сказать, что на местах права наследования замужними и незамужними дочерьми крайне ущемлялись и ограничивались при наличии наследников мужского пола.

5.3.2. Право наследования дочерьми в законопроекте МВД

В «запросе из 26 пунктов» особенно важными были вопросы № 5 и № 6. Вопрос № 5: «Не должны ли быть устраниены от наследования замужние дочери при наличии сыновей и незамужних дочерей?»; № 6: «В каком размере устанавливать наследственные доли в надельных землях незамужних дочерей при наличии сыновей (1/14, 1/7, и т.д.) и можно ли допустить для них выделы этих долей в натуре или, в целях сохранения участков от раздробления, следует установить в пользу незамужних дочерей денежные выплаты, соответствующие стоимости их наследственных долей, или, наконец, взамен участия в наследовании, предоставить незамужним дочерям право на получение от братьев-наследников содержания и приданого при выходе в замужество?»

Почти все губернские совещания выразили негативное мнение относительно прав наследования замужними дочерьми при наличии сына и незамужних дочерей.

Мнение губернских совещаний (в том числе Орловского) было следующим: «При выдаче замуж дочери домохозяин несет столь большие расходы, что впоследствии несколько лет исправляет понесенный ущерб, и эти затраты следует приравнивать к фактическому выделу».

Относительно права наследования незамужними дочерьми мнения

разделились. Почти все губернии признали нецелесообразным исключать их из наследства. Относительно их доли наследства 28 губерний высказалось за выдачу законной доли, указанной в общегражданском кодексе. За получение равной с сыном доли наследства выступило 7 губерний, и только за приданое в качестве наследства - 6 губерний¹⁰³.

В первом чтении проекта «закона о наследовании» МВД было отражено мнение меньшинства, согласно которому замужняя дочь исключалась из права наследования (статья 1221² пункт 3), а незамужняя имела право на долю наследства в качестве приданого.

12 ноября 1913 года на межведомственном совещании был принят на рассмотрение предложение Я. Я. Литвинова о возможности получения незамужней дочерью доли наследства в денежном эквиваленте по достижении совершеннолетия (статья 1221³) и получение замужней дочерью одной и той же доли наследства с незамужней дочерью при отсутствии сыновей. Но в окончательном варианте законопроекта 1914 года права вышеупомянутых категорий остались теми же, что и в первом варианте проекта.

Таким образом, возникло острое противоречие между двумя основными целями законопроекта о праве наследования: приближение к общему Гражданскому кодексу и сокращению чисел наследников, в особенности вокруг права наследования женщин (вдов и дочерей).

5.4. Некровные члены семьи

Признание права общей собственности с домохозяином некровным членом семьи не означало признать им обязательное право наследования. В сельских обществах к некровным членам семьи (усыновленным и примакам) зачастую относились как к чужакам. В особенности право наследования усыновленным не гарантировалось при наличии родных детей. В судебных инстанциях в отношении таких случаев наблюдался беспорядок, обусловленный различием в толковании доказательств местных обычаяй и их критериев.

5.4.1. Усыновленные

18 ноября 1904 года Борочинский волостной суд признал право наследования за Иваном Ивановым, усыновленным Иваном Семеновым в 1892 году, на основании официально зарегистрированного факта об усыновлении от 20 сентября 1904 года.

Но в декабре 1904 года сельский сход селения Борочино вынес приговор о существовании обычая, согласно которому при отсутствии нисходящих наследников братья покойного имели право наследования, даже если являлись владельцами собственного земельного надела.

8 марта 1905 года земский начальник признал правомерным этот приговор схода, но 9 ноября 1905 года уездный съезд постановил, что в случае усыновления в возрасте до 30 лет, усыновленный имел преимущество перед братьями покойного в праве наследования.

Относительно данного постановления Бессарабское губернское при-

существо вынесло решение 15 июня 1906 года, согласно которого уездный съезд не мог оспаривать приговор сельского схода по поводу факта существования обычая наследования¹⁰⁴. Но этот местный обычай противоречил принятому российским правительством и Сенатом в период Столыпинской реформы решения о равных правах наследования между родными и усыновленными детьми.

5.4.2. Примаки

В деревнях в целом негативно относились к продолжению рода путем принятия в семью постороннего зятя-примака. Согласно статьи 13 Общего крестьянского положения, сельское общество являлось самым компетентным органом в подтверждении местных обычаев, в связи с чем в вопросах права наследования примаками по-прежнему царил хаос.

21 октября 1913 года сельский сход селения Заромено Курской губернии вынес приговор об отсутствии местного обычая, согласно которого за примаком признавалось бы право наследования. Уездный съезд 14 января 1914 года признал этот приговор незаконным. Но Курское губернское присутствие 1 мая 1914 года не согласилось с таким решением и постановило: на основании того, что право на подтверждение местных обычаев принадлежало сельскому сходу, никакие учреждения крестьянской администрации не имели права отменить данное решение¹⁰⁵.

Не только сельский сход, но и местные судебные органы выносили вердикты, основываясь на местном обычай негативного отношения к примакам. В связи с этим возникали многочисленные недоразумения и разногласия.

Например, крестьянин Степан (Подольская губерния), принятый в семью примаком и на протяжении 10 лет владевший частью имущества, подал иск в окружной суд по факту лишения его доли наследства тещей Марией Ключук, вступившей в другой брак, и сестрой Марией Сидровской.

Каменец-Подольский окружной суд 10 марта 1914 года вынес постановление о недостаточности улик, доказывающих наличие местного обычая, согласно которому примак мог вступить в право наследования по факту признания его зятем. Поэтому при подаче апелляции в Одесскую судебную палату Степану необходимо было доказать существование подобного обычая, признающего его право совладения имуществом, которым он владел в течение 10 лет.

Отправленная им в суд копия приговора волостного схода была отклонена циркуляром мирового посредника от 29 апреля 1905 года¹⁰⁶. По этому циркуляру подача подобных документов без требования волостного суда была в принципе запрещена¹⁰⁷.

В ответ на это 7 июля 1914 года Степан подал апелляцию во 2-й департамент Сената по факту нарушения права наследования крестьян¹⁰⁸.

Документы свидетельствуют, что в случае смерти бездетной жены, при наличии у нее братьев, муж покойной не мог безоговорочно претен-

довать на ее наследство. Подобная ситуация усугублялась, если муж покойной являлся примаком, к которому относились как к чужому.

Так, например, сельский сход селения Вытчино Минской губернии 28 февраля 1908 года и 2 февраля 1912 года вынес решение, согласно которому крестьянин Василий после смерти жены Никифорович являлся единственным наследником приобретенного участка вне наделения, называемого Фоваруг-Староселье. Принято это было на основании местного обычая, по которому имущество жены, несмотря на наличие у нее братьев и сестер, после ее смерти доставалось мужу.

Но брат Никифорович, Филипп, житель села Стахово, не согласился с таким ходом событий и подал апелляцию. 15 апреля 1912 года рассмотревший данную апелляцию земский начальник постановил, что по делу о получении права на приобретенный участок вне наделения нельзя было действовать в соответствии с местным обычаем, и в связи с этим он отменил приговор сельского схода, поскольку он относился только к жителям данного селения.

В ответ на это Филипп подал апелляцию, выразив протест против признания Василия примаком на основании того, что он состоял в браке с Никифорович всего один год и восемь месяцев. Он также опротестовал признание вышеуказанного обычая, действительным в данном селении. Уездный съезд 19 мая 1912 года и Минское губернское присутствие 21 августа 1912 года удовлетворили апелляцию Филиппа¹⁰⁹. 2-й департамент Сената также признал решение Минского губернского присутствия правильным.¹¹⁰

5.4.3. Право наследования некровными членами семьи в законопроекте МВД

Между местными обычаями и гражданским законом существовали противоречивые мнения относительно права наследования некровными членами семьи. Соблюдение местных обычаем противоречило изначальной цели законопроекта о праве наследования - сокращению числа наследников.

Об этом был специальный вопрос (№ 10): «Нужно ли допустить какие-нибудь отступления от общегражданского порядка (и какие именно) при определении наследственных прав зятьев-примаков, пасынков и падчериц, усыновленных приемышей, внебрачных детей?»

Вот каким образом этот вопрос был рассмотрен губернскими совещаниями.

29 губернских совещаний высказались за предоставление примакам равного права с родными детьми в вопросах наследования, 3 предложили исключить примаков из наследников, а 6 настаивали на предоставлении им законной доли наследства (в размере 1/7 всего недвижимого имущества и 1/4 движимого имущества).

31 губернское совещание (более половины) выступило за предоставление равного права в получении наследства родными детьми и усынов-

ленными (то есть прошедшими официальную процедуру усыновления).

13 совещаний выступило за предоставление им права на полученное имущество (статья № 156 Гражданского права).

Относительно вопроса предоставления права наследования приемышам, взятым на воспитание в дом приемного отца и не прошедшим официальную процедуру усыновления, 24 губерний выступило за предоставление им таких же прав, как и усыновленным, 12 губерний за предоставление права только на приобретенное имущество, а 4 губернии за предоставление равного права с родными детьми только в случае официального усыновления. Ковенская и Пермская губернии в вопросе наследования выступили против предоставления усыновленным детям равных прав с родными детьми.

11 губерний выступило за предоставление пасынкам равноправия с родными детьми, тогда как 25 губерний за исключение пасынков из наследства при наличии родных детей. Из них 16 высказалось за предоставление пасынкам права наследования только на имущество родных родителей.

22 губернии выступили против предоставления внебрачным детям равных прав наследования с родными детьми, но за предоставление им права наследования только на имущество матери, согласно статье 132¹² Гражданского закона. Кроме того они высказались за безоговорочное исключение внебрачных детей из наследников.

Оставшиеся 21 губерния выступили за исключение пасынков из наследников при условии наличия родных детей¹¹¹.

В первом чтении проекта «закона о наследовании», разработанным МВД, говорилось: «Приемыши, принятые наследователем не менее как за 10 лет до его смерти, наследуют наравне с законными детьми наследователя. Лицо, усыновленное или принятое в дом по особому договору (статья 1103⁹), наследует согласно сему договору (статья 1221⁵)».

17 июня 1913 года на «Особом совещании о гражданских правах крестьян» обсуждался вопрос о нечеткости определения категории приемышей. Совещание приняло следующую формулировку: «При наследовании в землях мелкого владения как по договору, так и по завещанию, равными правами с законными детьми пользуются: а) усыновленные, б) примаки, в) приемыши, но с тем, что при отсутствии сыновей они наследуют наравне с незамужними дочерьми». Позже в данное положение была внесена поправка о равном праве наследования с родными детьми только в случае факта официального усыновления: «При наследовании в землях мелкого владения как по закону, так и по завещанию усыновленные пользуются равными правами с законными детьми» (статья 156⁸).

В 1914 году в процессе обсуждения законопроекта было решено не принимать претензий по делам наследования от некровных членов семьи, не прошедших официальную процедуру усыновления.

5.5. Наследственный договор

Обычай заключения наследственного договора был широко распространён среди крестьян до Столыпинской реформы. Он имел значение завещания, хотя и заключался: по случаю женитьбы примака; официального усыновления приемыша; вступления во вторичный брак. Но если предметом наследственного договора являлся земельный надел, то Сенат не признавал законность этого договора и завещания, даже если волостной суд признавал обратное. В этом случае их недействительность подтверждалась и более высокими инстанциями¹¹².

5.5.1. Наследственный договор

Усыновленный крестьянин Иван (Вятская губерния) подал жалобу в волостной суд о признании за ним права наследования усадебного участка после смерти его отчима, крестьянина Николая.

Но ему было отказано в рассмотрении дела на том основании, что усыновленный Иван не достиг 18-летия. Волостной суд заявил Ивану, что по наследственному договору Николай еще при жизни должен быть отдать ему половину дополнительного земельного надела, а после смерти - и весь надел.

2 декабря 1908 года просьба Ивана была отклонена Вятским губернским присутствием на основании решения уездного съезда 9 октября 1907 года. Большое значение при этом имел тот факт, что общее собрание Сената 29 декабря 1909 года признало наследственные договоры не имеющими законной силы, назвав их "незаконным завещанием"¹¹³.

Крестьянин Евстафий 15 февраля 1903 года получил в пользование от односельчанина Харитона 0,167 десятины усадебного участка на основе договора о передаче правовладения после смерти владельца. Сельский сход 25 июня 1910 года подтвердил право Евстафия на владение наделом и вынес утвердительный приговор.

17 февраля 1912 года Киевский окружной суд подтвердил приговор сельского схода. Но Киевская судебная палата 1 июля 1913 г. приговорила, что договор не подлежит выполнению на основании того, что условие договора, согласно которому право владения земельным наделом после его смерти переходит другому лицу, противоречит земельному крестьянскому правоположению до 1906 года (решение общего собрания Сената от 12 октября 1909 года)¹¹⁴. 20 декабря 1913 года Евстафий, не удовлетворенный этим решением, подал апелляцию в гражданский кассационный департамент Сената¹¹⁵.

5.5.2. Наследственные договоры в законопроекте МВД о праве наследования

В первом чтении проекта «закона о наследовании», готовившегося по линии МВД, указывалось, что «Собственник земли мелкого владения, не имеющий ни сыновей, ни усыновленных, ни их нисходящих мужского пола, может заключить со своим затем, а при отсутствии нисходящих

или усыновленных обоего пола — с посторонним лицом договор о наследовании» (статья 1103⁹). Кроме того, в других статьях также получили отражение различные аспекты наследственного договора.

Данный вопрос обсуждался 12 июня 1913 года на межведомственном совещании, где начальник Земского отдела МВД Я. Я. Литвинов выступил против наследственных договоров. Он заявил, что «придавать... исключительное значение земельной собственности представляется устарелым общинным взглядом, граничащим с современными социалистическими доктринаами»¹¹⁶.

Председательствовавший на этом совещании А. И. Лыкошин предложил вообще отменить положение о наследственных договорах. И это предложение было принято: семью голосами “за” при трех “против”¹¹⁷. В результате положение о наследственных договорах было изъято из проекта, поданного на рассмотрение в Совет министров 12 ноября 1913 года¹¹⁸. Затем его изъяли из окончательного законопроекта МВД, предложенного на рассмотрение Государственной Думы 14 января 1914 года¹¹⁹.

5.6. Боковые родственники

5.6.1. Другие боковые родственники

Согласно Столыпинской реформе, земля перестала быть собственностью общины и перешла во владение каждого домохозяина, в результате чего право наследования распространилось и на его родных по боковой линии, что повлекло за собой многочисленные проблемы.

Так, например, в одной непередельной общине Смоленской губернии возникла следующая ситуация. Умер 50-летний крестьянин Т., проживавший за ее пределами, но сдававший свой земельный надел в наем жителю данной обороны. После смерти Т. внезапно объявились его жена, более 20 лет проживавшая раздельно с ним.

Арендатор земельного надела К. не желал лишаться прав на надел и придумал уловку. Он попытался оспорить наследство с помощью Е. (замужней сестры Т.), проживавшей в другом селе, подав протест от ее имени против получения наследства женой Т. на основании факта раздельного проживания последней с Т. Во время рассмотрения апелляции жена Т. скончалась. И тогда в качестве наследницы объявилась ее сестра А, и кроме нее о претензиях на наследство заявили племянники покойного Т. и племянники его умершей жены¹²⁰.

5.6.2. Право наследования боковых родственников в законопроекте МВД

Что касается права наследования боковых родственников в проекте МВД, то этот вопрос также стал предметом дискуссии. На эту тему были сформулированы вопросы № 11 и № 12: «Из числа боковых родственников не отдать ли преимущество тем, которые жили нераздельно с наследователем, или владели с ним совместно наследуемую землею на

праве общей собственности?» (№ 11); «Не установить ли обязательное единонаследие при наличии лишь отделенных боковых родственников в пользу старшего из них?» (№ 12).

В результате за предоставление преимущественного права при наследовании за совладельцами выступило абсолютное большинство губернских совещаний. Одно лишь Харьковское губернское совещание предложило при отсутствии наследников конфисковывать личный земельный надел умершего в пользу общины.

В первом чтении проекта «закона о наследовании» МВД было сказано: «При наследовании в боковых линиях земля мелкого владения переходит к одному лишь ближайшему по рождению и праву представления из боковых родственников с предпочтением в пределах каждой линии среди родственников одной степени мужского пола женскому» (статья 1221⁶).

Этот пункт был включен во второй проект, а впоследствии и в окончательный законопроект. В случае же большого количества совладельцев в праве наследования и определения доли наследства каждого из них на «Особом совещании о гражданском правах крестьян» 12 июня 1913 г. было принято решение передавать подобные дела в компетенцию судебного органа и больше этот вопрос не рассматривать¹²¹.

6. Выводы

Итак, что касается крестьянского завещания по поводу наследования личного надельного имущества, то в указе 9 ноября 1906 года по этому поводу ничего сказано не было.

9 декабря 1906 года МВД направило следующий циркуляр губернаторам: “За обращением силою Высочайшего Указа 9 ноября 1906 года подворных участков надельной земли в личную собственность домохозяев, право наследования членов семьи обусловливается уже не обстоятельством участия их в хозяйственных трудах, а определяется лишь кровною связью с домохозяином и притом, при отсутствии местного обычая, на общем основании гражданских законов”.

Постановление (№ 1) по этому вопросу было принято на общем собрании 1-го, 2-го и кассационного департамента Правительствующего Сената в 1910 году. В нем отразился двойной характер в отношении наследования личного надела. Хотя личный надел укреплялся в личную собственность, но к нему должно было применяться родовое начало, а, так как он по-прежнему сохранял характер надела, - то и местный обычай (трудовое начало).

Несмотря на то, что правовое положение по крестьянскому наделу существенно изменилось и право на отчуждение личных наделов отдавалось крестьянам, в столыпинских законах не оговаривались условия крестьянского завещания. Главная мысль вышеупомянутого циркуляра МВД состояла в том, что если завещание не противоречило местному

обычаю, то оно далее приобретало законную силу.

В целом ясность в этом вопросе отсутствовала, что не могло не отразиться на местной практике. Именно поэтому в ней определилось два противоположных направления: а) одновременно с признанием права личной собственности и ее отчуждения подразумевалась абсолютная свобода завещания, и б) так как по-прежнему личный надел оставался наделом, по нему ни в коем случае нельзя было делать завещания. И это противоречие отражалось на юридическом характере личного надела.

Сенат во время Столыпинской аграрной реформы в вопросе о крестьянском завещании вел двойную политику: дореформенное завещание земельного надела объявлялось незаконным, ибо надел не был личной собственностью. В то же время по поводу послереформенных завещаний никакого определенного постановления так и не было принято. У него имелось только следующее противоположное определение: с одной стороны, поскольку укрепленные наделы стали личной собственностью, то в этом случае применялось начало родства, с другой - завещание становилось действительным, если оно не противоречило местному обычью.

Исходя из данной ситуации, вокруг крестьянского завещания личных надельных имуществ не только развернулась дискуссия среди юристов, но и возникла хаотическая ситуация в местных судебных учреждениях.

Поскольку среди крестьян было широко распространено мнение о равнозначности личной собственности и права свободы завещания, то наследниками в крестьянских завещаниях становились не только вдова и примак, но и замужняя дочь при наличии сына, или внук от дочери при наличии孙子 от сына.

Конкретно на местах по поводу личных наделов наблюдалось следующее противоположное понимание сути проблемы: а) к наследованию надела по-прежнему должны быть применяться местные обычаи, б) если надел - семейное имущество, то его наследование по завещанию считалось невозможным (дореформенное положение), в) если надел - родовое имущество, то завещание также являлось невозможным (Гражданское право), д) если личный надел - личное имущество домохозяев, то оно становилось предметом полной свободы завещания.

Проблема законности завещания крестьянского личного надела оказалась сильно запутанной. Она обсуждалась в разных ракурсах. По крестьянским гражданским искам выносились совершенно противоположные решения различными судебными инстанциями: низшими и высшими учреждениями в одной линии, и даже в одном и том же судебном месте.

Что касается наследования в случае отчуждения духовного завещания, то российское правительство, как и по поводу укрепленных наделов, твердо придерживалось принципа применения местного обычая. И только в случае отсутствия его разрешалось применять гражданский закон. Но и в этом случае на местах наблюдалось запутанное положение:

а) если личный надел являлся дореформенным, применялись местные обычаи, б) если надел - личное имущество домохозяев, то применялось Гражданское право, е) если надел - родовое имущество, то применялось установление об указанной наследственной доли в гражданском законе.

Также существовали различные толкования и по другим вопросам собственности, ее наследования и раздела. Например, мнение о равном разделе личного надела, входящего в общую собственность сталкивалось с мнением о невозможности его раздела в принципе, исходя из местных обычаяв.

Такая запутанность в понимании существовала не только среди крестьян, но и в судебных органах - в частности, вокруг права наследования доли раздельных сыновей, долговременно отсутствующих, а также вдов, дочерей и неродных членов, право которых на семейное имущество в местном обычайне не было четко определено.

Итак, основная линия правительства по применению местного обычая к наследованию укрепленных наделов до конца Столыпинской реформы принципиально не изменилась. В праве владения личным наделом по прежнему действовал дореформенный обычай равного раздела между наследниками. В конечном итоге и это привело к резкому увеличению количества домохозяев и дроблению крестьянских хозяйств, то есть к прямо противоположному результату намерениям российского правительства и целям Столыпинской аграрной реформы.

Примечания

¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1291. Оп. 120. 1910 г. Д. 53. Л. 1-1об.

² Черненков Б. Перемена фронта в борьбе с общиной // Современник. 1911. Кн. 9. С. 231-234.

³ Известия земского отдела. 1915. № 7. С. 242-243; там же. 1916. № 8. С. 218-129.

⁴ Там же.

⁵ П.Н. Зырянов. Крестьянская община Европейской России 1907-1914 гг. М., 1992. С. 130.

⁶ В числе последних работ по крестьянскому местному обычайю и крестьянской семье можно назвать следующие публикации: Gareth Popkins, Peasant Experiences of the Late Tsarist State: District Congresses of Land Captains, Provincial Boards and the Legal Appeals Process, *Slavonic and East European Review* 78, January 2000, pp. 90-114; Code Versus Custom. Norms and Tactics in Peasant Volost Court Appeals, 1889-1917, *Russian Review*. Vol. 59. No. 3, pp. 408-424; Jane Burbank. A Question of Dignity: Peasant Legal Culture in Late Imperial Russia, *Continuity and Change*, 1995. Vol. 10. No. 3, pp. 391-404; Legal Culture, Citizenship, and Peasant Jurisprudence: Perspectives from the Early Twentieth Century in Reforming Justice in Russia, 1864-1996, *Power, Culture, and the Limits of Legal Order*, ed. Peter H. Solomon, New York, 1997, pp. 82-106.

⁷ Труды редакционной комиссии по пересмотру Положения о крестьянах. Т. 4. Сельские уставы о договорах и наследовании с объяснениями. СПб., 1904. С. 333-505.

⁸ Там же. С. 380-381.

⁹ Гражданское уложение. СПб., 1905. С. 283.

¹⁰ Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Т. 1. Крестьянский право порядок / сост. А.А. Риттих. СПб., 1904. С. 345-359.

¹¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 74. 1907 г. Д. 672. Л. 2-4об.

¹² Там же. Л. 5-5об.

¹³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1909 г. Д. 2. Ч. 1. Л. 62-88.

¹⁴ Там же. Л. 78-79. В результате многочисленных споров, возникших при попытке применить указ от 9 сентября 1906 года, касающихся выбора применения местного обычая или норм Гражданского права, а также свободы составления завещания, данный закон о землевладении был возвращен в Министерство внутренних дел для дальнейшего рассмотрения (РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1909 г. Д. 84. Л. 42).

¹⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 73. 1906 г. Д. 722. Л. 8-9об.

¹⁶ Там же. Л. 18-23об., 25-27об.

¹⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1909 г. Д. 84. Л. 7-10об.

¹⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 2. Л. 1-23об.

¹⁹ Там же. Л. 24-29.

²⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 122. 1912 г. Д. 84. Л. 21

²¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1909 г. Д. 2. Ч. 3. Л. 2-73.

²² Там же. Л. 104-149.

²³ В то же самое время граф Бар А. Фрейтаг-Лоринговен 1 апреля 1910 года на заседании юридического общества при Санкт-Петербургском университете сделал доклад о прусской системе преимущественного наследования, сравнив ее с уложением о крестьянском землевладении 1907 года. В докладе он указал на то, что у русского крестьянина полностью отсутствует традиция завещать свое имущество, кроме того, крестьяне совершенно неопытны в деле составления письменных документов, и поэтому только лишь предоставлением свободы завещания трудно ожидать успешного предотвращения процесса измельчания и дробления наделов, что вызывает необходимость законодательно закрепить особые правила наследования (Прусская система преимущественного наследования). *Фрейтаг-Лоринговен Бар. А.* Реформа наследования в крестьянской недвижимости. СПб., 1910. С. 1-54.

²⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 2. Л. 40-51.

²⁵ Там же. Л. 52-54, 94-99.

²⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 122. 1909 г. Д. 84. Л. 51-74об.

²⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 111-112.

²⁸ Там же. Л. 264-285. Рассматривавшее первое чтение законопроекта «Особое совещание по гражданским правам крестьянства» под председательством замминистра внутренних дел Лыкошина, обсуждало проблему наследственного раздела 17 июня 1913 года. По этому поводу между Министерством внутренних дел и ГУЗиЗ имелись серьезные разногласия. Однако, по предложению представителя последнего - Зубовского, проект без статьи о наследственном разделе было решено представить к рассмотрению в Государственную Думу в перво-

очередном порядке. В качестве причины подобного решения приводились доводы о том, что статья о наследственном разделе сильно похожа на предложения по законопроекту ГУЗиЗ, а также то, что при одновременном рассмотрении обоих законопроектов в Думе неизбежно возникнет путаница. Там же. Л. 105-106, 282. В соответствии с данным решением было предложено не применять положение об ограничении дробления участка в случае и наследования по завещанию и наследования по закону. Было решено оставить только лишь ограничения по числу бенефициариев и ограничению свободы завещания.

²⁹ Там же. Л. 364-368.

³⁰ Там же. Л. 332-348об. В силу ограниченности объема статьи мы опускаем детальное изложение дискуссии, имевшей место в процессе выработки «закона о наследовании».

³¹ Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы, четвертый созыв, сессия четвертая. 19 июля-3 сентября 1915 г.(№№ 1-57). Петроград, 1915 ; № 1. Список законопроектов, оставшихся к четвертой сессии 4 созыва нерассмотренными Госдумой (4 апреля 1915), по МВД. № 53, о наследовании в землях мелкого владения (14 января 1914 г. № 1247).

³² В конечном итоге, можно сделать вывод о том, что законопроект пролежал под сукном вплоть до 21 июня 1916 года. (Приложения к стенографическим отчетам Госдумы, четвертый созыв, сессия четвертая. 1915-1916 г.г., вып. №№ 58-87). Петроград, 1916; Список законопроектов, оставшихся нерассмотренными Госдумой к 21 июня 1916 г., № 231, о наследовании в землях мелкого владения (14 января 1914 г. № 1247).

³³ Зырянов П.Н. Обычное гражданское право в пореформенной общине // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Проблемы истории русской общины. Вологда, 1976. С. 91-101.

³⁴ Журнал министерства юстиции. 1913. № 9. С. 203-217.

³⁵ Право. 1913. № 12. С. 92-93.

³⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 93об.

³⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1506. Л. 1-2.

³⁸ Там же. Л. 4-4об.

³⁹ Там же. Л. 11-11об.

⁴⁰ Практика правительствуемого сената по крестьянским делам с 1882 года по 1 марта 1914 года. СПб., 1914. С. 509.

⁴¹ Шретер В. Н. Семейная собственность у крестьян. М., 1911. С. 44.

⁴² РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 116-118

⁴³ Там же. Л. 138-148.

⁴⁴ Там же. Л. 267-268об.

⁴⁵ Журнал министерства юстиции. 1916. № 5. С. 73.

⁴⁶ Право. 1916. № 16. С. 1167-1168.

⁴⁷ Вестник права и нотариата. 1911. № 20. С. 610.

⁴⁸ Право. 1911. № 25. С. 1402-1406.

⁴⁹ Пареного А. Н. Обычай и закон 14 июня 1910 года. 1912. С. 20-21.

⁵⁰ Вестник права и нотариата. 1911. № 5. С. 131-133; № 6. С. 159-162.

⁵¹ Вестник права и нотариата. 1911. № 20. С. 609-615.

⁵² Вестник права и нотариата. 1912. № 12. С. 361-364.

⁵³ Журнал министерства юстиции. 1916. № 5. С. 69-70.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1364. Оп. 10. Д. 2575. Л. 33-35.

⁵⁵ Там же. Л. 16-17об.

⁵⁶ Там же. Л. 36-36об.

⁵⁷ Там же. Л. 32-32об.

⁵⁸ РГИА. Ф. 1364. Оп. 7. Д. 473. Л. 5-7.

⁵⁹ Там же. Л. 9.

⁶⁰ Там же. Л. 2-2об.

⁶¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 122-123об.

⁶² Обсуждение вопроса № 17 о том, «должны ли быть и какие именно меры приняты для обеспечения интересов могущих быть обойденными завещателем: а) вдов, б) восходящих, г) устраниемых от наследства нисходящих (денежные выплаты, предоставление приюта и т. п.)», вопроса № 19 о той процедуре и юрисдикции оформления завещания: «не следует ли облегчить совершение духовных завещаний, допустив при известных условиях словесные завещания (изустные памяти) и установив более высокую сумму (какую), до которой духовные завещания могут быть совершаемы посредством записи их в книге сделок и договоров при волостных правлениях (прим. 2 к ст. 110 Общего положения крестьян)», а также вопроса № 20: «не предоставить ли утверждение духовных завещаний на известные суммы какой-либо более близкой к земледельческому населению инстанции (какой именно)», мы опускаем.

⁶³ РГИА. Ф. 1364. Оп. 8. Д. 1085. Л. 3-4.

⁶⁴ Там же. Л. 1-2об.

⁶⁵ РГИА. Ф. 1364. Оп. 8. Д. 2154. Л. 17-17об.

⁶⁶ Там же. Л. 10-14об.

⁶⁷ Там же. Л. 8-9.

⁶⁸ Там же. Л. 6-8.

⁶⁹ РГИА. Ф. 1364. Оп. 10. Д. 625. Л. 4-4об.

⁷⁰ Там же. Л. 5-5об.

⁷¹ Там же. Л. 2-3об.

⁷² РГИА. Ф. 1364. Оп. 9. Д. 2540. Л. 4-5.

⁷³ Там же. Л. 2-3.

⁷⁴ Там же. Л. 10-11.

⁷⁵ РГИА. Ф. 1364. Оп. 10. Д. 815. Л. 5-6об.

⁷⁶ Там же. Л. 2-4.

⁷⁷ Там же. Л. 7-8об.

⁷⁸ Там же. Л. 16-16об.

⁷⁹ Известия земского отдела. 1917. № 1. С. 18.

⁸⁰ РГИА. Ф. 1354. Оп. 5. Д. 1471. Л. 6-7.

⁸¹ Там же. Л. 4.

⁸² РГИА. Ф. 1364. Оп. 8. Д. 2510. Л. 5-6об.

⁸³ Там же. Л. 9-17об. На фоне того, что судебная палата приняла приговор сельского схода в качестве решающего повода, игнорируя определение губернского присутствия месячной давности, сохранился конфликт вокруг инициатива между двумя линиями судебных учреждений, возникший накануне Судебной реформы.

⁸⁴ РГИА. Ф. 1364. Оп. 12. Д. 1502. Л. 6-8.

⁸⁵ РГИА. Ф. 1354. Оп. 5. Д. 1966. Л. 8-9.

- ⁸⁶ Там же. Л. 5-5об.
- ⁸⁷ РГИА. Ф. 1364. Оп. 13. Д. 72. Л. 58-59.
- ⁸⁸ Там же. Л. 21-21об.
- ⁸⁹ Там же. Л. 2-2об.
- ⁹⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 96.
- ⁹¹ Там же. Л. 118-118об.
- ⁹² Труды редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т.4, Сельские уставы о договорах и наследовании с объяснениями. СПб., 1904. С. 421-428.
- ⁹³ РГИА. Ф. 1364. Оп. 9. Д. 2906. Л. 2-2об.
- ⁹⁴ Там же. Л. 7-9. Несмотря на решение Сената от 28 ноября 1911 года производить раздел надела общей собственности в соответствии с местными обычаями, а не в соответствии с общим гражданским кодексом, в местных судебных органах продолжались неурядицы.
- ⁹⁵ Там же. Л. 5-6об.
- ⁹⁶ РГИА. Ф. 1344. Оп. 282. Д. 336. Л. 6-7.
- ⁹⁷ Там же. Л. 9-10.
- ⁹⁸ РГИА. Ф. 1344. Оп. 283. Д. 1060. Л. 4-5.
- ⁹⁹ Там же. Л. 2-2об., 6. Жалоба Марка была рассмотрена Вторым департаментом Сената. 4 декабря 1915 года Второй департамент Сената вынес решение за № 9046, которое было сообщено Марку 25 января 1916 года (Там же. Л. 11), но, к сожалению, нам не удалось выяснить подробности содержания данного решения.
- ¹⁰⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 119об.-120.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 99-99об.
- ¹⁰² РГИА. Ф. 1291. Оп. 121. 1914 г. Д. 66. Л. 67-68.
- ¹⁰³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 118об.-119об.
- ¹⁰⁴ РГИА. Ф. 1344. Оп. 197. Д. 577. Л. 2-3об.
- ¹⁰⁵ РГИА. Ф. 1344. Оп. 287. Д. 754. Л. 2-3об.
- ¹⁰⁶ РГИА. Ф. 1344. Оп. 283. Д. 835. Л. 4-4об.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 3.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 2-2об.
- ¹⁰⁹ РГИА. Ф. 1344. Оп. 259. Д. 1378. Л. 5-7об.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 8-8об.
- ¹¹¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 120-121.
- ¹¹² В.И. Курдиновский утверждал, что договоры о праве наследования в крестьянской среде считаются законными и признаются за обычай (*Курдиновский В. И. Договоры о праве наследования. Одесса, 1913. С. 313-315*).
- ¹¹³ РГИА. Ф. 1354. Оп. 5. Д. 1016. Л. 2-4.
- ¹¹⁴ РГИА. Ф. 1364. Оп. 10. Д. 211. Л. 4-6.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 3-3об.
- ¹¹⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 162.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 159-163.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 282об.-285.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 347-348об.
- ¹²⁰ Русские ведомости. 13 июня 1915 г.
- ¹²¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1912 г. Д. 18. Ч. 1. Л. 164.

Что означает переход к НЭПу в 1921 году?

(1) Что такое натуральный налог (натурналог)?

Известный российский исследователь, академик Ю. А. Поляков справедливо отметил, что «Великий поворот, осуществленный Коммунистической партией в 1921 г., – поворот от военного коммунизма к новой экономической политике – неизменно привлекает внимание историков»¹. И действительно это так. Он привлекает их потому, что позволяет лучше понять логику будущего социалистического строительства, методы восстановления народного хозяйства и, особенно, проблему взаимоотношений Советской власти и крестьянства.

В историографии неоднократно подчеркивалось важное значение перехода к нэпу в плане укрепления рабоче-крестьянского союза. Так, например, член коллегии Наркомпрода А. И. Свидерский в своей брошюре «Почему вводится продналог», характеризуя причины введения продналога, писал, что в настоящее время «Советской власти приходится пересматривать свои взаимоотношения с крестьянством в связи с общим изменившимся положением республике»².

В историографии сложился устойчивый стереотип, согласно которого начало нэпа связывается с принятой в марте 1921 г. X съездом партии резолюцией о замене развертки натуральным налогом. Утверждается, что нэп явился единственно правильной политикой социалистического пути. И в российской, и иностранной исторической литературе сложилось мнение, что идея продналога была принципиальным иной, чем политика военного коммунизма. Об этом, в частности, вскоре после X съезда партии сказал и В. И. Ленин. В брошюре «О продовольственном налоге» руководитель Советского государства заключил, что «Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нужной, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену», «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением³.

Каково происхождение идеи Ленина о продналоге?

Прежде всего, нам следует напомнить хорошо известный в историографии факт. 8 февраля 1921 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) Ленин ознакомил своих соратников с подготовленным им документом, в котором впервые предлагался конкретный план введения налога. Его содержание было следующим.

«1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом.

2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой.

3. Одобрить принцип сообразования размера налога со старательностью земледельца в смысле понижения процента налога при повышении старательности земледельца.

4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога»⁴.

Исследователи, занимающиеся данной темой, единодушно расценили этот документ как основу для перехода к нэпу. Так ли это на самом деле?

2 февраля 1921 г. в Доме Союзов начала свою работу конференция металлистов. Ее делегаты от Москвы и Московской губернии высказали недовольство по поводу продовольственного положения в столице. Заслушав доклад о взаимоотношениях рабочих и крестьян, конференция приняла резолюцию, в которой прямо предлагалось осуществить замену продразверстки продналогом. 4 февраля, по просьбе делегатов, на конференции выступил Ленин. Он ясно сказал: «Мы знаем, что положение крестьян трудное, но иного пути исправить это положение – нет. Сейчас мы в 13 губерниях совершенно приостанавливаем разверстки»⁵. Это было первое официальное заявление большевистского руководства о приостановке разверстки. Но если мы более внимательно рассмотрим это обстоятельство, то у нас появятся некоторые сомнения на этот счет.

Во-первых, хронологически, с точки зрения конкретной ситуации в стране, Ленин вряд ли начал искать иной метод заготовки продовольствия лишь после того, как публично заявил о приостановке сбора разверстки (приказы об этом изданы уже 4 февраля). На наш взгляд, такой вариант был просто невозможен. Он был невозможен в силу того всеобщего кризиса, в котором находилась страна в начале 1921 г., особенно в области продовольственного обеспечения населения. Казалось бы, в условиях политического кризиса, проявившегося в период от начала февраля до середины марта 1921 г., отказ от действующего метода заготовки продовольствия означал бы крушение большевистской власти. Но на практике все оказалось по другому.

Уже в начале февраля 1921 г. Наркомпродом были изданы приказы о приостановке разверстки: приказы от 4 или 5 февраля продкомам Башкирии, Симбирской, Уфимской, Самарской, Саратовской и Покровской губерний. Тамбовский губпродкомиссар получил приказ о прекращении разверстки в губернии 8 февраля, в тот день, когда на заседании Политбюро ЦК РКП(б) Ленин написал вышеупомянутый «Предварительный черновой набросок тезисов насчет крестьян». Наконец, 10 февраля, в дополнении к уже принятым распоряжениям, Наркомпрод на основании решения ЦК РКП(б) от 2 февраля, в связи с неурожаем, издал приказ об освобождении с 15 февраля по 1 августа от выполнения всех разверсток

на продукты питания Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Орловскую и Царицынскую губернии⁶.

Во-вторых, следует помнить, что в то время требование замены разверстки налогом выдвигалось эсерами и меньшевиками, и руководители компартии отвергали его. Например, в конце 1920 г. на VIII съезде Советов заместитель Народного комиссариата продовольствия Н. Осинский самым решительным образом отклонил предложение о налоге, заявляя: «Я скажу, что у нас не будет тогда продовольственного фонда, если провести продовольственный налог»⁷. Поэтому в этих условиях проект о введении налога, выдвинутый Лениным, мог бы вызвать серьезные возражения коммунистов, которые расценили бы его как меньшевистский. Вряд ли бы в такой ситуации Ленин рискнул представить партии «эсеро-меньшевистский проект». Он мог лишь предложить концепцию продналога, отличную от замысла меньшевиков и эсеров.

Коммунистическая иллюзия

В период военного коммунизма предпринимались попытки реализации разных переходных мер к социализму и даже коммунизму. Так, в сельском хозяйстве Наркомземом поощрялись совхозы и колхозы, несмотря на их плачевное хозяйственное состояние. Как совершенно правильно указывает профессор В. В. Кабанов, к концу 1920 г. стало очевидно, что подобная ориентация была утопией⁸. Она осуществлялась в качестве одной из первоочередных в политике большевиков до конца 1920 г., точнее до принятия VIII съездом Советов постановления «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства». 24 декабря 1920 г. на заседании фракции РКП(б) VIII съезда Советов Н. Осинский решительно отклонил идею коллективизации в качестве приоритетной. Его поддержал Ленин, четко заявивший в своем выступлении: «Вопрос о колхозах не стоит как очередной. Я знаю, что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии»⁹. Таким образом, в конце 1920 г. «коллективистическая иллюзия» большевиков развеялась.

Напомним, что большевистское государство в период военного коммунизма вполне осознанно основывалось на «коммунистической иллюзии». Самым ярким ее практическим воплощением стала безденежная обменная система. Стремление к установлению безденежной системы в экономике теоретически стало возможным уже в первые дни после Октябрьской революции. Причем на практике оно подкрепилось реальной экономической разрухой, порождавшей стихийный товарообмен, натурализацию экономики, которая все более усиливалась вследствие катастрофического продовольственного положения. В конечном итоге разрушение рынка привело к реализации «коммунистической иллюзии» (т.е. теоретически обоснованной марксистами возможности ликвидации рыночных отношений после победы пролетарской революции). При этом в условиях военного коммунизма Наркомпрод через систему разверстки, созданный им аппарат заготовки-распределения, играл важную роль в

процессе образования государства типа коммуны.

В результате экономической разрухи, обусловленной I мировой войной и революцией, в России резко усилилась инфляция, прекратила свои функции денежная система, стихийно организовался натуральный обмен. Такая обстановка создала основу для теоретического обоснования большевиками своей «коммунистической иллюзии». Ими отождествлялась теория и практика. Так, в апреле 1918 г. Ю. Ларин в своем докладе на заседании Высшего Совета Народного Хозяйства отметил: «...переходя к организации хозяйственной жизни страны, мы пришли к мысли установить товарообмен продуктов в стране на новых началах, обходясь по возможности без денежных знаков, подойдя к тем условиям, когда деньги становятся только счетной единицей»¹⁰.

Уже в начале 1918 г. Наркомпрод приступил к разработке общегосударственного плана проведения товарообмена. 7 марта 1918 г. идея товарообмена впервые была высказана на страницах органа ЦК РКП(б) газеты «Правда». Декретом Советской власти от 26 марта 1918 г. система товарообмена стала проводиться в жизнь в масштабах всей страны. Но в тех конкретных исторических условиях реализация этой идеи была невозможна. Она являлась иллюзией власти. Установленная большевиками система товарообмена оказалась неспособной достичь каких-либо результатов.

Об этом прямо было сказано, например, народным комиссаром продовольствия А. Д. Цюрупой. Выступая с докладом на заседании V Всероссийского съезда Советов в июле 1918 г., он констатировал, что весной 1918 г. кампания по товарообмену закончилась неудачно¹¹. Этот срыв государственного товарообмена ускорил переход от практики добровольной поставки хлеба крестьянами к принудительной системе его заготовки. С другой стороны, несмотря на неудачу, система товарообмена сохранилась. Она постепенно укреплялась и распространялась по мере развития продразверстки. Например, в августе 1918 г. обязательный товарообмен был введен в хлебородных губерниях, а в августе 1919 г. он был распространен на всю территорию страны. Как указывал профессор В. П. Дмитренко, в годы военного коммунизма роль товарообмена значительно поднялась по сравнению с весной 1918 г.¹²

Идея товарообмена реализовывалась в системе разверстки. Обычно исследователями обращается внимание на ее репрессивную сторону, но разверстка имела и другую сторону медали. Она была связана с товарообменом. Хотя уже в 1918 г. принудительный характер заготовок оказал пагубное влияние на крестьянское хозяйство, но при этом были и явления иного плана. Наркомпродом предпринимались попытки организовать товарообмен с деревней. Местным продорганам предписывалось посыпать товары в уезд или волость по мере выполнения ими нарядов по разверстке¹³. Подобным образом, т.е. связывая заготовки продуктов со снабжением товарами, большевистская власть через систему разверстку стремился к образованию государства типа коммуны. В данном контексте

справедливо заключение профессора Д. А. Сафонова о том, что «идея продовольственной разверстки была не единственной, но очень важной составляющей ленинского видения перспектив перехода к коммунизму»¹⁴. Следовательно, разверстка включала в себя два элемента – повинность (как атрибут прошлого) и товарообмен (как атрибут будущего).

На наш взгляд, осенью 1920 г. в условиях перехода к мирному социалистическому строительству большевистская власть еще не изжила в себе «коммунистическую иллюзию» и поэтому не могла желать ликвидации основанной на ней экономической системы.

Но жизнь располагала по-другому. Продразверстка оказалась не эффективной. Она так и не смогла своими функциями обеспечить развитие промышленного производства. Как известно, те из большевиков, кто находился у власти, в том числе и сам Ленин, неоднократно повторяли, что Советская власть берет хлеб у крестьян не насовсем, а в долг. По мере восстановления промышленности крестьяне должны были получить промышленные товары через систему разверстки¹⁵. Это был идеальный путь, который в период военного коммунизма замышлялся как переходная мера к коммунизму.

Так, в постановлении Советского правительства от 19 ноября 1920 г., подписанном Лениным и замнаркомпрана Н. П. Брюхановым, перечислялись меры, направленные на усиление продразверстки. Одно из них гласило, что продорганы должны были проводить продуктообмен планомерно, строго координируя сдачу товаров с ходом разверстки¹⁶. Данный факт свидетельствует о том, что даже в условиях фактического окончания гражданской войны в теоретических планах большевиков разверстка по-прежнему связывалась с иллюзией сохранения продуктообмена в будущем. «Коммунистическая иллюзия» сохранялась.

Налог как переходная мера к будущему

О ситуации конца 1920 г., тогдашней атмосфере, царившей в высших эшелонах большевистской власти, напомнил через год на заседании IX съезда Советов Л. Б. Каменев: «И нам ... казалось, что деньги идут к концу, что скоро денег нам не понадобится»¹⁷. Именно в этот период «коммунистическая иллюзия» достигла своего апогея. Вопрос об отмене денежных налогов всерьез обсуждался на заседаниях Совнаркома. 3 ноября 1920 г. Совнарком создал комиссию под председателем С. Е. Чуцкаева, которому Ленин в своих замечаниях об отмене денежных налогов, написанных 30 ноября 1920 г., указал «в условиях переходной эпохи переход от денег к безденежному продуктообмену бесспорен. Чтобы этот переход был успешно завершен, надо, чтобы был осуществлен продуктообмен (не товарообмен). Пока мы не в силах осуществить товарообмен, т.е. давать крестьянину промпродукты, – до тех пор крестьянство вынуждено оставаться при обломках товарного обращения». Именно в такой перспективе Ленин видел будущую обменную форму и считал, что эта форма скоро начнет реализоваться. В тот же день Ленин в проекте по-

становления Совнаркома о прямых налогах выдвинул предложение «о необходимости подготовить и провести единовременно как отмену денежных налогов, так и превращение продразверстки в натуральный налог»¹⁸.

18 декабря 1920 г. Совнарком принял постановление, в котором ставилась задача отмены денежных налогов и перехода к безденежному продуктообмену на основе того, что трудовое население выполняет свой долг перед страной путем разверстки и трудовой повинности. В этом постановлении замена разверстки натуралогом означала введение системы безденежного обмена.

Обсуждение этого вопроса и, таким образом, «коммунистической иллюзии» в отношении безденежного обмена, продолжилось вплоть до X съезда партии. И лишь 16 марта 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) на своем заседании приняло предложение Ленина о снятии проекта об отмене денежных налогов¹⁹. Таковы реальные факты.

Еще раз нам хотелось бы подчеркнуть, что на протяжении зимы 1920/21 г. в ходе широкого обсуждения мер по выходу из кризиса «коммунистическая иллюзия» в отношении дальнейшего развития экономики страны не только сохранялась в умах большевистских лидеров, но и еще более утверждалась. Причем эта тенденция проявлялась на фоне дальнейшего ухудшения общей ситуации в стране, в условиях нарастания волны крестьянского недовольства, резкого сокращения посевных площадей и т.д. Но руководители большевиков почему-то были полны оптимизма. Так, например, газета «Беднота» следующим образом передала настроение собравшихся на VIII съезде Советов делегатов: «Председатель ВСНХ Рыков объяснил съезду советов, что в настоящее время в нашей промышленности начался подъем. С каждым месяцем, с каждой неделей открываются все новые и новые промышленные предприятия, начинают дымить новые и новые фабричные трубы...»²⁰.

Интересно, что ни в одном из своих выступлений на VIII съезде Советов Ленин не сказал о необходимости замены разверстки продналогом. Но это не значило, что он считал налог ненужным, чтобы смягчить положение крестьянства. Просто тогда на съезде выступление с подобной идеей означало бы поддержку предложения о налоге делегатов от «мелкобуржуазных партий». Ленин не мог пойти по этому пути. Поэтому он хранил молчание по данной насущной проблеме.

В то же время для более углубленного изучения обстановки в деревне, требований крестьянских масс, Ленин несколько раз встречался с крестьянами на самом съезде Советов и после него. Результатом этих встреч в конце декабря 1920 г. стали заметки Ленина о задачах хозяйственного строительства, где им высказывается следующая мысль: «Отношение к крестьянству: налог + премии» (речь идет о методе, который обеспечит увеличение посевной площади).

К этим заметкам Ленин добавил и такие слова: «Налог = разверстка»²¹. Это он сделал потому, чтобы отличить налог (точнее, натуралог) как переходную меру к будущему обществу от налога, который означает

возвращение к капиталистическому прошлому. Иначе говоря, он рассматривал налог прежде всего как меру на пути к безденежному обмену. Именно в данном контексте говорилось в постановлении Совнаркома от 18 декабря 1920 г. У руководителей большевиков разверстка ставилась почти на одну доску с натуралогом.

Исходя из вышеизложенного, нам следует согласиться с выводом С. А. Павлюченкова о том, что «нет никаких оснований полагать, что Ленин пришел к выводу о необходимости радикального изменения продовольственной политике в конце 1920 года... Этот «налог» не только не имел никакого отношения к нэпу, но стал бы еще более грандиозным шагом в развитии военного коммунизма, нежели постановление VIII съезда советов»²².

В условиях кризиса: X съезд РКП(б)

Зима 1921 г. была очень холодной, и страна, сверх ожидания руководителей компартии, оказалась в состоянии тяжелейшего топливного кризиса. Голод и ухудшение условий жизни шахтеров вызвали сокращение добычи угля. В начале 1921 г. поток телеграмм из шахтерских городов Сибири информировал власть о невозможности горняков работать из-за наступившего голода²³. Топливный кризис неминуемо повлек за собой развал транспортной системы. Особенно усилился продовольственный кризис. Таким образом, налицо был общий кризис экономики и социальной сферы страны.

Но самая серьезная опасность заключалась в нараставшем с каждым годом сокращении посевных площадей зерновых культур. Не случайно поэтому зимой и весной 1921 г. наиболее часто публикуемыми материалами в печати стали статьи не о роли и задачах профсоюзов, а о посевной кампании. В них ставилась задача, во что бы ни стало пробудить интерес крестьян к расширению посевов хлебных культур. Именно тогда разрешением этого вопроса задался и Ленин. Результатом размышлений вождя на данную тему стал вышеупомянутый предварительный набросок тезисов «насчет крестьян», написанный им 8 февраля 1921 г. Характерно, что в этом документе смешалась идеализация (теория перехода к будущей обменной системе) и практика – задача стимулирования крестьянского хозяйства. В уяснении соотношения теории и практики ленинского подхода к рассматриваемой проблеме, т.е. значения идеальных и практических задач подъема крестьянской экономики при выработке им конкретных политических решений, заключается вся сложность вопроса перехода к нэпу.

Даже в то время, когда уже открылся X съезд РКП(б), Ленин продолжал искать решение трудной задачи выхода страны из глубокого кризиса. Он пишет А. Д. Цюрупе: «Центр тяжести вопроса – «оборот», свободный хозяйственный оборот для крестьянства. Вы в это недостаточно вникли...»²⁴. Вплоть до начала работы X съезд РКП(б) Ленин так и не принял окончательного решения по главному вопросу.

Как известно, X съезд РКП(б) собрался в чрезвычайно сложной обстановке. Особенно тяжелым стало продовольственное положение в стране, в том числе в Москве и Петрограде. В обеих столицах были сокращены нормы выдачи хлеба. О голоде в Московской губернии шла речь на упомянутой нами выше конференции металлистов Москвы и Московской губернии. Взрывоопасной была ситуация в Петрограде, где продовольственный и топливный кризис обострились до предела. Так, например, 21 февраля 1921 г. состоялось собрание рабочих Трубочного завода. Утром 24 февраля около 300 рабочих этого завода вышли на улицу. К ним присоединились рабочие других фабрик и заводов. На Васильевском острове собралась толпа, насчитывающая до 2500 человек. Она была рассеяна силой красных курсантов. На следующий день в городе было введено военное положение. Картина напоминала события четырехлетней давности. Но лишь с той разницей, что в 1917 г. позиция большевиков по поводу тяжелого продовольственного положения питерских рабочих была противоположной. В Кронштадте, бывшем главной опорой большевиков в Октябрьские дни 1917 г., с каждым днем возрастало недовольство матросов и рабочих²⁵.

Примерно за неделю до X съезда РКП(б) начался Кронштадтский мятеж. Через несколько дней после открытия съезда большая группа делегатов выехала на его подавление²⁶. По этой причине, в связи с отсутствием некоторых докладчиков, пришлось менять повестку дня съезда, переносить некоторые доклады и заменять их другими.

Уже 8 марта 1921 г. на первом заседании съезда Ленин в отчетном докладе ЦК РКП(б) кратко коснулся вопроса замены разверстки налогом, но из-за изменения повестки дня основное обсуждение данного вопроса началось спустя неделю, на утреннем заседании 15 марта. В своем докладе на эту тему Ленин подчеркнул, что для окончательного успеха социалистической революции в крестьянской России, кроме поддержки социалистической революции в одной или нескольких передовых странах, необходимо соглашение между пролетариатом и большинством крестьянского населения. Он заключил, что для удовлетворения требований крестьянства «нужна известная свобода оборота».

После доклада Ленина о налоге съезд заслушал по этому же вопросу доклад А. Д. Цюрупы. Содокладчик в принципе согласился с предложением Ленина, но отнесся к идеи отмены разверстки осторожно. В частности, в своем выступлении он подчеркнул, что разверстку нельзя отменить сразу по всей стране. В то же время одно предложение Ленина встретило возражение Цюрупы. Ленин выступал за полное подчинение кооперации Наркомпроду, стремясь таким образом к образованию государства типа коммуны. Он считал это условие необходимым для достижения данной цели. Съезд поддержал предложение Ленина²⁷.

В обсуждение главного вопроса работы съезда, наряду с Цюрупой, приняли участие Е. А. Преображенский, П. Пахомов (из Сибири), М. И. Фрумкин и В. П. Милютин. Показательно, что Ю. А. Поляков и Э. Б. Ген-

кина не проанализировали в своих известных фундаментальных трудах содержание выступления Преображенского²⁸. И сделано это не случайно. Преображенский, в отличие от других ораторов, сосредоточил свое внимание на развитии денежной системы в связи с введением налога. И его позиция отличилась от других. Она была иной с точки зрения прежнего толкования, согласно которого налог вводился для того, чтобы разрешить свободный оборот в определенных пределах.

Поскольку натуралог признавался в качестве переходной меры к безденежному обмену, то замечательный экономист-теоретик Преображенский сосредоточился на денежной системе. Его суждения сводились следующему. До сих пор у советской страны главными финансовыми ресурсами были разверстка и выпуск дензнаков. Разверстка постоянно росла, что в скором времени могло обеспечить сумму, необходимую для потребностей страны, и тогда денежная система отомрет. Но с введением налога продукты от крестьянства будут поступать в меньших размерах, чем в результате разверстки. В этих условиях денежная система временно должна сохраниться. В конечном итоге на этом заседании съезда Преображенский выступил с идеей стабилизации советского рубля параллельно с введением налога²⁹. Это означало, что идея непосредственного перехода к безденежной системе провалилась. На следующий день Ленин предложил снять проект об отмене денежных налогов.

Изменение первоначального замысла в отношении натуралога

В начале 1921 г. из-за сложившейся критической ситуации Ленин был вынужден отказаться от плана непосредственного перехода к новому строю через систему натуралога. Но это не означало отказа от коммунистической идеи как таковой, о чём утверждал, например, профессор В.П. Дмитренко, внимательно изучивший обстоятельства появления набросок Ленина от 8 февраля. Он писал: «Содержание документа показывает, что вместо формулы Наркомпрода «разверстка (налог) + монополии + товарообмен» Ленин предложил принципиально новую: «налог + товарообмен + частный рынок»³⁰. Таким образом, Дмитренко пришел к выводу, что именно тогда Ленин отказался от военно-коммунистической идеи.

Мы не можем полностью согласиться с таким мнением авторитетного российского исследователя. На наш взгляд, Ленин, как в вышеупомянутых набросках, так и после X съезда РКП(б) рассматривал натуралог прежде всего в рамках коммунистической идеологии, в контексте преемственности стратегического курса большевиков, в том числе военно-коммунистической политики. Так, например, в апреле 1921 г. на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии он выступил с докладом о продналоге, в котором ясно сказал: «Что же такое продовольственный налог? Продовольственный налог предоставляет собою меру, в которой мы видим и кое-что от прошлого, и кое-что от будущего...». А в брошюре «О продна-

логе» он заключил: «Продналог есть переход от военного коммунизма к правильному социалистическому продуктообмену»³¹.

Таким образом, даже после X съезда РКП(б) Ленин рассматривал продналог не только в качестве инструмента получения продуктов от крестьянства, но и в качестве средства перехода к будущему обществу. Как мы уже указывали, в набросках Ленина его прежнее содержание и будущее смешались и были неразрывными. Более того, на X съезде РКП(б) и после него Ленин снова и снова разъяснял смысл продналога и критиковал тех, кто считал его введение резким поворотом от политики военного коммунизма. Например, в докладе о продналоге на X всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся в мае 1921 г., он указал, что эсеровская и меньшевистская печать неверно «толкуют... продналог и связанные с ним изменения в нашей политике в смысле коренного перелома в ней». В этом же ключе выступил на конференции А. И. Свидерский. Он подчеркнул: «как тогда, когда мы проводили монополию, мы опирались на продовольственную диктатуру, так и теперь мы без продовольственной диктатуры обойтись не можем». Подобное заявление получило полную поддержку Ленина³².

Нам трудно увидеть разницу в отношении большевистской власти к крестьянству до X съезда РКП(б) и после него. Иначе как объяснить тот факт, что в конце 1921 г. в России и Украине для взимания продналога были задействованы войска численностью до 45 тысяч человек (включая милицию и дружины), почти столько же, как в июне 1919 г. в России для сбора продразверстки (продотряды и продармии)³³. Поэтому нельзя столь категорично, как это делается в историографии, противопоставлять продналог и нэп разверстке и военному коммунизму в 1921 г.

На X конференции РКП(б) А. И. Свидерский указал, что переход от продразверстки к продналогу был произведен с необычайной спешностью в части разработки и публикации налоговых декретов³⁴. Например, на заседаниях X съезда РКП(б) и сессии ВЦИК принципиальные вопросы о налоге, т.е. размере свободного оборота, сроках введения и т.д. решены не были. В постановлении ВЦИК о замене разверстки натурナルогом от 21 марта не устанавливались правила, порядок его взимания, время и условия разрешения свободного оборота. Они прорабатывались позднее комиссией по подготовке закона под председательством В. П. Милютина, а также комиссией по продналогу под председательством Каменева. 27 марта комиссия по продналогу на своем заседании обсудила вопрос об обмене в пределах местного хозяйственного оборота и фактически разрешила свободу оборота почти без всяких условий³⁵. С этого времени два момента, составляющие замысел натурナルога, а именно его «идеальная сторона» (движение к новому строю) и реалистическая, направленная на поднятие производства, стали отделяться друг от друга. Вторая сторона превратилась в важнейший элемент. Таким образом и рождался нэп³⁶.

В то же время для осуществления поворота, каким мог стать реаль-

ный переход к нэпу, оставалось мало времени. При проведении в жизнь продналога отсутствовали его широкое обсуждение и тщательная подготовка, по сравнению, например, с посевной кампанией. Это вызывало путаницу в умах руководителях компартии. Почему сложилась именно такая ситуация? Объяснялось это тем, что большевистская власть в силу появившихся обстоятельств внезапно оказалась вынуждена приостановить продразверстку. Каковы же были эти обстоятельства? Рассмотрим их.

(2) Причины приостановки продразверстки

После X съезда РКП(б) при обсуждении условий свободного оборота и продналога подчеркивалось, что данные шаги явились уступкой крестьянству и были направлены на подъем крестьянского хозяйства. Так, 20 марта 1921 г. на заседании сессии ВЦИК М. И. Калинин указал, что продналог имеет целью повышение производительности сельского хозяйства. Возвзание ВЦИК и СНК к крестьянству, изданное 21 марта, провозглашало: «Этот налог должен быть меньше, чем хлебная разверстка... Отмена хлебной разверстки и введение вместо нее налога. Он должен явиться облегчением для крестьянского населения»³⁷. В то же время следует напомнить, что на X съезде РКП(б), кроме В. П. Миллютина, который особо отметил налог как уступку крестьянству, остальные участники дискуссии о налоге выразили опасение по поводу введения свободного оборота. Миллютин не получил тогда поддержки, так как его позиция фактически смыкалась с позицией меньшевиков и эсеров, которые говорили о необходимости уступки крестьянству путем введения налога. В данном контексте нам нельзя согласиться с такой оценкой, хотя она и присутствует в советской историографии по вопросу о нэпе.

Для уяснения общей ситуации нам надо выяснить не причину введения налога, а причину приостановки продразверстки.

Крестьянские восстания

Некоторые историки считают, что главным мотивом приостановки продразверстки стало сложившееся в стране политическое положение. Большевистская власть была вынуждена уступить крестьянству в связи с массовыми крестьянскими восстаниями на почве недовольства продразверсткой и политикой военного коммунизма. Попытаемся проверить обоснованность подобных суждений.

О тяжелом положении крестьянства в Тамбовской губернии, где уже более года развертывалось антоновское движение, дал исчерпывающую характеристику в своем подробном докладе Ленину предисполкома ВЦИК по Тамбовской губернии В. А. Антонов-Овсеенко. «Разверстка на 1920-1921 г., хотя и вдвое пониженная против прошлогодней, явилась совершенно непосильной. При громадном недосеве и крайне плохом урожае значительная часть губернии не могла обойтись своим хлебом. По

данным экспертных Комиссий Губпродкома, на душу проходилось хлебов (с вычетом потребности на обсеменение, но без вычетов корма скоту) – 4.2 пуда. Среднее потребление в 1909-1913 год (по данным ЦСУ) было 17.9 пуда и кроме того кормовых 7.4 пуда... В своей массе крестьянство привыкло смотреть на Советскую Власть как на нечто внешнее по отношению к нему, нечто только повелевающее, распоряжающееся весьма ретиво, но совсем не хозяйственно» – отмечалось в докладе³⁸.

В историографии хорошо известно, что Тамбовская губерния, традиционно богатая хлебом и расположенная в относительной близости от Москвы, считалась большевистской властью неиссякаемым источником продовольствия и людских ресурсов. Поэтому в результате разверстки она вполне закономерно оказалась в крайне затруднительном положении, которое в полной мере проявилось в период весенней посевной 1920 г. Информация об этом поступала в центр из многочисленных источников. Например, крестьяне Кирсановского и Липецкого уезда жаловались на то, что из-за проведенной продразверстки «на сто процентов», у них ничего не осталось для посева³⁹. Одна из местных газет следующим образом передавала впечатление своего корреспондента от поездки в деревню: «Я объехал юг Тамбовского уезда. Прежде всего, мне хотелось установить правдивость замечания горожан о том, что полей мужики не засеваются, потому что нет семян, не на чем работать»⁴⁰. Подобная ситуация в значительной степени предопределила недород 1920 г. Тяжелым испытанием для крестьян в начале 1921 г. стал голод.

Документы свидетельствуют, что руководители Советского правительства не обращали должного внимания на положение тамбовского крестьянства. Более того, они требовали от местных властей решительных действий по выполнению продразверстки. И сами местные власти активно работали в этом направлении. Например, в мае 1920 г. председатель Тамбовского губисполкома А. Г. Шлихтер на заседании губернского съезда советов настоял на необходимости разверстки, хотя и признавал ее тяжелым и тягостным бременем для крестьян⁴¹. 21 сентября 1920 г. СНК признал Калужскую, Тульскую, Рязанскую, Орловскую и Царицынскую губернии голодающими. В связи с этим в октябре 1921 г. А. И. Свидерский отправился в инспекционный обезд районов Тамбовской губернии, также пострадавших от засухи. Однако на заседании Наркомпрода он указал, что разверстка в Тамбовской губернии идет неуспешно не из-за неурожая, а по вине местных властей, действовавших не достаточно решительно (из-за отсутствия применения «героической меры»)⁴².

В. В. Кондрашин в своей монографии о крестьянском движении в Поволжье верно утверждает: с 1918 г., «в отличие предшествующего периода, крестьянское движение приобретает «оборонительный характер». Крестьяне теперь уже не наступают на власть, а защищаются от ее жесткой, разоряющей их хозяйства, но объективно неизбежной в условиях гражданской войны, аграрной политики»⁴³.

В действительности ситуация была таковой, что крестьяне до поры

до времени как-то переносили выпавшие на их долю испытания, но летом 1920 г. положение изменилось. Они увидели, что почти все хлеба погибли на полях, и угроза голода стала реальной, тем более, что разверстка продолжалась, несмотря на данное обстоятельство. В этих условиях они поднялись на восстания против большевистской власти уже ради спасения своих жизней.

В период гражданской войны постоянным явлением было дезертирство крестьян из Красной армии. Оно росло по мере активизации призыва. Так, например, в сводке ЧК за октябрь 1919 г. говорилось, что «при наступлении холодов (вследствие недостатка обмундирования и одежды) значительно увеличилось дезертирство». Одной из главных причин его было жалкое материальное положение частей Красной армии. Так, в феврале 1920 г. солдаты Могилевской 4 роты получали хлебный паек только до полфунта в день и без обмундирования ходили босиком⁴⁴. К сожалению, это не был исключительный случай. Вполне естественно, что такие отряды Красной армии, чтобы получить нужные материалы и продовольствие, часто занимались самочинными грабежами имущества крестьян⁴⁵. Это усугубляло и без того тяжелое положение крестьянства.

При этом следует указать на такой печальный факт, что местная власть, как правило, не учитывала особо тяжелое положение хозяйств красноармейцев. Лишившись здоровой рабочей силы, они испытывали крайнюю нужду, но, тем не менее, все-таки должны были выполнять разверстку в полном объеме и отвечать перед властью за ее невыполнение по всей строгости закона. Так, например, в 1920 г. в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии были случаи, когда за невыполнение разверстки у семей красноармейцев отбирался последний скот. Аналогичные случаи наблюдались в Сычевском уезде Смоленской губернии⁴⁶. Все это не могло не вызывать у крестьян враждебного отношения к Красной армии. Не случайно поэтому много дезертиров присоединялось к этим движениям.

В данном контексте, на наш взгляд, после Октябрьского революции 1917 г. не могло быть «рабоче-крестьянского союза» и глубоких симпатий крестьянства к Красной армии.

Вспыхнув в середине августа 1920 г. в селах Тамбовского уезда восстание Антонова вскоре распространилось по всей территории губернии. Оно вызвало панику среди местных властей. Об этом красноречиво говорилось, например, в одном из самых ранних докладов в центр ЦК Всероссийского профсоюза текстильщиков. Местная власть в панике бежала, а «банда Антонова» при поддержке крестьян захватывала одно селение за другим (это очень интересный и живой документ - автор)⁴⁷. К концу 1920 г. Антоновщина распространилась на уезды Саратовской, Пензенской и Воронежской губерний, все более укрепляясь благодаря поддержке и со действию крестьянской массы. Одновременно с ростом крестьянского движения в его эпицентрах падали сборы по продразверстке. В частности, в середине ноября 1920 г. в Тамбовской губернии процент выполнения

разверстки не дотягивал даже до 30% плана. Особенно сложной была ситуация в Борисоглебском уезде, где Антоновщина получила большой размах. Заготовка продовольствия в счет продразверстки составила там только 16.8% плана⁴⁸.

Положение в Тамбовской и прилегающих к ней губерниях оказалось настолько серьезным, что осенью 1920 г. местные власти были уже не в силах самостоятельно ликвидировать повстанческие отряды Антонова. Они направляли в Москву множество телеграмм с просьбами о помощи. Но большевистская власть почему-то не приняла действительных мер против Антоновщины вплоть до начала 1921 г. Нам трудно понять причины такой позиции.

Только 12 января 1921 г. ЦК партии рассмотрел, наконец, вопрос о настроениях крестьян и постановил создать две комиссии «с заданием обсудить возможные меры быстрого облегчения положения крестьян» и «спешно подготовить меры военной ликвидации бандитизма». Через три недели, 2 февраля, Политбюро ЦК указало народному комиссару продовольствия Цюрупе обратить самое серьезное внимание на политическое положение и восстания крестьян в тех местах, которые особенно пострадали от неурожая. Одновременно оно поручило Оргбюро ЦК и ВЦИК организовать комиссию ВЦИК по Тамбовской губернии. 3 февраля Оргбюро предложило Президиуму ВЦИК, чтобы данную комиссию возглавил В. А. Антонов-Овсеенко⁴⁹.

16 февраля 1921 г. Антонов-Овсеенко прибыл в Тамбов, где удостоился в полном расстройстве местной власти. 26 февраля он обратился в Оргбюро ЦК с предложением создать полномочную комиссию по борьбе с бандитизмом. Его предложение было утверждено Оргбюро 3 марта 1921 г. Для борьбы с Антоновщиной в Тамбове был организован революционно-военный комитет⁵⁰. Приведенные факты указывают, что лишь только спустя почти два месяца большевистская власть предприняла реальные шаги по ликвидации повстанческого движения в Тамбовской губернии.

Таким образом, налицо достаточно вялая реакция центральной власти на активизацию крестьянского движения. Она не вяжется с утверждением о том, что большевистская власть прекратила разверстку из-за крестьянских восстаний. Более того, если вспомнить хронологию событий, то окажется, что к 16 февраля 1921 г., когда Антонов-Овсеенко прибыл в Тамбов, губисполком и губпродкомиссар уже получили приказ из Москвы о прекращении разверстки. Поэтому нам трудно согласиться с концептуальным выводом профессора В. П. Данилова о том, что «крестьянская революция заставила отказаться от продовольственной разверстки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни»⁵¹.

В этом же хронологическом ряду следует рассматривать Кронштадтский мятеж. Поднятый в конце февраля 1921 г. он не был причастен к решению об отмене продразверстки.

Посевная кампания

В конце 1920-начале 1921 гг. руководители Советской власти самое главное внимание обратили на проблему резкого сокращения в стране посевной площади зерновых хлебов. Думается, что есть все основания для заключения о том, что приостановка разверстки была обусловлена прежде всего необходимостью успешного проведения предстоящей посевной кампании, а не какими-либо иными причинами.

Напомним, что после Октябрьской революции состояние крестьянского хозяйства ухудшалось из года в год. Очевидным и тревожным показателем этого весной 1920 г. стал повсеместный недосев в яровом клине. Главная причина его коренилась в продразверстке. Вот лишь некоторые факты на эту тему. В Яранском уезде Вятской губернии уездный съезд советов констатировал, что из-за непосильной разверстки в уезде до половины ярового клина не засеяно⁵². Аналогичные явления были замечены и в других губерниях. Например, в отчете Наркомзема об урожае в стране с 1913 по 1920 гг. указывалось на «чрезвычайно сильное сокращение площади всех посевов вообще – в среднем, по России без Украины с 71 до 45 млн. десятин». «Но это сокращение, колossalное и само по себе, приобретает особо грозный характер, если мы учтем также изменения площади отдельных культур. Мы не будем останавливаться на этих данных подробно; укажем, однако, что темп сокращения по культурам неодинаков и что целый ряд наиболее ценных культур сократился наиболее сильно» – говорилось в отчете⁵³. Это была действительно серьезная ситуация в крестьянском хозяйстве и народном хозяйстве в целом.

Для поиска путей подъема крестьянского хозяйства с осени 1920 г. в руководстве партии и печати началось активное обсуждение возможных практических мер по расширению посевной площади. Исследователям известна дискуссия на эту тему между Н. Осинским и Н. С. Богдановым. Некоторые из них, в частности Э. Б. Генкина, характеризовали этот спор как спор специалистов, придерживающихся противоположных принципов, а именно, с одной стороны, принципа принуждения, а с другой, принцип стимулирования. Причем второй принцип предвещал идею перехода к нэпу⁵⁴. На наш взгляд, это несколько односторонняя оценка.

Осинский в своей позиции имел в виду индивидуальное крестьянское хозяйство, а точка зрения Богданова основывалась на идее преимущества колLECTIVизации в деле подъема сельского хозяйства⁵⁵. Позиция Осинского основывалась на знании реального положения колхозов и совхозов, которые оказались не в состоянии эффективно хозяйствовать и конкурировать с крестьянскими хозяйствами. Кроме того, было известно о враждебном отношении крестьян к новым социалистическим формам сельскохозяйственного производства, насаждаемых сверху. Об этом говорилось многими представителями большевистской власти. Например, в своем докладе Ленину Антонов-Овсеенко констатировал: «отношение к Совхозам (через их к Советской власти) почти повсеместно у крестьян враждебное»⁵⁶. В этом же ключе была информация Саратовского губзем-

отдела, в которой сообщалось: «надеяться перестроить ее (русскую деревню – автор) только путем постепенного укрепления совхозов и призывающих к ним добровольческих коллективов, значит, идти по утопическому пути»⁵⁷. Естественно Саратовский губземотдел поддержал его позицию⁵⁸. В противовес взглядам Осинского в газете «Экономическая жизнь» от 2 декабря 1920 г. была опубликована статья Н. С. Богданова. При этом редакция газеты сочла необходимым предпослать ей следующее примечание: «Редакция, не соглашаясь с автором, считает нужным открыть дискуссию».

В конце концов, в данной дискуссии победил Осинский, и в посевной кампании был принят его курс на поддержку крестьянского хозяйства. 24 декабря на заседании фракции РКП(б) VIII съезда Советов Ленин отказался от идеи первоочередного укрепления коллективного земледелия, закрепив тем самым победу позиции Осинского.

По мнению Осинского, основные направления хозяйственной работы в деревне состояли в государственном регулировании сельского хозяйства на основе принуждения. Он считал необходимым «иметь на метах гибкие, боевые руководящие органы» для проведения посевной кампании⁵⁹. Одновременно он выступал за продолжение политики разверстки. Когда на заседаниях VIII съезда Советов зазвучали голоса с требованием замены продразверстки налогом, Осинский следующим образом реагировал на них: «Открой только эту дверку, и моментально никакого хлеба не будет; и тот, кто раскроет эту дверку к свободной торговле, тот ведет к краху нашей продовольственной политики и к разрушению нашего народного хозяйства. Поэтому все эти меры нам нужно, Т. Т., самым решительным образом отклонить»⁶⁰.

В начале 1921 г. Л. Д. Троцкий отмечал, что проект закона о мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства был принят как-то незаметно⁶¹. На VIII съезде Советов основной курс компартии не изменился. Хотя 14 декабря 1920 г. Совнарком принял декрет о технических культурах, в котором предусматривались меры индивидуального премирования как стимул к расширению производства⁶², фракция РКП(б) на заседании VIII съезда возразила против пункта проекта постановления об индивидуальном премировании крестьян. Она была против введения налога и свободной торговли. Данную ситуацию правильно оценил Ю. А. Поляков. Он писал: «Эта идея не только полностью исходила из принципов военного коммунизма, но еще более усиливала их»⁶³. В этой связи надо еще раз напомнить, что в конце 1920 г. «коммунистическая иллюзия» достигла своего апогея в части реализации на практике.

Конкретные мероприятия по организации посевной кампании стали осуществляться с середины января 1921 г. В частности, 11 января на заседании Президиума ВЦИК было принято постановление об организации посевной кампании. 12 января оно было опубликовано в «Известиях ЦК»⁶⁴. Согласно постановления, повсеместно для руководства посевной кампанией и в целях улучшения сельскохозяйственного производства

создавались сельские крестьянские комитеты (селькомы). Они должны были стать «боевыми руководящими органами» и сыграть важную роль в предстоящей посевной.

У большинства крестьян сложилось враждебное отношение к селькомам. Всюду они выражали недовольство ими⁶⁵. Так, например, в обобщенном отчете Наркомзема говорилось: «Во многих местах были случаи отказа от выборов селькомов. Объясняется это обычно тем, что крестьяне видели в селькомах восстановление комбедов – органов, призванных помочь продорганам в изъятии продуктов; в некоторых случаях высказывались опасения, что селькомы будут принудительным порядком загонять в коммуны»⁶⁶. Таким образом, организация селькомов окончилась неудачей из-за враждебного отношения к ним крестьян.

Однако самое главное недовольство крестьян вызвала кампания по заготовке семян для будущего урожая. По данным Н. Осинского, заместителя Наркомзема, в январе 1921 г. «для предстоящего весеннего засева полей Советской России» требовалось около 220 млн. пудов семян. Одна десятая часть этого количества находилась в государственных ссыпных складах. Остальное количество зерна необходимо было заготовить. «Вот главнейшая задача, стоящая сейчас перед рабоче-крестьянской властью» – заявлял Осинский. Но самое худшее было в том, что этот семенной запас уже в начале кампании ушел в голодающие губернии, т.е. был использован крестьянами не по назначению⁶⁷.

В этой ситуации местная власть не могла рассчитывать на ввоз зерна из государственного семенного фонда. Она должна была заготовить семена самостоятельно. Осинский указывал, что «подобно тому, как заготовка продовольственная требовала для своего выполнения чрезвычайных мер, так и заготовка семенная не может обойтись без них»⁶⁸. Трудности в семенной заготовке были очевидны, особенно в связи с бедственным положением крестьян.

Инструкция СНК от 25 января 1921 г. нацелила местную власть на перераспределение семян. Таким образом необходимо было обеспечить семенами особо нуждающиеся в них хозяйства. На практике по мере реализации мероприятий посевной кампании основной тенденцией стало принуждение, нежели чем стимулирование крестьянских хозяйств. Так, согласно инструкции СНК от 27 января о порядке составления плана обязательного засева, устанавливался план государственного посева, выполнение которого являлось «государственной повинностью земледельческого населения», и этот план составлялся по тому же принципу, что и разверстка⁶⁹. Иначе говоря, семенная заготовка означала для крестьян еще одну дополнительную разверстку.

В этот период местные органы власти, руководствуясь директивами из Москвы, «самым важным делом в текущей посевной кампании» определили «образование семенного фонда» и предприняли для этого все имеющиеся в их распоряжении меры. Так, например, Воронежский губпосевком приказал селькомам с помощью проработников приступить к

изъятию у населения всех излишков зерна. Для этого предусматривалось мобилизовать более 4500 продработников. При чем волисполкомом давалось право насильтственного изъятия зерна и применения к укрывателям карательных мер⁷⁰. О том, как проходила семенная кампания в деревнях Орловской губернии, красноречиво сообщила на своих страницах местная газета. В статье под характерным заголовком «Две разверстки» говорилось: «...в беседах с крестьянами приходится иногда слышать такую фразу: одну разверстку взяли, а теперь другую наложили»⁷¹. Очевидным был факт, что у крестьянского населения, обездоленного военно-коммунистической политикой предшествующих лет, уже не осталось сил, чтобы выполнить очередную задачу Советской власти. Вот лишь некоторые факты из губернских событий, подтверждающие сказанное.

В Самарской губернии организация посевкомов началась 6 января 1921 г. Одновременно в уезды были направлены «1734 политических работников». С 15 января было решено приступить к организационным мероприятиям по созданию семенного фонда, учредить упосевкомы и комитеты содействия. В то же время к середине января 1921 г. Самарский губпродком выполнил только 56.8% плана продразверстки, хотя он был уменьшен в два раза, по сравнению с предыдущим годом. Вследствие этого губпродком был вынужден продлить срок продкампании до конца января. Это означало, что с 1 февраля продразверстка должна была завершиться⁷². В Самарской губернии посевные площади в 1920 г. сократились на 24.8% по сравнению с 1916 г. Кроме того, урожай сильно пострадал от засухи. Например, в Бузулуком уезде урожай ржи составил только 1 пуд с десятины⁷³. В начале 1921 г. Самарская газета в небольшой статье сообщила: «Ход осенней погоды 1920 г. не обещал ничего утешительного для озимых 1921 г. Когда наступило время засева, земля высокла даже под паром на 10 и более сантиметров и приходилось сеять рожь в сухую землю»⁷⁴. Названные факты были предвестником царя-голода 1921 г.

Очевидно, что в такой ситуации было невозможно без ущерба для крестьянского населения выполнить продразверстку, не говоря уже о дополнительной семенной разверстке. Не случайно поэтому 6 января 1921 г. на первом заседании Самарского губпосевкома губпродкомиссар Леких выступил с докладом, в котором заявил, что нельзя проводить в жизнь семенную кампанию одновременно с продкампаней⁷⁵. Таким образом, власть стояла на перепутье: выполнять продразверстку или семенную разверстку?

Кое-где местные власти после 15 января, установленного для всех срока сдачи продразверстки, своим решением приостановили ее выполнение, что вызвало недовольство центра. В частности, замнаркома продовольствия Н. П. Брюханов требовал от губпродкомиссаров продолжения разверстку, вплоть до ее выполнения на 100%⁷⁶. Но реальная ситуация была такова, что по всей стране продолжение продразверстки стало невозможным.

Тем не менее, 25 января 1921 г. Президиум ВЦИК издал предписание следующего содержания: «Открывающаяся повсеместно посевная кампания... настолько близко соприкасается с продовольственной компанией, что является серьезная опасность возможного расстройства продовольственной работы... Опасения эти находят подтверждение в действительности. Так, например, два губисполкома, Донской и Самарский, приступая к проведению в жизнь мероприятий по образованию семенного фонда, приняли постановления, коими фактически может быть приостановлена продовольственная работа ранее установленных разверсток». В связи с вышеизложенным Президиум ВЦИК предложил всем губисполкомам не прекращать продовольственную работу⁷⁷. Но менее чем через две недели, 4 февраля, Самарский губисполком получил приказ противоположного характера. В нем предписывалось прекратить хлеборазвертки ради обеспечения успешного проведения семенной кампании⁷⁸.

Аналогичное положение сложилось в Рязанской губернии. 1 февраля 1921 г. Рязанский губисполком на основании того, что у губернии не осталось сил для выполнения продразверстку в размере 100% (в конце января эта губерния выполнила 54% наряда), а промедление с семенной заготовкой могло вызвать крах посевной кампании, обратился в Наркомпрод с просьбой о немедленной приостановке разверстки. 10 февраля его просьба была удовлетворена. Он получил инструкцию Наркомпрода о приостановке в губернии продразверстки⁷⁹.

Приведенные факты убедительно говорят о том, что в Самарской и Рязанской губерниях ввиду катастрофического продовольственного положения проведение семенной разверстки одновременно с продразверсткой было невозможным. Именно в этом и заключалась главная причина прекращения продразверстки. Советская власть была вынуждена прекратить продразверстку, чтобы организовать семенную кампанию. Аналогичные приказы с вышенназванными в Самару и Рязань поступили из Москвы 4-5 февраля 1921 г. в Наркомпрод Башкирии и в продкомы Симбирский, Уфимский, Саратовский и Покровский губерний. 8 февраля распоряжение о прекращении разверстки было направлено губпродкомиссару Тамбовской губернии. 10 февраля Наркомпрод издал приказ, освобождающий от выполнения всех разверсток на продукты питания с 15 февраля по 1 августа признанные голодающими Тульскую, Калужскую, Орловскую и Царицынскую губерний⁸⁰.

В это же время на страницах советской печати развертывается критика политики продразвестки. Так, например, на эту тему в «Бедноте» выступил М. И. Калинина. В опубликованной газетой 23 февраля 1921 г. статье он остановился на критике вредных последствий разверстки для крестьянского хозяйства. Наконец, 26 февраля А. Д. Цюрупа в органе Наркомпрода сообщил всем губпродкомиссарам, что «основная часть продработы – хлебных разверсток – на всей территории Европейской России закончена... Предстоящая работа по проведению посевной кампании возлагает на продорган в высшей степени ответственную зада-

чут....»⁸¹. Таким образом, замена продкампании посевкампаней стала свершившимся фактом и была подтверждена на официальном уровне.

Вместо заключения

Концепция натурального налога была основана на «коммунистической иллюзии» перехода к новому коммунистическому обществу. Приостановка продразверстки явилась результатом распада сельского хозяйства в период военного коммунизма. Логика того и другого определялась различными посылками и обстоятельствами. Это была первоначальная концепция введения налога. Но критическая ситуация в России, сложившаяся к началу 1921 г., не позволила реализовать ее в задуманном варианте. В этом заключается сложность вопроса перехода к нэпу.

При размышлении на эту тему нам следует больше обращать внимание на следующие положения. Во-первых, большинство местных властей совершенно неожиданно получили приказ центра о прекращении продразверстки (за исключением, может быть, Самарского губисполкома)⁸². Так было, например, в Тамбовской губернии. На заседании губкома РКП(б) 8 февраля 1921 г. командвойск Тамбовской губернии А. В. Павлов в своем докладе о крестьянском движении и откровенно говорил, что оно пользуется поддержкой крестьян и имеет симпатии даже в частях Красной армии. Чтобы ликвидировать его он считал необходимым предложить центру отменить разверстку. Вокруг этого вопроса развернулась дискуссия, в результате которой было принято соответствующее постановление. Было решено отправить в Москву делегацию для беседы с Лениным о разверстке⁸³. Но в то же день, 8 февраля, в адрес предгубпродсовещания и губпродкомиссара поступил приказ Наркомпрода о прекращении разверстки в губернии. По словам членов губкома, Тамбовская губерния была поражена этим неожиданным решением центра⁸⁴. Местные коммунисты лишились проверенного способа заготовки продовольствия для снабжения населения, которое находилось в критическом положении. Таким образом, вопрос об отмене продразверстки был решен в центре без тщательного обсуждения и заранее продуманного плана. Это повлекло за собой путаницу среди местных коммунистов.

Во-вторых, следует особо подчеркнуть, что Наркомпрод издал приказ не об отмене хлебной разверстки в принципе. Следовало лишь «прекратить ее сбор, снять все продотряды» и т.д., чтобы центр тяжести продовольственной работы перенести на заготовку семян, то есть заменить продкампанию на семенную кампанию. Именно в этом был смысл распоряжений Наркомпрода. Таким образом, речь шла лишь о временном прекращении продразверстки и при этом ни слова не говорилось о ее замене продналогом.

В-третьих, в губерниях, потерявших единственный способ заготовки хлебов посредством разверстки, продовольственное положение значи-

тельно ухудшилось. Об этом можно судить хотя бы на примере Тамбовской губернии. Тамбовский губпродкомиссар неоднократно обращался к центру с просьбой об оказании продовольственной помощи населению. Но и СТО и Наркомпрод ответили отказом, что поставило губернию в критическое положение⁸⁵. Результат этого явилась народная трагедия 1921-1922 гг. Конечно, это был не исключительный случай.

Думается, что вряд ли обосновано утверждение ряда историков о том, что замена продразверстки налогом, переход к нэпу в 1921 г. облегчили тяжелое положение крестьянского населения. В результате политики военного коммунизма у голодающих рабочих и крестьян не осталось запаса продовольствия, и они были должны искать хлеб свои силами. После декрета СНК от 28 марта 1921 г., разрешившим свободный обмен, всю страну захлестнула волна мешочников, стали развертываться рынки, где только и можно было достать еду. Таким образом, летом 1921 г. рыночный обмен восстановился стихийно, сверх ожиданий и планов большевистской власти. В конечном итоге по мере расширения товарно-денежных связей система товарообмена, введенная одновременно с налогом весной 1921 г., к осени 1921 г. оказалась вытесненной рыночными отношениями. В результате иллюзия непосредственного перехода к социализму, поддерживаемая всеми силами большевистской власти, исчезала под воздействием стихии рынка. Начинался нэп.

Примечания

¹ Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 3.

² Свидерский А. Почему вводится продналог. М., 1921. С. 9.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 219, 220.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 131. Л. 1; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 333.

⁵ Генкина Э.Б. Государственная деятельность В.И. Ленина 1921-1923 гг. М., 1969. С. 69-70; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 308. В декабре 1921 г. на заседании XI Всероссийской конференции РКП (б) Л.Б. Каменев следующим образом сказал об атмосфере весны: «Некоторые основные передовые группы, передовые отряды революции подчинились крестьянской психологии, психологии того разорившегося крестьянина, который начинал бунтить. Первым, наиболее характерным выражением этого изменения соотношения сил между голодом и деревней, иначе говоря, между пролетариатом и крестьянством, была весенняя конференция металлистов в Москве»(Всероссийская конференция РКП (б). бюллетень. № 1. С. 9.). В то же время он отказался признать свое недовольство рабочих основой причиной массовых выступлений в городах в указанный период.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 664. Л. 261-269; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 644. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 2. Д. 1300. Л. 25.

⁷ Восьмой Всероссийский съезд советов: стеногр. отчет. М., 1921. С. 146.

⁸ Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 112.

Синъити Кадзикава

- ⁹ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 16. Л. 172; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 180-181.
- ¹⁰ Бюллетень Высшего Совета Народного Хозяйства. 1918. № 1. С. 30.
- ¹¹ Пятый Всероссийский съезд Советов: стеногр. отчет. М., 1918. С. 142.
- ¹² Дмитренко В.П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986. С. 116.
- ¹³ Беднота. 1919. 28 ноября, 17 декабря; 1920. 25 июля, 17 сентября и т.д.
- ¹⁴ Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920-1921 гг. и южный урал. Оренбург, 1999. С. 37.
- ¹⁵ Бюллетень Наркомпрода. 1919. 29 октября; Беднота. 1920. 10 ноября; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 316.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 546. Л. 158.
- ¹⁷ Девятый Всероссийский съезд советов: стеногр. отчет. М., 1922. С. 60.
- ¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 22-23; Т. 42. С. 51.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 208. Л. 506; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 439. Э.Б. Генкина без всяких оснований утверждает: «В данном случае ленинская постановка вопроса о натуральном налоге была связана пока лишь с отменой денежных налогов и прямой связи с последующим переходом от резверстки к налогу не стояла» (Генкина Э.Б. Уаз. соч. С. 57.).
- ²⁰ Беднота. 1920. 25 декабря.
- ²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 387.
- ²² Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 240.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 110. Л. 67.
- ²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 91-92.
- ²⁵ Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М., 1997. С. 7-8; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 272. Л. 100.
- ²⁶ Согласно списку, приложенному к стенографическому отчету съезда, Э.Б. Генкина указала, что на ликвидацию этого мятежа было послано около 300 человек (Генкина Э.Б. Указ. соч. С. 100.). Но в изученном нами списке Петроградского комитета речь идет о 183 человеке (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 555. Л. 96.).
- ²⁷ Десятый съезд РКП (б):стеногр. отчет. М., 1963. С. 89, 113, 404-409, 421.
- ²⁸ Автор имеет в виду монографию Ю.А. Полякова «Переход к нэпу и советское крестьянство» и монографию Э.Б. Генкиной «Государственная деятельность В.И. Ленина» .
- ²⁹ Десятый съезд РКП (б). С. 425-427.
- ³⁰ Дмитренко В.П. Указ. соч. С. 202.
- ³¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 149, 243.
- ³² Протоколы десятой всероссийской конференции РКП (б). М., 1933. С. 6, 49, 61.
- ³³ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 11. Д. 611. Л. 19об.; Оп. 1. Д. 331. Л. 32.
- ³⁴ Четыре года продовольственной работы: Статьи и отчетные материалы. М., 1922. С. 31.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 141. Л. 1.
- ³⁶ Коллегия Наркомпрода 24 марта обсудила данный вопрос о обмене и запретила крестьянам торговую сделку за пределы общества, разрешив только кооперации денежному обмену. 31 мая 1921 г. от имени Брюханова и члена колле-

гии Наркомпрода А.П. Смирнова в ЦК РКП (б) была отправлена телеграмма, в которой говорилось, что продналог будет вводиться только в 21/22 году, а на Северном Кавказе, в Сибири, Украине и Трукестане продразверстка должна продолжаться (ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 644. Л. 9-15; РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 829. Л. 116.).

³⁷ Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет viii созыва (i-iv сессии): стеногр. отчет. М., 1922. С. 85, 87; Декреты Советской власти. Т. XIII. С. 250-252. 30 марта на своем заседании комиссия по обсуждению проднолога в составе Н.Д. Кондратьева и других констатировала, что размер проднолога в 1921/22 годы в сумме 240 миллионов пудов превышает излишки в крестьянском хозяйстве (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 558. Л. 3.).

³⁸ The Trotsky Papers: 1920-1922. Vol. ii. edited and annotated by J.M. Meijer. Mouton, 1971, pp. 492-96.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 453. Л. 86-87.

⁴⁰ Известия Тамбовского губисполкома и советов. 1920. 18 мая.

⁴¹ Шлихтер А.Г. Хлебная повинность и продовольственные отряды. М., 1920. С. 1-3.

⁴² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 207. Л. 116; РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 681. Л. 101-102.

⁴³ Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. М., 2001. С. 71.

⁴⁴ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: Документы и материалы. Т. 1. М., 1998. С. 212; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 453. Л. 17.

⁴⁵ О подобных примерах в селениях Коммуны немцев Поволжья и Вологодской губернии. см.: там же. Л. 133, 135.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 586а. Л. 33; РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 608. Л. 7.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 72. Л. 37-38.

⁴⁸ Известия Тамбовского исполнкома. 1920. 21 ноября.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 55. Л. 4; Оп. 3. Д. 128. Л. 1; Д. 120. Л. 6.

⁵⁰ Известия Тамбовского исполнкома. 1921. 26 февраля; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 132. Л. 118, 4.

⁵¹ См.: Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 25.

⁵² Советы в эпоху военного коммунизма. Ч. 2. М., 1928. С. 357.

⁵³ Отчет Наркомзема IX Всероссийскому съезду Советов за 1921 г. М., 1922. С. 16.

⁵⁴ См.: Генкина Э.Б. Указ. соч. С. 47-48.

⁵⁵ О позиции Н. Осинского (В.В. Оболенского) по данному вопросу см.: Осинский Н. Государственное регулирование крестьянского хозяйства. М., 1920. О взглядах Богданова на указанную тему см.: Богданов Н. Народное хозяйство. 1919. № 6. С. 16; Беднота. 1920. 24 ноября; 14 декабря.

⁵⁶ The Trotsky Papers. Vol. ii. p. 488.

⁵⁷ Правда. 1920. 5 сентября.

⁵⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 2010. Л. 62-63.

⁵⁹ Осинский Н. Указ. соч. С. 25.

⁶⁰ Восьмой Всероссийский съезд советов. С. 146-147.

⁶¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. XV. С. 241.

⁶² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 207. Л. 585-585об.

⁶³ Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 226.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 38. Д. 3. Л. 18-25.

Синъити Кадзикава

- ⁶⁵ Беднота. 1921. 22 февраля; 3 марта; 5 апреля и другие.
- ⁶⁶ Отчет Наркомзема IX Всероссийскому съезду Советов. С. 34.
- ⁶⁷ Воронежская коммуна. 1921. 23 февраля; Правда. 1921. 24 февраля.
- ⁶⁸ Воронежская коммуна. 1921. 23 февраля.
- ⁶⁹ Декреты Советской власти. Т. XII. С. 213, 233-239.
- ⁷⁰ Воронежская коммуна. 1921. 13, 22 февраля.
- ⁷¹ Известия Орловского губисполкома. 1921. 4 марта.
- ⁷² Коммуна (Самара). 1921. 15, 18, 27 января.
- ⁷³ Там же. 1921. 21 января; Правда. 1920. 10 октября.
- ⁷⁴ Коммуна (Самара). 1921. 4 января.
- ⁷⁵ Там же. 1921. 25 января.
- ⁷⁶ Беднота. 1921. 15, 25 января.
- ⁷⁷ Декреты Советской власти. Т. XII. С. 210-211.
- ⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 664. Л. 2683.
- ⁷⁹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 96. Д. 508. Л. 153-145; Ф. 130. Оп. 5. Д. 644. Л. 4.
- ⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 664. Л. 261-269; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 644. Л. 4; РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 2. Д. 1300. Л. 25.
- ⁸¹ Беднота. 1921. 23 февраля; Продовольственная газета. 1921. 26 февраля.
- ⁸² Коммуна (Самара). 1921. 7, 25 января.
- ⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 128. Л. 111-111об.
- ⁸⁴ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 2. Д. 1300. Л. 25; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 1007. Л. 8.
- ⁸⁵ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 2. Д. 1300. Л. 20-22; Оп. 1. Д. 829. Л. 48.

Крестьянская печать и селькоровское движение в период НЭПа

В последнее время все большее внимание историков привлекают письма рядовых советских граждан в различные органы власти в первые годы существования большевистского государства. Их называют «голосом народа», обращенным к новому политическому режиму. Эти письма используются специалистами главным образом как материалы для исследования социальной истории, то есть для изучения того, как та или иная проблема представляется «снизу», с точки зрения широких народных масс (1).

Как показывают изученные источники, письма трудящихся во власть не были исключительно стихийным порывом. В значительной мере они инициировались самими большевиками с вполне определенной целью. Имея большой агитационно-пропагандистский опыт, большевики прекрасно осознавали возможности печатного слова. Они рассчитывали использовать печать в качестве инструмента взаимодействия власти и народа в период строительства нового общества. Так, например, председатель ЦИК СССР М. И. Калинин заявлял, что газета должна быть «огромным парламентом или постоянно заседающим митингом, где люди учатся и вместе учат других» (2). В этой связи письма простых граждан в редакции газет рассматривались большевистским руководством в качестве основной и наиболее желательной формы реакции масс на политику советской власти. Массовые обращения трудящихся в печатные средства массовой информации были названы большевиками движением рабочих и сельских корреспондентов, или рабселькоровским движением (3).

В значительной степени его теоретическую основу заложил один из лидеров большевистской партии — Н. И. Бухарин, сделавший немало и в плане практической организации рабселькоровского движения. Будучи ответственным редактором центрального органа партии — газеты «Правда», Бухарин придавал особое значение этому новому движению как способу демократического контроля над государственным (и даже партийным) аппаратом, с одной стороны, и коммунистического воздействия на народные массы, с другой. Для него рабселькоровское движение было здимым проявлением общественной активности трудового народа, от которой в немалой степени зависела судьба большевистской революции (4).

Итак, в первые годы НЭПа была предпринята попытка создать новый тип взаимодействия партии и широких масс, используя возможности советской печати и корреспондентского движения. Это стало новым явлением в общественной жизни и в развитии самих средств массовой информации.

Советская печать и деревня в восстановительный период

Корреспондентское движение стало развиваться прежде всего в городах, где его активными участниками являлись рабочие, пишущие в рабочие газеты (рабочие корреспонденты, или рабкоры). Но гораздо более нужным это движение представлялось для деревни. Оно было необходимо потому, что, несмотря на провозглашенную большевиками политику смычки с крестьянством, в начальный период НЭПа все еще отсутствовал действенный способ связи с деревней. Поэтому именно печать должна была «прорубить окно» и создать эту связь, став для режима эффективным и гибким средством воздействия на крестьянство (5).

Как известно, первой центральной крестьянской газетой была «Беднота». Однако она не смогла в должной мере проникнуть в крестьянскую массу. Тем не менее, с целью улучшения своей работы газета, опираясь на практику рабкоровского движения, постоянно призывала деревенских читателей активнее отправлять письма в редакцию. Эти усилия приносили успех, и тираж «Бедноты» возрастал по мере роста количества писем из деревни. Другой печатный орган — «Крестьянская газета», возникший в ноябре 1923 года как средство дальнейшего проникновения «большевистского слова» в деревню, также взял на вооружение идею селькоровского движения. Редакционная коллегия газеты с самого начала своей работы стала призывать читателей к активному сотрудничеству и сразу же добилась небывалого успеха в этой области (6).

Большевики создавали *новый* тип связи с крестьянством. Они придавали большое значение процентному соотношению между числом пишущих в газету рядовых крестьян, или «крестьян от сохи», и общим числом селькоров. Поэтому действия двух центральных крестьянских газет считались «успехом» и образцом для местной прессы (Таблица 1, 2).

В самом деле, вначале активными корреспондентами были сельские служащие (делопроизводители, фельдшеры, почтальоны и т.д.), сельские учителя, демобилизованные красноармейцы, которые часто впервые несли печатное слово (и даже грамотность) в деревню. Но с распространением крестьянской печати, идеи селькоровского движения появился и «подлинный землероб» (7). Чаще всего это был «передовой крестьянин», или «крестьянин-культурник», грамотный, активный в развитии своего хозяйства, имеющий собственный взгляд на то, что нужно деревне, и настаивающий на нем через письмо в газету. Значительный рост селькоровского движения в эти годы опирался главным образом на *смычку* большевиков с этими крестьянами (8).

В целом, селькоровское движение в те годы стало поистине *крестьянским*, и, прежде всего, функционировало как проводник крестьянских интересов во власть (Таблица 3). Большевики поддержали и одобрили такую форму связи с деревней, расценив ее как первую ступень грандиозного плана взаимодействия с крестьянством. Поэтому они принимали меры по расследованию поступавших жалоб, стремились оперативно реагировать на крестьянские письма. Как отмечал один из ведущих работников печати, селькор «перекидывает мост между деревней и центром» и «дает возможность центру знать и видеть деревню в истинном свете и вовремя откликаться на ее запросы и больные места» (9). Селькоровское движение стало составной частью прокрестьянского политического курса в середине 1920-х годов, и крестьянские письма рассматривались как важные материалы для разработки политики партии. Беседа И. В. Сталина с делегацией Всесоюзного съезда селькоров 12 и 14 марта 1925 г. символизировала основную функцию селькоровского движения в эти годы: «из крестьянства во власть». Встреча была организована таким образом, чтобы активные селькоры «Бедноты» и «Крестьянской Газеты» имели возможность побеседовать с генеральным секретарем ЦК РКП(б) о «важнейших крестьянских нуждах». В самом деле, селькоры откровенно говорили о местных проблемах и своих потребностях (10).

Таблица 1
Состав постоянных корреспондентов «Бедноты» по социальному положению и роду занятий в начале 1925 г.

Крестьян, занимающихся исключительно сельским хозяйством	965 (62,7%)
Работников сельсоветов и волисполкомов	177 (11,5%)
Учителей	80 (5,2%)
Культурно-просветительных работников	70 (4,5%)
Крестьян-учащихся	56 (3,6%)
Кооператоров	52 (3,4%)
Агрономов	34 (2,2%)
Работников комитета взаимопомощи	26 (1,7%)
Деревенских почтовиков	25 (1,6%)
Землеустроителей	20 (1,3%)
Рабочих	14 (0,9%)
Лесников	10 (0,6%)
Сельских врачей и ветеринаров	7 (0,5%)
Батраков	4 (0,3%)
Всего	1540 (100,0%)

По партийности: коммунистов — 81 (5,3%), комсомольцев — 107 (6,9%)

По возрасту: наибольшее число от 25 до 45 лет.

Беднота. 1925. 27 марта

Таблица 2
Рост корреспондентов «Крестьянской газеты» в 1923-24 гг.

	К 1 февраля	К 1 марта	К 1 апреля	К 1 мая	К 1 октября
Крестьян	79	179	355	1017	1385
Рабочих	1	1	4	9	27
Работников просвещения	14	30	49	76	86
Совслужащих	7	11	12	14	80
Учащихся	1	4	5	7	32
Агрономов	—	1	3	3	7
Всего	102	226	428	1126	1617

*Состав по социальному положению и по роду занятий

Крестьян	85,2%
Крестьянок	1,2%
Рабочих	1,6%
Учителей	1,6%
Служащих	4,5%
Агрономов	0,4%
Учащихся	2,0%

Урицкий С. Б. Наша печать. М., 1925, С. 72.

**На 1-е апреля 1925 г.,

По партийности: коммунистов — 11,2%, комсомольцев — 10,9%

По возрасту: наибольшее число от 25 до 25 лет и от 16 до 20 лет.

Рафаил М. Рабкоры и селькоры. М., 1925, С. 56.

Таблица 3

**Содержание почты «Крестьянской газеты» с 15 марта
по 1 сентября 1925 г.**

Тема	Число писем	%
Низовой аппарат	18753	13,2
Быт	13832	9,9
Кооперация, страхов., кредит, взаимопомощь	13351	9,4
Налог	10930	7,7
Землеустройство	10781	7,6
Юридические запросы	10375	7,3
Лес	8852	6,3
Общее положение крестьянства	8427	6,0
Просвещение и культработа	6846	4,8
Агрономия	5960	4,2
РКП(б) и РЛКСМ	5923	4,2
Прочее*	27544	19,5
Всего	141574	100,1

* Остальные письма падают на художественную литературу, Красную армию, отзывы о газете и запросы различного характера.

Печать СССР за 1924 и 1925 гг. М.-Л., 1926, С. 23.

Селькоровское движение предоставляло низовому крестьянству законную возможность критики власти. Н. И. Бухарину принадлежит характеристика этого движения как «своего рода канала, по которому крестьянское недовольство направлялось на самый верх пирамиды власти» (11). Именно жалобы крестьян на недостойное поведение деревенских коммунистов становились «голосом правды»; они вступали в диссонанс с отчетами местного руководства, в которых ситуация представлялась вполне благополучной. Активные селькоры (не всегда это были крестьяне) смело обличали неблаговидные дела и поступки местных руководителей. Нередко за это селькоры подвергались преследованию со стороны местных коммунистов. Последние всячески стремились сдержать критику «снизу», поставить ее под контроль с помощью цензуры, а в ряде случаев и даже путем прямого насилия. Такое преследование характеризовалось «коммунистским» (то есть организованное местными партийцами), в отличие от другого, которое традиционно квалифицировалось как «кулацкое» (то есть организованное теми, кто был недоволен советской властью). Но подобные факты предавались огласке, так как критические письма селькоров о недостатках на местах поощрялись центром. Руководство партии с помощью печати стремилось организовать «контроль масс над аппаратом» (Таблица 4) (12).

Таблица 4

**Сводки достижений письмами в «Крестьянскую газету» за 10 месяцев
(с 1 января по 1 ноября 1925 г.)**

Наименование должности	Изключ. из партии	Преданы суду	Арестованы	Сняты с работы	Адм. и дис. взыскания	Партийные взыскания	ИТОГО
Секретаря волкомов, райкомов и сельячек	2	3		8	1	3	17
Рядовые члены РКП и РЛКСМ	58	23	6	15	10	34	146
Работники виков и с/сов	15	206	12	178	48	6	465
Работники милиции		46	1	38	22		107
Председ. и члены вол. ЗК		4		1	3		8
Агрономы и землемеры		3		7			10
Народные судьи		3		11	2		16
Работники кооптации	1	40	1	13	6	1	62
Объездчики и лесники		16	2	34	12		62*
Председатели К.О.В.	2	27		24			53
Участковые врачи		3		15			18
Учителя и избачи		4		31	9	1	45
Зав. п.-т. отделениями		1		9	2		12
Фининспектора и агенты	1	9		18	4		32
Зав. хоз. предпр. деревни (совхоз. мельниц. и пр.)		8		18	2	1	29
ИТОГО	79	396	22	420	121	46	1084

*Неправильный. Вероятно, 64.

Крестьянская газета. 1925. 17 ноября.

Селькоровское движение в годы «реконструкции»

Начало так называемой «социалистической реконструкции» оказало немалое влияние на селькоровское движение. Как уже отмечалось нами, в предшествующий период это движение играло для режима роль информатора о крестьянских настроениях и проводника его интересов во власть. В новых же условиях ему отводилась роль средства коммунистического воздействия на крестьянство. Наметившийся поворот был обусловлен не только задачами «реконструкции», но и стремлением режима не допустить излишней критики коммунистов со стороны селькоров(13). Теперь селькоры должны были выступать в качестве «нового деревенского актива», поддерживающего политику партии, и обращаться в редакции газет лишь с рядовыми жалобами, не бросающими тень на эту политику. Они должны были просвещать односельчан через печать: «проводить классовую линию» на выборах в советы, в духе партийных решений пропагандировать передовые методы ведения сельского хозяйства и т.д (14).

Новые задачи потребовали от большевиков более действенных средств организации селькоров и руководства ими. Особое внимание было обращено на работу в деревне стенгазетных кружков. Теперь в ка-

ждой избе-читальне базой селькоровской работы становилась стенгазета – низовая печать данного селения. К работе над ней следовало привлекать как можно больше местных крестьян. В конечном счете стенгазета должна была выступить «общественной силой,двигающей общественную жизнь села» (15).

Однако предпринятая большевиками попытка изменить характер селькоровского движения не достигла желаемого результата. Напротив, она вызвала его ослабление. Так, например, проведенное отделом печати ЦК ВКП(б) в 1926-27 гг. обследование выявило ужасное состояние селькоровских организаций в ряде районов Советского Союза. Селькоровские кружки в них распались или действовали в отрыве от крестьянских масс. Как указывало циркулярное письмо отдела печати от 16 июля 1927г., местные селькоровские организации обнаружили слабую организованность и неустойчивость, текучесть состава, молодость их состава и, вследствие этого, недостаточную авторитетность кружков, замкнутость и оторванность их от общественно-политической жизни деревни(16). Еще одним недостатком подобного рода стала *бюрократизация селькоровского движения*, ухудшение их качественного состава. Проведенный в редакциях газет учет селькоров зафиксировал уменьшение в их составе числа «крестьян от сохи» и одновременно — увеличение числа коммунистов и служащих (Таблица 5) (17).

Крестьяне сочли новую линию в селькоровском движении неправильной и не приняли ее. Селькор В. Греков из Вятской губернии написал о неустойчивости ситуации и нашел причину этого в плохом руководстве и уменьшении доверия к селькору со стороны партии: «Селькоровский актив, образовавшийся в 1924/25 году, отходит и отходит очень быстро, появилась текучесть. ...Всмотритесь в работу селькоровского актива, и вы заметите, что **актив идет на убыль**, а новыми активистами заменяется очень редко. ...Когда селькор вышел из подполья, назвал себя строителем новой деревни, то это **доверие исчезло**. Селькор пишет, вскрывает гнойники, имеющиеся на местах, ему не верят, отвечают: «посылаем на расследование». Примеров очень и очень много и они вам известны: результатов нет. **Значит, селькорам партия не так уж доверяет**» (18). На селькоровское движение оказало влияние то, что в общей политике все сильнее стало обращаться внимание на «классовый момент». Это обстоятельство вызвало отход от него «передовых крестьян». Прежде они представляли общие крестьянские интересы и назывались «гордостью нашей деревни, цветом и красой ее» (19). Теперь связь партии с крестьянством через печать вновь начала ослабевать. Самым зримым подтверждением этого стало падение тиражей крестьянских газет (20).

Таблица 5

Состав активных селькоров центральной «Крестьянской газеты» в 1926 г.

Дата	всего	партийных	комсомолцев	беспартийных	бедняков	середняков	батраков	служащих	женщин
Апрель 1926 г.	6350 *	476 7,5%	1270 20%	4604 72,5%	4159 65,5% **	857 13,5%	953 15%	254 4%	
Сентябрь 1926 г.	6257 ***	2495 (39,9%)	(3762) (60,1%)	1876 (29,8%)	2597 (39,8%)	184 (3%)	1230 (19,7%)	140 (2,2%)	

Цифры с линией — предположительные расчеты.

* По возрасту — больше всего селькоров между 20 и 30 годами. Почти половина (42,5%) — демобилизованные красноармейцы. Общественников — 38,5%.

** Половина из них — бедняки, половина — середняки.

*** До 30 лет — 4341. Свыше 30 лет — 1704. В хозяйстве отца — 147.

**** Батраков, кустарей и рабочих

Крестьянская газета. 1926. 27 апреля; 1926. 24 мая; РГАЛИ. Ф. 2503. Д. 529. Л. 89.

Вместо заключения

Селькоровское движение, стремившееся стать средством «интерактивной коммуникации» власти с крестьянством, добилось немалых успехов на первом этапе своего развития. Тогда оно функционировало как посредник между крестьянством и властью, выступало проводником крестьянских интересов во власть. Именно поэтому многие крестьяне покупали и читали большевистские газеты, посыпали письма в редакции, надеясь на их помощь. Но когда большевики избрали новую линию, и наступил этап «социалистической реконструкции», положение изменилось. Крестьяне ограничивались жалобами и уже не стремились к активной общественной работе. Они с недоверием относились к навязчивой агитации большевиков и, в конце концов, просто переставали покупать газеты.

Подобная ситуация не могла не встревожить мыслящих работников прессы. Некоторые из них, чтобы восстановить доверие крестьян к периодическим изданиям, пытались говорить об этом еще накануне «кризиса», предлагая новую линию (21). Однако дальнейшие события «свели на нет» все эти начинания. Возникший кризис хлебозаготовок коренным образом изменил ситуацию в деревне. Он сделал неосуществимыми прежние формы селькоровской работы, саму практику корреспондентского движения. В новых условиях советская власть отказывалась от идеи воздействия «снизу» через печать и корреспондентское движение (22). Теперь и газеты, и селькоры должны были выступать лишь исключительно средствами агитации «сверху». Они превращались в звенья мощного пропагандистского аппарата сталинского режима, взявшего антикрестьянский курс на насильтвенную коллективизацию деревни.

Примечания

1. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1998; Письма во власть 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М., 2001.
2. Калинин М.И. О корреспондентах и корреспонденциях. М., 1958. С. 37.
3. Корреспондентом считался рядовой гражданин, добровольно, а не по служебной необходимости, исполнявший свои обязанности. Большевики определяли рабселькора как всякого трудящегося, который «в интересах нашего советского, партийного или профессионального строительства проявил активность путем освещения соответствующих вопросов в газете (журнале)» // Красная печать. 1926. № 6. С. 43.
4. Бухарин Н.И. О рабкоре и селькоре. Статьи и речи. М., 1926; Он же. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С.181-188; Коэн С. Бухарин. Политическая биография 1888-1938. М., 1992. С. 246-248; Асаока Дз. Бухарин-

Дзэнди Асаока

- ский план для корреспондентского движения: массовая добровольная общественность при «диктатуре пролетариата» (на японском языке) // Сисо (Мысль). № 917 (ноябрь 2000). С. 52-55.
5. Беднота. 1925. 10 марта, 17 марта; *Урицкий С.Б.* Наши итоги. Тринадцать лет красной печати. М., 1925. С. 73.
6. *Асаока Дз.* Формирование селькоровского движения в СССР: изучение конкретных случаев двух центральных органов – «Бедноты» и «Крестьянской газеты» (на японском языке) // Сейёси-кэнкю (Исследование западной истории). № 26 (ноябрь 1997). С. 97-110.
7. Рабочий корреспондент. 1924. № 10-11. С. 8.
8. *Асаока Дз.* Формирование селькоровского движения в СССР. С. 110-116; Крестьянский корреспондент: его роль, его работа. М. -Л., 1925. С. 112-113.
9. Беднота. 1925. 20 февраля.
10. На этой встрече Сталин обратился к селькорам: «пишите то, что нужно, о том, что мешает улучшению быта сельского хозяйства или чем его можно поднять». Селькор «Бедноты» М. Гущин высказался за устойчивость землепользования как непременное условие развития сельского хозяйства. Сталин отнесся к подобному предложению доброжелательно и даже намекнул на возможность разделения земли «лет на 40 или совсем навсегда (!)» (Беднота. 1925. 14 марта, 5 апреля; Рабоче-крестьянский корреспондент. 1925. № 3. С. 45). Гущин был настоящий «передовой крестьянин» из Тульской губернии. В своем отрубном хозяйстве он ввел многопольный севооборот с клевером, был организатором местной культурно-просветительной и кооперативной работы (Беднота. 1925. 5 апреля; Крестьянский корреспондент. С. 148-149). Впоследствии «Новая оппозиция» использовала эти слова Сталина в своей критике его политики за «сочувствие идеи восстановления частной собственности на землю» (РГАСПИ, Ф. 54, Оп. 1. Д. 139. Л. 45; *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 7. М., 1954. С. 362).
11. Третье Всесоюзное совещание рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров при «Правде» и «Рабоче-крестьянском корреспонденте». Стенографический отчет. М., 1926. С. 121.
12. *Асаока Дз.* Преследования селькоров и работа по улучшению низового аппарата в период «оживления советов» (на японском языке) // Росиаси-кэнкю (История России). № 63 (октябрь 1998). С. 41-56.
13. Третье всесоюзное совещание рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров. С. 68-89, 127-142; Красная печать. 1926. № 13. С. 5-36.
14. О партийной и советской печати: Сборник документов. М., 1954. С. 361-363; Селькор. 1926. № 8. С. 12; № 23. С. 1; 1927. № 14. С. 3-6.
15. Селькор. 1926. № 14. С. 12.
16. Советская деревня и работа селькоров. Сборник статей. М. -Л., 1927; Рабоче-крестьянский корреспондент. 1927. № 13-14. С. 16.
17. Красная печать. 1926. № 13. С. 1-2; Селькор. 1926. № 24. С. 13-14. Тогда многие местные газеты впервые попытались ввести учет своих селькоров. Везде обнаружились общие недостатки: большой процент коммунистов и служащих среди корреспондентов и молодость их состава (Таблица 6).
18. Селькор. 1927. № 21. С. 8-10.
19. Крестьянский корреспондент. С. 113.
20. На пятнадцатом съезде ВКП(б) В.М. Молотов признавался, что по сравнению с 1925 г. тираж крестьянских газет сократился на 11% (XV съезд Всесо-

юзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. 2-е издание. М.-Л., 1928. С. 1082). Число и тираж крестьянских газет сократилось и в 1926-1927 гг (Рисунок 1).

21. ГАРФ. Ф. Р. -5566. Оп. 4. Д. 5. Л. 28-30; Красная печать. 1927. № 4. С. 12-14.
22. Асаока Дз. Бухаринский план для корреспондентского движения. С. 55-59. На Июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г., известном открытой конфронтацией «сталинцев» и «бухаринцев», вопрос, как обходиться с крестьянскими письмами, был одним из дискуссионных. Бухарин тогда высказался в том смысле, что письма – «огромнейшая армия», которая «опосредствует нашу мысльку с массами», и потребовал их поддержки: «Я должен здесь в первую очередь реабилитировать письма, против которых выступали здесь некоторые товарищи. Мы несколько времени тому назад не жалели громких и торжественных слов на предмет восхваления рабкоров, селькоров, военкоров и прочих «коров». Мы тут делали ошибки. ... Ясное дело, что если мы заткнем ухо по отношению к тому, что доходит к нам из глубины масс, мы обнаружим известную **бюрократическую однобокость**. Мы очень сильно оторвались физически от масс, и для того, чтобы нам политически от них не оторваться, нам нужны какие-то многочисленные провода, которые доносили бы до наших ушей то, что делается в глубине масс» (Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т. 2. М., 2000. С. 380). Бухарин настаивал, во-первых, на том, что письма являются важнейшим источником информации, зачастую более правдиво передающим факты, чем официальный источник; во-вторых, что они выражают взгляды широких крестьянских масс, прежде всего среднего крестьянства. Однако после поражения «бухаринцев» прежние инициаторы селькоровского движения подвергались нападению в партийной печати и обвинялись в том, что позволяли «кулаку» выражать через газету свое недовольство политикой партии и советской власти (За марксистско-ленинское учение о печати. Сборник. М., 1932. С. 109).

Таблица 6

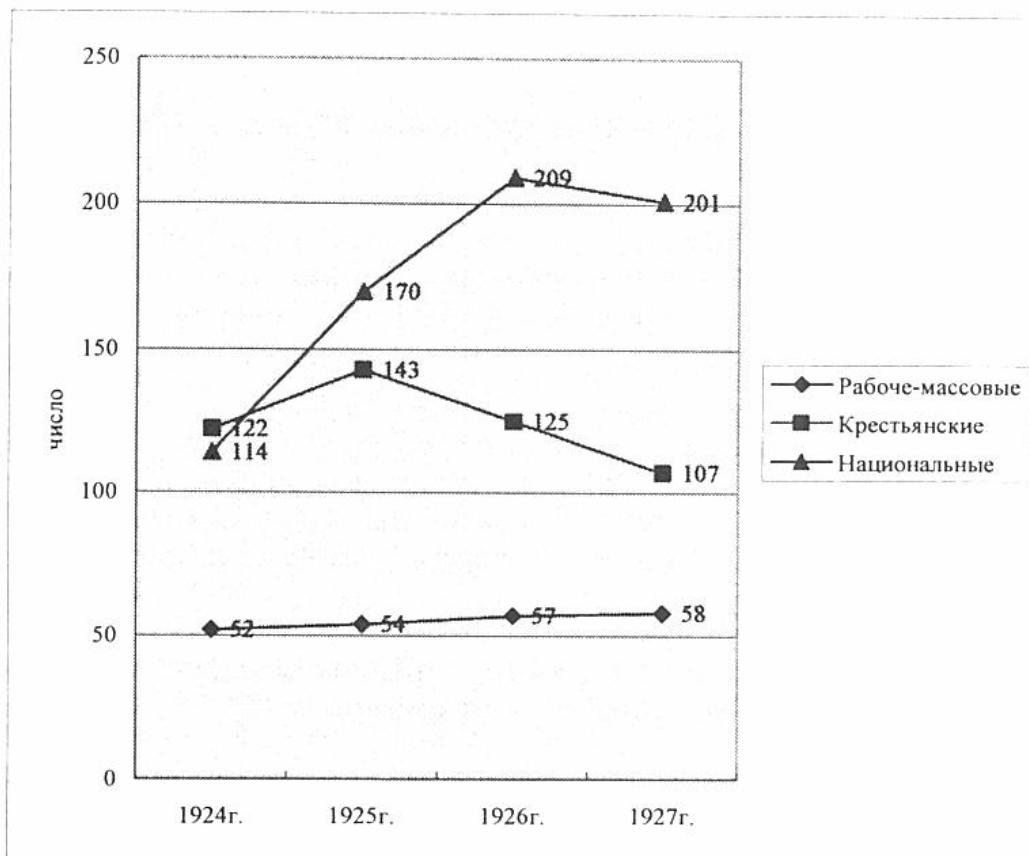
Состав активных селькоров местных газет в середине 1920-х годах.

Название газеты (место издания/тип)	Дата учета	Всего	Членов партии	Кандидатов партии	Комсомольцев	Беспартийных	Крестьян	Служащих	По возрасту
Полоцкий Пахарь (Белоруссия/окружная)	май 1925 г.	158	29 (18,4%)	43 (27,2%)	86 (54,4%)	61* (38,6%)	45 (28,5%)		
Наша Деревня (Брянск/губернская)	конец 1925 г. (предположительно)	140	17 (12,1%)	20 (14,3%)	64 (45,7%)	39 (27,9%)			от 20 до 25 лет — 94(67,1%)
Крестьянская Газета (Нижний Новгород /губернская)	конец 1925 г. (предположительно)	214	61 (28,5%)	58 (27,1%)	95 (44,4%)	170 (79,4%)	23 (10,7%)		от 20 до 30 лет — 121(86,4%)
Красный Октябрь (Свирь/уездная)	конец 1925 г.	104	17 (16,3%)	32 (30,8%)	54 (51,9%)	48 (46,2%)	46 (44,2%)		до 18 лет — 10(9,6%)
Крестьянская Газета (Урал/областная)	декабрь 1925 г.	1088	94 (8,6%)	124 (11,4%)	191 (17,6%)	679 (62,4%)	925 (85,0%)	65 (6,0%)	до 25 лет — 67(64,4%)
Советский Пахарь (Ростов-на-Дону/краевая)	декабрь 1925 г.	588	257 (43,7%)		331 (56,3%)	273** (46,4%)		255 (43,7%)	до 20 лет — 248(22,8%)
Сельская Правда (Сибирь/краевая)	апрель 1926 г.	870	214 (24,6%)	122 (14,0%)	534 (61,4%)	562 (64,6%)	562 (61,1%)	184 (21,1%)	до 30 лет — 811(74,5%)
Вятская Деревня (Вятка/губернская)	июнь 1926 г.	704	105 (14,9%)	198 (28,1%)	401 (57,0%)	577 (82,0%)	97 (13,8%)		до 23 лет — 41,2%
Красное Слово (Сталинград/окружная)	1926 г.	194	27 (13,9%)	24 (12,3%)	82 (42,3%)	61 (31,4%)	124 (63,9%)	43 (22,2%)	до 30 лет — 78,5%
Новая Деревня (Гомель/губернская)	1926 г.	224	32 (14,3%)	71 (31,7%)	121 (54,0%)				Большинство — молодежь Свыше 30 лет — два-три десятка
Новая Деревня (Казань/губернская)	1926 г.	549	101 (18,4%)	131 (24,9%)	317 (57,7%)	344 (62,7%)	103 (18,7%)		до 20 лет — 44 (19,6%)
Шлях-Животия (Украина/окружная)	конец 1926 г. (предположительно)	711	115 (16,2%)	237 (33,3%)	359 (50,5%)	394 (55,4%)	134 (18,8%)		до 25 лет — 127 (56,7%)
Деревенская Газета (Рязань/губернская)	декабрь 1926 г.	363	71 (19,6%)	125 (34,5%)	166 (45,9%)	205*** (56,6%)	70 (19,3%)		17-23 лет — 233 (42,4%)
Коммунист (Белоруссия/окружная)	январь 1927 г.	287	134 (46,7%)		153 (53,3%)	174**** (60,6%)			до 30 лет — 423 (77,0%)
*землеробов	**хлеборобов от плуга					***крестьян от сохи	****крестьян, занятые в сельском хозяйстве		до 23 лет — 378(53,1%)

Цифры с линией — предположительные расчеты.

Красная печать. 1926. № 1-2. С. 120-121, 136; № 3. С. 63-64; № 4. С. 64-65; № 5. С. 75; № 10. С. 68; № 16. С. 63; № 21. С. 43-47;
№ 23-24. С. 119; 1927. № 1. С. 20, 42-43, 69; Рабоче-крестьянский корреспондент. 1927. № 8. С. 33.

Рисунок 1
Газетная сеть СССР по типам изданий

Жирков Г.В. Советская крестьянская печать — Один из типов социалистической прессы., Л., 1984. С. 81.

Наоко Хироока

Борьба с сифилисом и крестьянство в 1920-х годах

Возникающие в обществе болезни, особенно «социальные», являются показателем характера и особенностей данного общества. Сифилис — это болезнь, представляющая серьезную угрозу не только физическому, но и моральному, и социальному здоровью. Как эта болезнь распространялась, как к ней относились медицинские специалисты, общественность и народ? Как и у кого лечились больные? Насколько сознавали эту проблему власти, и был ли какой-то план борьбы с этой болезнью? Через призму проблемы сифилиса мы и намерены рассмотреть некоторые характерные черты русского общества и крестьянства.

1. Количество больных и характер принимаемых властями мер по борьбе с сифилисом

Статистические материалы о масштабах распространения сифилиса в России совершенно неудовлетворительны. И. А. Добрецер, опираясь на данные Управления главного врачебного инспектора, отмечал, что накануне Первой мировой войны случаи заболевания сифилисом были зарегистрированы на всей территории страны. По его мнению, данные регистрации 20-х годов были не точнее и значительно расходились со сведениями, которыми располагал Наркомат здравоохранения РСФСР по данным годовых отчетов с мест. Например, доля сифилитиков, обнаруженных при подворном обследовании 42 селений Бельского уезда Смоленской губернии составила 7,9% (787 человек на 10000 населения), тогда как по официальным данным она не превышала 0,6% (60 человек)¹.

Специалисты отмечали, что среди городского населения заражение сифилисом происходило в основном половым путем, в то время как в деревне среди взрослых преобладал бытовой сифилис, жертвами которого часто становились и дети.

При Народном комиссариате здравоохранения РСФСР была создана Центральная комиссия по борьбе с венерическими болезнями, в задачи которой входили планирование и организация мероприятий по борьбе с венерическими болезнями в центре и на местах. Народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко придавал большое значение этому вопросу. Об этом, в частности свидетельствует открытие в 1921 году в Мон-

ске Государственного венерологического института, бывшего тогда единственным в мире учреждением подобного профиля. 6-10 июня 1923 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд по борьбе венерическими болезнями, на котором присутствовало 207 делегатов. В последующие годы состоялось еще два таких съезда: 13-19 мая 1925 г. — в Харькове и 1-7 июня 1929 г. — в Ленинграде.

Сразу после революции публичные дома были закрыты, но уличная проституция приняла такие колossalные размеры, внесла такую деморализацию в общественные нравы и привела к столь широкому распространению сифилиса среди населения, что специалисты забили тревогу.

Они советовали воздерживаться от половых связей вне брака, что было особенно актуально с точки зрения охраны материнства и детства, ставили в пример общество «Белый крест» в Англии, целью которого была пропаганда среди мужчин идеи чистоты добрачной жизни.

Уже в 1919 году специалисты предлагали перед заключением брака жениху и невесте предъявлять медицинское заключение об отсутствии венерических заболеваний². В статье 132 Семейного кодекса РСФСР 1926 года говорилось: «Регистрирующие брак обязаны представить при заявлении документы, удостоверяющие личность, подписку об отсутствии препятствий, указанных в главе 2 раздела I настоящего Кодекса, и о том, что они взаимно осведомлены о состоянии своего здоровья, в частности, в отношении венерических, душевных и туберкулезных заболеваний». В случае нарушения предусматривалось применение ст. 88 УК РСФСР, гласившей, что сокрытие обстоятельств, препятствующих вступлению в брак, а равно сообщение ложных сведений органам, ведущим регистрацию актов гражданского состояния, наказывается лишением свободы или принудительными работами на срок до одного года или штрафом в размере до одной тысячи рублей.

Как видим, этот закон являлся менее определенным, чем предложения, выработанные медицинскими специалистами в 1919 году. В то же время в законе под знаменем благородного принципа предупреждения болезней, особенно таких «дурных», как сифилис, скрывалась угроза вмешательства государства в сферу супружеских отношений, являющихся стержнем частной жизни. Впоследствии уголовное законодательство широко применялось в качестве эффективного средства предупреждения распространения венерических заболеваний.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 24 января 1927 года «О мерах борьбы с венерическими заболеваниями» предоставляло органам здравоохранения право принудительного освидетельствования и лечения больных и подозреваемых лиц, которые отказывались пройти таковые в добровольном порядке. Лиц, уклонявшихся от подобных мероприятий, привлекали к ответственности в соответствии со ст. 150 и 192 УК РСФСР. Особенно суровое наказание предусматривала ст. 150, согласно которой заражение другого лица венерической болезнью лицом,

знявшим о наличии у него этой болезни, каралось лишением свободы на срок до трех лет.

Заведомое заражение другого лица венерической болезнью (или создание условий для этого) через половое сношение или иным способом наказывалось лишением свободы или принудительными работами на срок до шести месяцев.

Наркомат здравоохранения критиковал принудительные осмотры, проводившиеся в публичных домах в царское время. По мнению главного медицинского ведомства страны, осмотр должен был проводиться исключительно в добровольном порядке, при этом подчеркивалось, что «женщина на улице» имеет право проходить осмотр и лечение. Однако, начиная с 1926-1927 годов, контроль над распространением венерических болезней стал ужесточаться через применение норм Уголовного кодекса.

2. Борьба с сифилисом в деревне

Медицинские просветительские журналы и газеты старались привлечь внимание к проблеме сифилиса в деревне. Острота этой проблемы обусловливалась тремя обстоятельствами.

1. В деревне сохранялась давняя негигиеническая практика пользования общей посудой, ложками, целования икон и т.д. Особую озабоченность специалистов вызывали детские соски³.

2. Обычаи, предшествующие вступлению в брак: деревенские посиделки и половая жизнь крестьянской молодежи.

3. «Пра-пра-прадедовский», по выражению Н. Семашко, обычай подворного кормления пастухов.

В настоящей статье подробнее будет рассмотрен обычай подворного кормления пастухов⁴.

Издаваемый Наркоматом здравоохранения журнал «Здоровая деревня» неоднократно предупреждал об опасностях, связанных с пастухами. Например, 21 апреля 1926 года Ярославский губисполком издал распоряжение о производстве поголовных медицинских обследований пастухов, которые, по мнению этого органа местной власти, являлись «главными распространителями сифилиса в деревнях, так как до сих пор не изжит среди крестьян обычай кормить пастухов по очереди...». В соответствии с постановлением, пастухи могли начинать свою работу только с разрешения врача⁵.

Пастух считался «самым последним человеком» из бедных, будучи по статусу близким к чужаку, перекожему бродяге, нищему. Пастухами становились калеки и инвалиды, не способные к крестьянской работе, маломощные. В то же время среди крестьян сохранялись представления о некоей тайной силе, присущей пастухам. Это суеверие компенсировало социальную неполноценность последних.

Пастух нередко внушал беспокойство. Животные подвергались на-

падению зверей, тонули, просто отбивались от стада, были случаи заболевания и снижения удоев у коров. Но с пастуха за это не взыскивали, что по его бедности, как правило, было и невозможно. Виновницей этих потерь считалась нечистая сила, навлекаемая другим пастухом или колдуном. На своего пастуха обычно никто не жаловался, поскольку считалось, что его тайная сила может принести еще большие потери.

Пастухи обычно приходили из другой обчины. Даже если в своей деревне был пастух, нанимали пастуха обычно из другого сельского общества. К тому же, чтобы избежать напрасных конфликтов, считалось лучше, если такой пастух жил как можно дальше от своей деревни. Обязательно нужен был чужой пастух.

Пастух ночевал и столовался по очереди в домах у хозяев скота и был с ними, таким образом, со всеми связан, в результате чего образовывалась нуклеарная структура — череда. Череда нарушалась, если кто-нибудь из хозяев досрочно забирал свою скотину из стада. При этом обычай был не на стороне этих хозяев, так как согласно поверьям пастущий обход в таком случае терял свою силу.

Пастух ночевал у хозяев по очереди. И это была не просто система предложения ночлега тому, кто его не имеет. Изначально крестьяне предпочитали пастуха, которому надо было предлагать ночлег⁶.

Устоявшаяся крестьянская мудрость, складывавшаяся на протяжении длительного времени, сознательный выбор общества, а не только милосердие, позволяли каждому человеку, особенно «слабому» — такому, как пастух — жить в обществе с сохранением его роли. Может показаться, что связанный с пастухами обычай — не более чем одна из сцен в жизни общества, но если лишиться хотя бы одной из таких сцен, то будет утрачено и сформированное крестьянами мировоззрение. Каждый обычай — не только подворного кормления пастухов, но и любой другой — одно из звеньев законченной системы.

3. Дуализм медицины и разрыв между классами в условиях жизни

Как видно из сказанного выше, борьба с сифилисом в деревне означала противостояние мировоззрению крестьян. Помимо сифилиса, проблемой деревни были высокая смертность, эпидемии и т.д. В частности в XX веке в России еще не была ликвидирована угроза холеры.

Большинство причин этих явлений коренилось в условиях жизни и быте крестьян. С этими трудностями всегда сталкивались земские врачи в царское время и участковые — в советское.

Основными и популярными носителями народной медицины были знахари и знахарки. Они, почти невежественные люди, все же много знали о лекарственных растениях, а некоторые даже применяли современные методы лечения. Но с развитием земского здравоохранения крестьяне постепенно начинали понимать и принимать врачей и медицину.

Земские врачи работали с осознанием своего предназначения и старались бороться с отсталостью крестьян с помощью научной медицины. Но кроме злахаства этому, по мнению врачей, препятствовали фельдшеры. В армии они были всего лишь санитарами, а после демобилизации начинали заниматься врачебной практикой. В деревнях действовали фельдшерские и врачебные пункты. Последних, впрочем, было очень немного. По закону, врач должен был контролировать работу фельдшера, что на деле осуществлялось редко в силу малочисленности и загруженности врачей, и фельдшер часто практиковал совершенно самостоятельно. Еще в царское время Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова протестовало против «фельдшеризма» и требовало от земств брать на работу больше врачей. Но это было трудно. Поскольку фельдшер относился к медицинскому персоналу более низкой квалификации, и оплата его труда составляла четверть от оплаты труда врача, многие земства предпочитали врачам фельдшеров. К тому же с начала XX века и сами врачи не хотели становиться земскими врачами. Дело в том, что с ростом специализации стать земским врачом, от которого требовались универсальные медицинские знания, означало отстать от новейших методов лечения и отказаться от успешной карьеры. Более того, в России город и деревня сильно отличались в культурном и материальном плане, и образованному человеку жить в деревне было трудно.

В начале революции многие пироговцы выступили против большевиков, но, в конце концов, наиболее известные их представители стали администраторами в системе народного здравоохранения.

Официально в 1920-х годах Наркомат здравоохранения сильно критиковал «фельдшеризм», стараясь сокращать число фельдшерских пунктов и брать на работу в деревне больше врачей. Но недостаток врачей во врачебных пунктах усиливался, медицинская пропаганда в деревне была недостаточна. В 1924 году 80% врачей проживали в больших городах. В то время как в Москве насчитывалось 1500 безработных врачей, в деревне оставалась вакантной пятая часть врачебных мест⁷.

Согласно данным К.М.Дэвиса, расходы здравоохранения в РСФСР на душу населения в 1926-1927 годах составили: для застрахованных и их семей в городах — 21,85 руб., в деревнях — 16,48 руб., для незастрахованных и их семей в городах — 6,45 руб., в деревнях — 1,06 руб. Застрахованные в деревнях — это, как правило, рабочие, проживавшие в сельской местности, крестьяне в эту категорию практически не попадали. В этой связи К. М. Дэвис заметил: «Политика в области здравоохранения при Сталине — не поворот, а преувеличение предыдущей»⁸.

В истории советской медицины решение ЦК ВКП(б) от 22 декабря 1929 года «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян» оценивается как решительный исторический поворот в деле народного здравоохранения. Оно обязывало органы здравоохранения дифференцированно подходить к оказанию медицинской помощи ведущим группам про-

мышленных рабочих и социалистического сектора сельского хозяйства⁹. Однако на деле медицинское обслуживание социалистического сектора сельского хозяйства было поставлено очень плохо. Существовавший еще с царских времен разрыв в уровне медицинского обслуживания между населенными пунктами (городами и деревнями) усилился. В 1920-е годы попасть на прием к врачу в деревне было все еще трудно. А после укрепления самообложения¹⁰ в деревне усилилась склонность к сохранению «фельдшеризма». Таким образом, власть, требуя от крестьян изменения мировоззрения, была пока не в состоянии кардинально изменить уровень медицинского обслуживания сельского населения.

С другой стороны, авторитетные врачи в качестве специалистов участвовали в оформлении медицинской политики и с научных, а значит, с рациональных и эффективных позиций одобряли применение уголовных мер для уничтожения венерических болезней.

Вернемся к теме сифилиса. И. А. Добрейцер весьма сдержанно высказался о судьбе сифилиса и угнетенных: «На транспорте в 1927 г. зарегистрировано 8781 случай свежих форм сифилиса, в местах лишения свободы — 8585 случаев»¹¹.

Примечания

¹ Добрейцер И.А. Материалы по распространению сифилиса в СССР // Социальная гигиена. 1925. № 6. С. 149-162.

² ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 19. Д. 24. Л. 37, 38, 51.

³ Резиновых детских сосок, аналогичных современным, российская деревня не знала ни в конце XIX в., ни в 20-е гг. XX в. Известный русский агроном А.Н. Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» оставил описание «изготовления» детских сосок: «пожует баба ржаную корку, что сама ест, положит в тряпку — соси».

⁴ Предмет обсуждение о 1-ом уже выяснен L. Engelstein. См. Engelstein Laura, *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-siècle Russia*, Cornell U.P., 1992, pp. 165-211. 2-й я обсуждаю отдельно. В целом проблемы все обычные жизни и обычай крестьян, поэтому суть трех обстоятельств имеет какую-нибудь общность. О справедливости заражении вне половых сношений: см. Engelstein Laura, «Syphilis Historical and Actual: Cultural Geography of a Disease» // *Reviews in Infectious Diseases*, 8:6. 1986, pp. 1036-1048.

⁵ Здоровая деревня. 1926. № 6. С. 9-10.

⁶ Щепанская Т.Б. «Мужская магия и статус специалиста — по материалам русской деревни конца XIX в.- XX вв.»; ее же. «Сила — коммуникативные и продуктивные аспекты мужской магии» // Мужской сборник. Вып. 1. М., 2001. С. 9-27, 71-94.

⁷ Weisman N.B. «Origins of Soviet Health Administration Narkomzdrav, 1918-1928» Solomon S.G. and Hutchinson J.F. eds. *Health and Society in Revolutionary Russia*, Indiana U.P., 1990. p. 114.

⁸ Davis C.M. «Economic Problems of the Soviet Health Service: 1917-1930» // *Soviet Studies*, 1983, No. 3, pp. 343-361. Но тем не менее по моему мнению, в 20-х годах оставался еле-еле идеал, который был трудно осуществляться но и был невозможно уступать действительности.

⁹ Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. 1925-1940. М., 1973. С. 6.

¹⁰ Восстановление практики самообложения — местного денежного сбора на осуществление местных нужд (поддержание в рабочем состоянии социальной сферы — школ, больниц, дорог и т.д.) фактически означало возврат к практике земств, которые в целях экономии денежных средств, предпочитали более дешево обходившихся им фельдшеров более дорогим врачам.

¹¹ Добрейцер И.А. «Инфекционная заболеваемость в СССР за 1927 г.» // Вопросы здравоохранения. 1928. № 22. С. 47.

Хлебозаготовительный кризис и социально – политическая ситуация в деревне Центрального Черноземья* (1927 – 1929 гг.)

С целью налаживания вненалоговых централизованных заготовок продовольствия путем обмена был создан государственный товарный фонд из предметов ширпотреба и сельхозинвентаря, распоряжение которым передавалось в руки Наркомата продовольствия. В мае 1921 г. между Наркомпродом и Центросоюзом был подписан Генеральный договор, в соответствии с которым право на централизованные заготовки сельскохозяйственной продукции предоставлялось Центросоюзу, а за Наркомпродом закреплялись общее руководство и контроль за этими заготовками на всех стадиях. Наркомпрод передавал в распоряжение потребкооперации предназначенные для товарообмена фонды как в центре, так и на местах. Самостоятельные вненалоговые заготовки либо передача товарных фондов иным организациям или частным лицам разрешались продорганам лишь в случае слабости местной потребкооперации и невозможности ведения ею товарообменных операций.

Как правило, ассортимент и качество товаров, предлагавшихся потребкооперацией в обмен на зерно, не соответствовали крестьянским нуждам. Непосредственные товарообменные операции сопровождались волокитой. Для того, чтобы сдать зерно и получить за него товар, крестьянин должен был обойти не менее четырех контор. Нередко подобное «удовольствие» растягивалось на целый день. Не удовлетворяли сельских жителей и обменные эквиваленты, которые для сельскохозяйственной продукции были занижены, а для промтоваров – завышены.

Главная задача государства состояла в недопущении резких колебаний закупочных цен на хлебном рынке. Для этого необходимо было согласовывать сроки взимания сельскохозяйственного налога и страховых платежей, своевременно и равномерно финансировать хлебозаготовки.

В 1924 г. была реорганизована структура государственного управления хлебным рынком. Общее руководство государственными хлебозаготовками отныне возлагалось на Наркомторг СССР и созданное в его составе хлебоффуражное управление. В качестве органа, координировавшего централизованный хлебозакуп, при Наркомторге был создан Хлебный комитет.

Хлебозаготовки проходили с переменным успехом. В связи с низкими заготовительными ценами крестьяне сдавали хлеб неохотно. Именно поэтому с 1926 г. существенно усилилась централизация и монополизация хлебного рынка со стороны государства. Государственные и окончательно потерявшие свою самостоятельность кооперативные заготовители фактически были объединены в единую организацию, имевшую характер монополии, где каждая организация превращалась в специализированный отдел, занимавшийся своими специфическими операциями. Кроме того, в декабре 1925 г. было разгромлено первое советское ЦСУ, с этого момента статистика была грубо подчинена политике и вынуждена предоставлять угодные власти сведения. Начиная с 1926 г. органы статистики обязаны были представлять сведения о «невидимых хлебных запасах» у крестьян, которые почти удваивали запасы хлеба в крестьянских захоронениях, и рассчитывать наличие т.н. излишков в крестьянских хозяйствах. В Тамбовской губернии в 1925/26 хозяйственном году излишки, по данным губстатбюро, составили 19,7% от валового сбора всех культур в пересчете на зерно (соответственно 101796000 и 20098000 пудов), в 1926/27 г. – 18,0% (94948000 и 17174000 пудов), в 1927/28 г. – 32,9% (141668000 и 46638000 пудов). По данным хлебоффуражного баланса на 1 октября 1927 г. в наличии у крестьян Тамбовской губернии находилось 42272245 пудов натуральных хлебных запасов, а по данным бюджетных записей губернского статбюро на 1 ноября 1927 г. в деревне насчитывалось 12239716 руб. денежных средств². Соответственно резко возрастили и планы хлебозаготовок: в 1925/26 г. план составил 14,7 млн пудов (выполнено 14,3 млн); в 1926/27 г. – первоначально 21,5 млн, затем снижен до 17,9 млн пуда (выполнено ок. 14 млн); в 1927/28 г. – 37,5 млн (на начало января 1928 г. выполнено ок. 15 млн пудов)³.

Экономические мероприятия государства середины и второй половины 20-х годов показали, что оно не было озабочено положением деревни: промышленность вздувала цены на свои изделия, сельскохозяйственные продукты крестьяне сдавали по минимальным ценам. «Ножницы» цен оставались постоянным сопровождением экономической политики, постоянно возрастало и налоговое бремя. Все эти экономические причины вызывали всеобщее недовольство крестьянства.

Рост общественной активности и формирование нового политического сознания проявились в распространении идеи создания крестьянского союза как организации представительства и защиты интересов крестьян. Эта идея существовала и ранее, но особое распространение получила в конце 20-х гг. В ноябре 1927 г. Н. И. Бухарин отмечал: «...Мы имеем весьма острую постановку вопроса о крестьянском союзе»⁴.

В губерниях Центрального Черноземья это выразилось в следующих фактах. В апреле 1927 г. в Корельском сельсовете Моршанского уезда Тамбовской губернии крестьянин говорил: «...Нам нужно организовать крестьянский союз наподобие комбеда, который заботился бы об урегулировании цен на промтовары и на крестьянские товары, на извозную

плату и т.п.»⁵. Аналогичные высказывания были и на Острогожской волостной беспартийной конференции Воронежской губернии⁶. Вместе с тем, существовавшие сельские организации доверия у крестьян не вызывали. В слободе Рождественская Острогожского уезда в ноябре 1927 г. крестьяне-бедняки говорили: «Нам селькомы не нужны. Они существуют четыре года, а пользы никакой, имеют землю, засевают ее, а ни хлеба, ни денег нет»⁷. В Россошанской волости Воронежской губернии на собрании середняки при поддержке зажиточных настояли на том, чтобы ликвидировать общество крестьянской взаимопомощи (ККОВ), считая его излишней организацией. В Тамбовской губернии крестьяне говорило: «Наши организации – кредитное общество, крестком – за просроченную ссуду ведут со двора последнюю овцу. Дайте нам союз, ваши фабрики, наша – земля»⁸. В целом по Воронежской губернии в ноябре 1927 г. отмечалась пассивность избирателей при перевыборах ККОВ.

В сводках ОГПУ летом – зимой 1927 г. агитация и выступления за создание крестьянского союза отмечались во всех черноземных губерниях. Естественно, что среди требований создания крестьянского союза были и направленные на создание крестьянской партии, не обязательно враждебной, но в любом случае противостоящей ВКП(б). Оснований для перевода агитации за крестьянский союз в разряд антисоветской не было, однако с осени 1927 г. она воспринималась властями только как антисоветская и кулацкая.

Любая социально – политическая инициатива крестьян, исходившая не из официальных партийных инстанций, воспринималась как покушение на существовавшую систему управления. Один из участников пленума обкома ВКП(б) ЦЧО (октябрь 1928 г.) заявил, что независимые социальные действия крестьянства и кооперативных органов, а так же некоторых других низовых подразделений общественных организаций создают препятствия проведению в жизнь классовой линии⁹.

Особенно настороженно руководство страны и регионов относилось к попыткам крестьян организовать т.н. «крестьянские союзы». В понимании селян «крестьянские союзы» (кружки, товарищества, группы) представляли собой форму и способ социально – экономической и политической самоорганизации, восходившие к традициям коллективной защиты своих интересов. Путем добровольного объединения в крестьянские союзы крестьяне надеялись получить то, чего не могли им дать власти: страхование имущества, орудий труда и рабочего скота; кредитование единоличных хозяйств вне зависимости от уровня их экономического благополучия на льготных условиях, реальное проведение в жизнь политики паритетов цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Следует подчеркнуть, что к созданию подобных организаций взаимопомощи крестьян подталкивала сама жизнь, поскольку власти не могли удовлетворить потребностей крестьян.

Большинство реально существовавших «крестьянских союзов» в Черноземье не претендовало на политическое самовыражение и не вы-

двигало требований по вопросам власти¹⁰. Тем не менее, руководство страны и регионов весьма болезненно воспринимало факты возникновения независимых крестьянских организаций, причем, чем большую силу набирал советский однопартийный режим, тем резче он реагировал на деятельность неконтролировавшихся им организаций.

Большую тревогу в Воронежском губкому ВКП(б) и губернском отделе ОГПУ в начале 1928 г. вызвали сведения о существовании в селах Малышево и Шилово – Трушкино Чижовской волости Воронежского уезда трех кружков крестьянской взаимопомощи и страхования. Они были созданы без ведома властей в течение 1921-1924 гг. В общей сложности в кружках состояло более 300 крестьян. Эти объединения взаимопомощи являлись способом самоорганизации грамотных крестьян, в основном среднезажиточных, для решения наболевших вопросов деревенской хозяйственной жизни. Отчаявшись дождаться помощи от комитетов крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ), жители сел Малышево и Шилово – Трушкино, путем сбора членских взносов стали страховать себя сами от возможных случаев гибели или кражи рабочего скота. В течение длительного времени независимые группы крестьянской взаимопомощи успешно выполняли свои функции по страхованию и защищали все большее доверие крестьян¹¹. Эти сельские страховые общества и являлись «крестьянскими союзами».

Инициатива жителей двух сел Чижовской волости встревожила руководство Воронежской губернии. Все проявления социальной активности крестьян стали предметом внимательного изучения со стороны оперативных работников губотдела ОГПУ. В соответствии с распоряжением партийного руководства чекисты вели сбор информации о политических настроениях членов страховых кружков, изучали деятельность самих «крестьянских союзов»¹². Особое место в усилиях оперуполномоченных ОГПУ занимали поиски в селах Малышево и Шилово возможных проявлений эсеровского влияния на крестьянство. Партийные власти считали, что местные объединения крестьянской взаимопомощи возникли не по инициативе самих крестьян, а в следствие деятельности глубоко конспирированной эсеровской группы¹³. Сотрудники ОГПУ даже пытались представить дело так, будто во главе одного из союзов стоял нелегальный комитет антисоветской направленности, что в дальнейшем не подтвердилось¹⁴. В деле о трех крестьянских организациях Воронежского уезда губернскую партийную власть заинтересовало и удивило то обстоятельство, что во главе их стояли уважаемые в сельской среде люди, среди которых «не было и нет ни одного члена партии»¹⁵. Как видим, в глазах чиновников Воронежского губкома ВКП(б) партия представлялась абсолютно непогрешимой инстанцией, без ведома и разрешения которой не могло произойти ни одно общественно-значимое событие. Исходя из подобной логики рассуждений, работники партаппарата могли оценить деятельность крестьян – «союзников» из Чижовской волости только как противоречащую установленному политическому порядку.

Вернемся к хлебозаготовкам. Напряжение с ними стало нарастать с осени 1927 г. Власти надеялись, что крестьяне повезут хлеб сами, но этого не произошло. Даже крестьяне – коммунисты, советский и кооперативный аппарат не продавали своих излишков, несмотря на специальное постановление о сдаче хлеба коммунистами в первую очередь. Более того, совхозы и колхозы вывезли не весь свой товарный хлеб, отмечались случаи его продажи частникам. Не были в полном объеме взысканы сельхозналог, страховые сборы, семссуды и срочные платежи по кредитам. Местные власти активизировались лишь после жестких указаний из Центра, хотя сторонников нажимных методов работы с крестьянством было немало: в октябре и ноябре 1927 г. Тамбовские губком и губисполком неоднократно обращались в Москву с представлениями, доказывая необходимость применения чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок¹⁶. 2, 14, 24 декабря 1927 г. последовали директивы ЦК ВКП(б) с требованием добиться решительного перелома в ходе хлебозаготовок. Для этого на места выехали руководители страны.

Во время работы XV съезда ВКП(б) председатель Совнаркома А. И. Рыков провел совещание местных партийных и советских руководителей по хлебозаготовкам. Предлагались разные пути выхода из критического положения, в том числе и прямой нажим на держателей хлеба. Но в итоге обсуждения был принят следующий вариант: развернуть широкую хлебозаготовительную кампанию, усилить завоз промтоваров в деревню¹⁷. Однако позиции сторонников «чрезвычайщины» были сильны. Под их влиянием 20 декабря 1927 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О предоставлении сельским Советам права производства обыска и выемок», которое допускало методы административного нажима на крестьянство¹⁸.

27 декабря в Тамбове с участием А. И. Микояна состоялось заседание бюро Тамбовского губкома с единственным вопросом – ход хлебозаготовок. Выяснялся вопрос: почему крестьянин не везет хлеб? В итоге обсуждения бюро пришло к выводу, что главными причинами были следующие: угроза войны и желание в связи с этим приберечь хлеб, «плановый неурожай» и создание страхового фонда, ценовая политика на зерновые культуры. Так, в начале хлебозаготовок в августе 1927 г. пуд хлеба стоил 81 коп., в первой половине сентября цена упала до 73 коп., а в ноябре выросла до 74,5 коп. за пуд. Частники же производили закупки в губернии на 50-60% выше государственных и кооперативных заготовительных цен. Для текущих расходов крестьяне предпочитали продавать не хлеб, а мелкий скот и птицу (стоимость курицы равнялась стоимости двух пудов хлеба, одного гуся – трех пудов хлеба, пуда свинины – десяти пудов хлеба)¹⁹.

Анализ причин слабого хода хлебозаготовок бюро Тамбовского губкома сделало в целом объективно. При этом о злонамеренных действиях кулаков речи не велось. К тому же план заготовок для губернии в 36 млн. пудов был невыполним. Действия крестьян были нормальной реакцией

товаропроизводителя на экономическую конъюнктуру и осложнение политической обстановки.

6 января 1928 г. в губком поступила телеграмма, подписанная Сталиным, с требованием добиться поступления добиться перелома в хлебозаготовках. Ее основное содержание сводилось к следующему: добиться поступления хлеба любой ценой, установить для этого максимально ускоренные сроки всех платежей по налогам, развернуть кампанию по распределению крестьянского займа и сбору кооперативных паев, срочно установить дополнительные местные сборы на основе законов о самообложении. При взыскании недоимок предлагалось применять «жестокие кары», устанавливая персональную ответственность руководителей за выполнение заданий по хлебозаготовкам²⁰.

Ситуация в Центральном Черноземье во время хлебозаготовок отличалась от положения в других хлебопроизводящих регионах тем, что близость Центра заставляла местные власти неукоснительно выполнять распоряжения вышестоящих инстанций.

Поскольку черноземное крестьянство отказывалось добровольно сдавать хлеб, то власти на местах часто прибегали к «услугам» правоохранительных органов. Появление милиционеров в селе сразу же обеспечивало успешное проведение заготовок²¹. Подобные действия отнюдь не являлись произволом местных властей они были санкционированы сверху ЦК ВКП(б). Так, в секретной телеграмме ЦК Воронежскому губкому от 13 января 1928 г. от первого секретаря И. Г. Бирна требовалось «... отбросить неправильную мысль о том, что нельзя трогать кулака, дабы не отпугнуть середняка, привлекать к ответственности и арестовывать спекулянтов, скупщиков, кулаков, взвинчивающих цены, дезорганизующих рынок и вредящих Соввласти, ибо такие меры облегчают откол середняка от кулачества и изоляцию кулака на рынке»²². Более того, решение заготовительной проблемы путем чрезвычайных мер поощрялось лично И. В. Сталиным. В секретной телеграмме И. Г. Бирну 8 января 1928 г. он, в частности, требовал: «При взыскании недоимок ... применять немедленно жесткие кары, в первую очередь – в отношении кулачества. Особые репрессивные меры необходимы в отношении кулаков и спекулянтов ...»²³. Поэтому неудивительно, что получив подобные указания из самых высоких структур, парткомы Черноземья требовали того же от своих местных подразделений: «Вопрос о нажиме на кулака имеет решающее значение ...» – из секретной телеграммы И. Г. Бирна секретарю Валуйского укома ВКП(б) от 12 февраля 1928 г.²⁴

9 января 1928 г. Тамбовский губком ВКП(б) направил в волости и уезды директиву об усилении хлебозаготовок. Секретарям волкомов и уполномоченным предлагалось «решительно приступить с активным нажимом к взысканию с крестьянства всех платежей», «невыполнение данной директивы к 15 января, - отмечалось далее, - будет рассматриваться как ваша нераспорядительность и вы будете привлечены к партийной ответственности»²⁵.

14 января поступила директива теперь по поводу размещения в деревне «займа укрепления крестьянского хозяйства». Ее основной лозунг – каждый крестьянин должен купить облигацию. В директиве подчеркивалось, что за первые пять дней января в губернии заготовлено всего 203 тыс. пуда зерна при месячном плане в 5 млн.300 тыс. пудов, кампания по страховым платежам должна была закончиться к 1 января 1928 г., однако поступило всего лишь 47% платежей. В качестве мер воздействия на крестьян предлагалось широко использовать репрессии²⁶.

26 января 1928 г. в Тамбове была получена шифровка Наркома юстиции РСФСР Н. Янсона, который требовал еще более «срочных и решительных мер в деле проведения кампании»²⁷. По получении документа из Наркомата юстиции губкомом ВКП(б) совместно с губернской прокуратурой и судом 28 января направил директиву прокурорам, судьям и следователям «о самом решительном нажиме в отношении лиц, срывающих успешное проведение кампании»; срок производства по делам сокращался до 3-х дней с момента начала дела по момент вынесения приговора; в отношении лиц, привлеченных по 107 статье УК РСФСР²⁸, как правило, в качестве дополнительной меры наказания предлагалось применять полную или частичную конфискацию имущества²⁹.

Местные органы нацеливались на применение чрезвычайных мер. Все чаще повторялся тезис о возросшем сопротивлении кулака, о том, что основная масса хлеба сосредоточена у него, что он – настоящий хлебный хозяин деревни. «Нажать на кулака, - призывал председатель Тамбовского губисполкома Г. Прядченко, - нажать так, чтобы три поколения помнили, как Советская власть расправляется с тем, кто, обогатившийся в наших условиях, отвернулся в момент трудностей для Советской власти»³⁰.

Главными методами выполнения хлебозаготовок становились обход дворов, обыски, поголовный учет и опись всего имущества. При этом совершенно не учитывалось, что ряд хозяйств уже выполнил задание. Выставлялись заградительные отряды. Хлеб конфисковывался, в хозяйстве оставалось по 2-3 пуда хлеба на едока³¹. Поспешность и жестокость хлебозаготовительной кампании вносила сумятицу и неразбериху. В своем письме в ЦК ВКП(б) тамбовский крестьянин Т. А. Белавин писал, что районный уполномоченный вечером объявил о сборе самообложения к бити утра следующего дня. Село трясли всю ночь. Милиция собирала хлеб, распространяла (заставляла выкупать) облигации займа, взыскивала налоги и штрафы. Обстановка в селе тревожная, близкая к панике, начинается раскулачивание. Крестьянин выплатил уже сельхозналог, страховку, семенную ссуду, долгосрочную ссуду, задолженность кредитному обществу, самообложение. В результате многие крестьяне остались буквально ни с чем, особенно пострадали бедняки. В кредитном обществе запутаны все дела: кто внес деньги, того передали суду, растет недовольство³².

Несмотря на принятие жестких мер, план января в Тамбовской губернии выполнен не был. За первые 15 дней было собрано всего 15% от

плана. Крестьянство явно ждало весны, видов на урожай, надеясь на повышение хлебных цен. Начавшиеся же репрессии вызывали у крестьян недоумение и тревогу. Пошли разговоры о войне, реквизициях, продразверстке, падении червонца. Крестьяне стали прятать хлеб, боясь повторения времен военного коммунизма. План на февраль для Тамбовской губернии составлял с учетом несобранного в предыдущие месяцы уже 8 млн. пудов, выполнить который было практически невозможно. К 15 февраля удалось собрать по всей губернии лишь 3 млн. пудов. Тогда же, 13 февраля 1928 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о широком применении ст. 107 УК РСФСР «в целях ускорения проведения хлебозаготовок». Привлекаться должны были те лица, которые имели 2-3 тыс. пудов хлеба и не вывозили его. Это решение политбюро во многих местах было не выполнимо, поскольку крестьян, имевших такое количество хлеба практически не было. Но тем не менее постановление должно было выполняться. «Потолок» применения статьи стали снижать, в Тамбовской губернии он был снижен до 500 пудов, на практике же судили тех, кто имел 200-300 пудов³³.

В деревню направляли уполномоченных. В январе 1928 г. в Тамбовской губернии работало 1262 уполномоченных, в феврале – 1569, в марте – 1409³⁴. В январе районным и уездным судам было предоставлено право решать дела по обвинению должностных лиц в нарушении правил о хлебозаготовках³⁵. На практике это вылилось в привлечении к судебной ответственности лиц, не обеспечивших высокие темпы хлебозаготовок. Различного рода наказаниям было подвергнуто 1837 работников, в том числе 320 человек – отданы под суд за слабую работу по хлебозаготовкам³⁶. Были случаи придания суду председателя сельскохозяйственного кредитного товарищества за непредставленные в срок уполномоченному уездному исполнкома сводки о ходе хлебозаготовок или же председателя сельсовета за недовыполнение к сроку на 7,9% сельскохозяйственного налога на территории совета³⁷. Уполномоченный губсуда по Борисоглебскому уезду Гладышев, отказавшийся вершить направедный суд, был отстранен от работы за «неулавливание общей линии ... неумение претворить в жизнь директивы Центра»³⁸.

Большинство дел по 107-й статье фабриковалось с грубейшими нарушениями правовых норм по прямому указанию партийных и советских органов. Например, Борисоглебский уком 13 февраля 1928 г. в телеграмме всем волкомам, волисполкомам и уполномоченным уисполнкома требовал: «Выберите в первую очередь в больших и хлебных селах кулаков, имеющих большие хлебные излишки, арестуйте их и привлеките в суточный срок к судебной ответственности по 107 статье, подберите народных заседателей из бедноты, обеспечьте проведение через суд конфискацию хлебных излишков и другого имущества»³⁹. Сплошь и рядом под 107 статью попадали и беднота и середняки. Дело в том, что во второй половине 1920-х гг. социально-экономические критерии отнесения к зажиточному крестьянству были отброшены, был поставлен знак равенства

между предприимчивостью и мошенничеством. Размытость официальных признаков социально-экономической градации хозяйств давала возможность отнесения к кулацкому практически любого крестьянского двора, так или иначе втянутого в рыночные отношения. Поэтому многие уполномоченные слишком широко толковали само понятие «кулак»⁴⁰. Так, один утверждал, что раз беднота имеет землю, то должна вывозить хлеб на равных⁴¹. На судей оказывалось сильное давление: «Пом. прокурора вызывал к себе с делами судей и требовал доклада, указывая кого и как судить, а также на описи имущества делал пометки, что именно конфисковывать»; «Не я собой руководил – приговоры выносил волком». «На делах делали пометки: «с» и «б», что значит: «с» – стричь, а «б» – брить – с применением конфискаций»; «Уполномоченный тов. Федюк говорил, вот тебе кулак и суди, не рассуждая»⁴². Это лишь немногие свидетельства судей. Дела по 107 статье рассматривались, как правило, в течение суток.

Всего в Тамбовской губернии в феврале – марте 1928 г. по 107 статье было привлечено 1045 человек, 928 из которых было осуждено. У них конфисковано около 130 тыс. пудов хлеба, наложено штрафов на сумму 127 тыс. руб. Как общее явление следует подчеркнуть широкую конфискацию имущества и скота. По некоторым делам хлеб вообще не был конфискован ввиду его отсутствия и, следовательно, люди были осуждены с конфискацией имущества и с наложением штрафа лишь на основании непроверенных данных: якобы осенью 1927 г. они покупали и продавали хлеб⁴³.

Большинство этих дел пересматривались специальной комиссией губкома и губсуда: к началу апреля было пересмотрено 384 дела, из которых только по 16-ти делам приговор был оставлен без изменений, по всем другим срок заключения либо отменялся вовсе (55%), либо значительно сокращался, но конфискация оставалась в силе⁴⁴. Во время проверки во многих делах были обнаружены записки уполномоченных о том, чтобы создать дело даже при отсутствии доказательств хранения хлеба; также обнаружилось, что волостные органы заранее определяли приговор⁴⁵.

Одновременно с хлебозаготовками были широко развернуты мероприятия по изъятию денег у крестьянства: кампания по самообложению; сбор недоимок по ссудам и налогам; сбор вступительных взносов а кооперацию; «зверская работа», по словам председателя губисполкома, по борьбе с самогоноварением; распространение крестьянского займа, к которому привлекались даже служители культа. Все это проводилось в сжатые сроки и с большим административным нажимом. Кроме того, 5 января 1928 г. президиум губисполкома дал секретную директиву всем потребительским обществам губернии о том, «чтобы они немедленно развернули торговлю хлебным вином по своим первичным организациям⁴⁶. В Тамбовскую губернию были направлены дефицитные промышленные товары, но в незначительном количестве. К тому же из-за несо-

гласованности торгующих организаций нередки были случаи принять товары, или товары направлялись в те районы, где уже прошли мероприятия по изъятию средств у населения.

К лету 1928 г. у подавляющей части крестьянских хозяйств были изъяты т.н. «излишки свободных денег».

Апрельский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б), обсудивший положение с хлебозаготовками, «самым категорическим образом» заявил, что «такого рода извращения партийной линии (т.е. «чрезвычайщина») не имеет ничего общего ни с партийным курсом вообще, ни с теми экстраординарными мероприятиями, которые ЦК проводил в жизнь в связи с особыми трудностями, обнаружившимися во время текущей хлебозаготовительной кампании»⁴⁷. Однако на местах от чрезвычайных мер отказываться не собирались. Они были по-прежнему в ходу и в мае, и в июне. Июльский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б) объяснил это тем, что неурожай хлебов в одних районах и перерасход в снабжении хлебом в других вынудили соответствующие организации усилить заготовки в хлебных районах и задеть страховые запасы крестьянства. Недовольство крестьян выразилось «в выступлениях протesta против административного произвола в ряде районов». Пленум ЦК постановил провести мероприятия, исключающие применение каких бы то ни было чрезвычайных мер. К их числу были отнесены: немедленная ликвидация практики обхода дворов, незаконных обысков, немедленная ликвидация всех и всяких рецидивов продразверстки, известное повышение цен на хлеб с варьированием по району⁴⁸.

Политическая атмосфера в деревне в связи с «чрезвычайщиной» резко обострилась. Широко распространилось мнение о том, что меняется политика, вновь вводится продразверстка, что вслед за хлебом последует конфискация скота и инвентаря: «скоро будет война, скоро будет голод и поэтому выколачивают хлеб», «1919 год вернулся», «правительство хочет откупиться от войны хлебом»⁴⁹. В связи с распространившимися слухами о предстоящей реквизиции скота во многих местах его стали резать, особенно мелкий⁵⁰.

Вывод апрельского (1928 г.) объединенного пленума ЦК ЦКК ВКП(б) о повышении авторитета советской власти среди основных масс крестьянства⁵¹ не соответствовал действительности. Анализ сообщений из уездов показал, что доверие крестьян, особенно середняков, к советской власти пошатнулось: «Вы что хотите, то и делаете»; «Вот вам и порядочки». Один крестьянин на суде заявил: «Советская власть не приостановиться даже перед отобранием всего хлеба, ибо ей не привыкать разорять крестьян». Были и такие настроения: «Что же теперь, по примеру 19-го и 20-го года, на коней садиться?»; «Пропала лучшая часть крестьянства, пропадет и СССР»; «Если политика не измениться, то я ответственно заявляю, что будет бунт»; «Советские законы как грибы растут и каждый час меняются: нынче взяли с нас, а завтра возьмут с вас»⁵². «Чрезвычайщина» усилила социальную напряженность в деревне. Хотя

значительное распространение на селе, особенно среди бедноты, имело стремление к уравниловке, медленно, но неуклонно рос авторитет хозяйственного, экономически сильного крестьянина. «Не обойтись без экономически сильного мужика, - рассуждали крестьяне, - окрепнет мужик – окрепнет и государство, если же будет бедствовать мужик – будет бедствовать и государство»⁵³. Когда же во время хлебозаготовок в погоне за выполнением плана любой ценой были основательно задеты страховые запасы не только зажиточных, но и бедноты, это вызвало резкий протест вместе с недоумением (лозунг развития хозяйства сохранялся): «Советская власть вместо поднятия сельского хозяйства разоряет его, берет последние фунты хлеба»⁵⁴.

Анализ документов показывает, что чрезвычайные меры внесли разлад в крестьянское хозяйство, посеяли неуверенность в будущем. Крестьянин Козловского округа говорил: «Недовольство не в том, что мешают продавать хлеб на рынке, а в том, что вносится в крестьянский бюджет анархия. Мы уже научились подсчитывать свой бюджет, еще не снимая хлеба ...»⁵⁵. Весьма характерны и такие высказывания: «Бедняки государству ничего не дают и их освобождают, а мы даем налоги и с нас еще дерут», «зачем нас выделяют, мы больше всех работаем»⁵⁶.

Настроения зажиточных хозяев, середняков характеризовали следующие высказывания: «Теперь будя землю арендовать», «Такая политика заставит крестьян бросить землепашество, и летом много будет незапаханной земли», «Я не буду сеять хлеб, продам скот, буду бедняком и пусть правительство мне будет помогать»⁵⁷.

Прямыми следствием «чрезвычайщины» была ликвидация рынка и частной торговли. В течение января – февраля 1928 г. на рынке было конфисковано 12 млн. пудов хлеба⁵⁸. После кампании по изъятию хлеба крестьяне совершенно перестали везти его на рынок. В результате уже с конца января начались перебои в снабжении городов мукою и печеным хлебом. Свободная торговля хлебом на рынке отсутствовала, хлебный рынок в весне 1928 г. был полностью дезорганизован⁵⁹. Серьезный удар был нанесен по частной торговле. Только в феврале у 263 человек были изъяты патенты на частную торговлю; от 2-х тысяч патентов торговцы отказались сами, не видя перспектив для дальнейшей работы. Участились случаи необоснованного изъятия товаров у частника и передачи их кооперации или государственной торговле⁶⁰. Частник в торговле либо ушел в подполье, либо вообще отказался от этого рода деятельности. Задача взыскать налоги с частника оказалась невыполнимой: реальный плательщик налога был полностью разоренным.

Летом 1928 г. произошли серьезные изменения в способах управления сельскими территориями. Это явилось следствием образования Центрально – Черноземной области и проведенной жесткой централизацией партийных структур. Принципиально новыми управлеченческими образованиями для ЦЧО стали окружные комитеты ВКП(б) – окружкомы. Именно на них возлагалось непосредственное управление сельскими

территориями. Центр предлагал добиться бездефицитности округов ЦЧО, для чего предоставить им известную хозяйственную самостоятельность. Кроме того, предполагалось «укрепить окружкомы проверенными кадрами»⁶¹. К тому же руководство обкома ВКП(б) осенью 1928 г. намеревалось существенно расширить свою социальную опору в деревне за счет значительного увеличения числа сельячеек и групп бедноты. На мероприятия по созданию новых точек поддержки и опоры власти выделяли значительные средства: речь шла о миллионных суммах⁶². После проведения смотра групп бедноты в ноябре-декабре 1928 г. их число (в десяти округах ЦЧО) увеличилось с 1054 до 2626, т.е. рост почти в 2,5 раза⁶³. По мнению властей эти группы позволили бы существенно изменить общественно – политическую обстановку на селе, расклад социальных сил. Однако особой активности со стороны этих групп не наблюдалось в течение всего 1929 г.

Усилинию коммунистического влияния в деревне способствовали еще два важных обстоятельства: чистка рядов ВКП(б) и разгром правой оппозиции. «Самоочищение» рядов партии и «выдвижение» рядовых коммунистов на руководящие посты являлись составными частями единого процесса, в котором места изгнанных по разным причинам из партии занимали лица, сумевшие вступить в ВКП(б) в силу своего социального происхождения представители пролетариата и, гораздо реже, беднейшего крестьянства. Постоянное обновление состава партийных организаций активно поддерживалось И. В. Сталиным, поскольку манипулировать малограмотными и неискушенными в политике партийными новобранцами было гораздо проще.

Разгром же т.н. правого уклона в партии и поддержка сталинского руководства в селе казались парадоксальными: ведь именно правые работали за то, чтобы сохранить в ближайшей перспективе паритетные отношения властей и единоличных хозяйств на принципах нэпа, против поспешных и непродуманных аграрных реформ и т.д. Однако дело было в том, что в русской общине по традиции все вопросы решались единодушным выражением одобрения или несогласия. Людей, публично выступавших против коллективного мнения схода, община просто отторгала, сплачивая при этом свои ряды еще больше⁶⁴. Следовательно, российский крестьянин просто не мог себе представить принципы оппозиционной деятельности, цивилизованного взаимодействия в политических процессах «меньшинства» и «большинства», а потому подозрительно относился к любым проявлениям разномыслия внутри правившей партии. Сельские жители Черноземья в период с октября 1928 по ноябрь 1929 г. весьма активно участвовали в инспирированной властями кампании осуждения правой оппозиции, которая проводилась в виде массовых акций: собраний и демонстраций. Причем, крестьяне охотно порицали оппозиционеров, не вникая в суть разногласий⁶⁵. Следовательно, парадоксальное смыкание ментальности деревенских жителей и большей части высших партийных чиновников, проявившееся в неприятии инакомыс-

лия и политической оппозиционности, объективно способствовало дальнейшему складыванию режима личной власти Сталина.

Чистка партии и борьба с оппозиционными течениями в ней продемонстрировали изменения в социально – политической обстановке. В конце 20-х гг. в ВКП(б) усилиями ее руководства и аппарата была создана такая обстановка, когда под страхом широко практиковавшихся репрессивных действий многие члены партии шли на сделку со своей совестью – скрывали убеждения и «погрешности» в социальном происхождении. Коммунистам насильтвенными способами навязывалось партийное единство.

Помимо всего сказанного были расширены компетенции партийных комитетов и обновлено руководство. Сравнительный анализ документов делопроизводства обкома ВКП(б) ЦЧО за 1928-1929 гг. и губкомов Черноземья за 1926-1928 гг. позволяет увидеть существенные различия между ними. Подавляющая часть документов обкома написана четко, сжато и энергично. Их отличительными чертами являлись последовательность и логичность изложения, четкое осознание задач, поставленных вышестоящими инстанциями. Делопроизводственную практику губкомов же отличали ярко выраженное дублирование команд, исходивших из центральных партийных органов, которое во второй половине 1927 г. переросло в чистое исполнительство. Очевидно, что работники аппарата обкома ЦЧО в отличии от своих губкомовских предшественников были четко ориентированы на неукоснительное выполнение решений генеральной линии партии.

Важную роль в повышении эффективности работы партийного аппарата сыграли личные качества первого секретаря обкома ВКП(б) ЦЧО И. М. Варейкиса, которому за короткий промежуток времени удалось скорректировать деятельность и традиции партийных чиновников Черноземья, заставить их работать более гибко и изобретательно. Переписка И. М. Варейкиса с выше – и нижестоящими организациями ВКП(б) (окружкомами и райкомами) была информационно насыщена, выдержана в традициях безусловного подчинения и неукоснительного исполнения распоряжений руководителей обкома партии⁶⁶.

Документы, подписанные руководителем обкома, изобиловали глаголами повелительного наклонения: усилить (работу ...), активизировать (усилия), сосредоточиться (на главном вопросе), бросить (все силы), мобилизовать (активистов) и т.д. Анализ текстов за период с августа 1928 по декабрь 1929 г., автором которых был Варейкис, показал, что глаголы в повелительном наклонении встречались в 4,8 раза чаще, чем в аналогичных материалах, автором которых являлся второй секретарь обкома И. Г. Бирн. Можно говорить о том, что личные качества первого секретаря обкома ВКП(б) ЦЧО стали важным мобилизующим фактором в деле реорганизации работы местных партийных комитетов. Большую роль в практической деятельности И. М. Варейкиса на посту руководителя Черноземья сыграл также его политический и административный опыт.

К концу 20-х гг. городские коммунисты опирались на сеть местных партийных подразделений в сельской местности – райкомы и сельские ячейки; численность партийной организации ЦЧО росла и по состоянию на 1 июня 1930 г. составила 60,9 тыс. чел⁶⁷. (членов и кандидатов ВКП(б)). Важным обстоятельством, способствовавшим укреплению контроля компартии над сельскими районами ЦЧО стало частичное решение в 1928–1929 гг. коммуникативной проблемы. Власти в течение 1,5 лет добились установления устойчивой телефонной и телеграфной связи со всеми окружными и большинством районных центров области. Данное обстоятельство во многом предопределило рост в Центральном Черноземье политического влияния компартии, поскольку власти получили возможность монопольного сбора и использования социально – политической информации с мест.

Помимо легальных способов сбора и систематизации информации с помощью партийно-советского аппарата (анализ писем, жалоб и т.п.) власти получали важные социально-политические сведения от правоохранительных органов. Руководители ЦЧО были прекрасно осведомлены о настроениях крестьянских масс, их отношении к деятельности партийных организаций в сельской местности. Наиболее активно собирали такие данные информационный отдел представительства ОГПУ по ЦЧО, а также подразделения внутренних дел: уголовный розыск и милиция⁶⁸.

Объединение партийных организаций ЦЧО в 1928 г. под единым руководством способствовало резкой интенсификации работы с группами бедноты и батрачества в направлении их дальнейшей консолидации вокруг сельских организаций ВКП(б). Работа по сплочению социальных аутсайдеров черноземного села, как и большинство официальных мероприятий тех лет, не была систематической, носила «кампанейский» характер, прерывалась более важными, по мнению властей, общественно – политическими акциями: организацией очередного весеннего сева под государственным контролем, насищенными продуктозаготовками, всевозможными месячниками (оборонно-массовой работы, бедноты и батрачек и т.д.). Тем не менее, к концу 1929 г. прогресс в деле сплочения деревенских аутсайдеров стал очевидным. Более того, сельскими низами были усвоены и приняты как свои многие идеологические установки, пропагандировавшиеся властями. С помощью постоянного тиражирования пропагандистских лозунгов коммунисты настойчиво внушали неимущим жителям деревни мысль о неустанной заботе и попечительстве над ними со стороны советского государства. Поэтому типичными представляются высказывания бедняка Сысоевского (Аннинский район): «Пусть все мы будем работать на государство, а нам дают норму хлеба, кормят нас» и неизвестного обнищавшего крестьянина (Воронежский район), говорившего на сельском сходе: «Все, что я имею, принадлежит государству, и я принадлежу государству»⁶⁹. Эти высказывания хорошо иллюстрируют настроения определенной части бедноты в конце 20-х гг., желавшей исполнять государственные повинности и получать за это га-

рантированный паек, норму. Как видим, часть неимущих крестьян поддерживала стремление властей к огосударствлению аграрного сектора в силу патерналистских традиций. Легкость усвоения определенной частью крестьянства наиболее общих установок коммунистической идеологии можно объяснить совпадением последних с базовыми положениями русского крестьянского менталитета. Коммунисты и крестьяне думали, чувствовали, поступали несколько иначе, чем значительное число городских жителей, в той или иной степени подвергшихся урбанизации. Крестьян и партийцев роднило и общее негативное отношение к частной собственности на землю. Именно поэтому в конце 20-х гг. не только беднота, но и представители других социальных групп сельского сообщества поддержали усилия властей по искоренению хуторов, отрубов, а также в целом единоличного способа ведения сельского хозяйства в аграрном секторе.

Весной 1929 г. руководству ЦЧО удалось добиться большого прогресса в деле насильтенного сбора зерновых ресурсов. Для выполнения хлебозаготовительного плана был мобилизован практически весь партийно – хозяйственный актив области: около 6 тыс. областных и 1070 окружных работников партийно – советских органов; кроме того, решением ЦК ВКП(б) от 29 июля 1929 г. все «молодые партийные кадры» были направлены в деревню на хлебозаготовки⁷⁰.

В период с 1 июля 1929 г. по 31 января 1930 г. при плане хлебозаготовок по ЦЧО в 1738203 т. реально было заготовлено 1748376 т., т.е. годовой хлебозаготовительный план 1929 г был выполнен на 100,7 %, а по сбору зерновых культур – на 107 %⁷¹. План предыдущих хлебозаготовок 1927/28 г. в губерниях Черноземного Центра выполнен не был: за три первых квартала удалось выполнить 74-75% задания, а оставшийся хлеб собрать в течение четвертого квартала не смогли⁷². Ценой невероятных мобилизационных усилий всех властных структур хлебозаготовки 1929 г. оказались более удачными в сравнении с зимой – весной 1928 г.

Важную роль в обеспечении быстрого сбора зерновых сыграл анализ ошибок предыдущих заготовительных кампаний, проведенный руководством обкома Директивы обкома ВКП(б), посвященные хлебозаготовкам, насыщены указаниями и требованиями действовать жестко, активно, решительно. Так, в своем ответе на письмо секретаря Борчановской ячейки ВКП(б) Уразовского района Острогожского округа И. М. Варейкис следующим образом прокомментировал политику партии по проблемам заготовок: «Заготовливаем не только у кулаков, но и у тех середняков, которые имеют хлебные товарные излишки ... На кулака надо нажать вплоть до мер государственного принуждения»⁷³. В мае – июне 1929 г. обком осуществлял массовое распространение в окружных, районных и сельских партийных организациях информации о решениях XVI конференции ВКП(б) (май 1929 г.), которые предусматривали «наступление на кулаков на основе сплочения бедняцко – середняцкой массы в деревне ...»⁷⁴. Выкачивание хлеба из деревни принимало все более гру-

бый и беспощадный характер. В деревне Фокино Дмитриевского района Льговского округа в октябре 1929 г. план хлебозаготовок был принят следующим образом: уполномоченный райисполкома после своего доклада спросил: «Кто за план?» – не было поднято ни одной руки. Уполномоченный, видя это, заявил: «Раз вы против хлебозаготовок, значит вы против Советской власти. Я переголосовываю: кто против Советской власти, поднимите руки». Рук никто не поднял. Тогда уполномоченный заявил: «План принят единогласно», что и записали в протоколе⁷⁵.

Применение насилия со стороны властей в отношении крестьян для выполнения государственных распоряжений в полном объеме с начала 1929 г. приняло массовый характер. Данные распоряжения вышестоящих инстанций неукоснительно проводились в жизнь достаточно дисциплинированным большинством партийных работников. Насилие над крестьянством, нараставшее с начала 1928 г. в 1929 г. приняло всеобщий характер, карательные органы, прежде всего ОГПУ, превратились в непосредственного исполнителя государственной политики. Яркое тому подтверждение – информационные сводки органов внутренних дел и чекистов о социально – политической обстановке в сельских районах ЦЧО за 1929 г. В них содержится огромное количество примеров вопиющего пренебрежения нормами морали и действовавшего тогда законодательства⁷⁶. Примером вопиющего попрания всех мыслимых норм являлись действия уполномоченного по хлебозаготовкам Яковлева в с. Новгородовка (округ и район в документе не указаны) ЦЧО в апреле-мае 1929 г., который систематически избивал крестьян, не сдавших хлеб, угрожал им оружием и т. д.⁷⁷.

В хлебозаготовительную кампанию 1929 г. к уже известным «нашим» методам добавились новые: черные доски, на которые заносились имена тех, кто не выполнил задания по хлебозаготовкам; бойкот, который объявлялся сельским сходом. Бойкотируемое хозяйство не могло покупать никаких товаров в лавке. Если в предыдущую кампанию применялась в основном статья 107 УК РСФСР, то в 1929 г. в ход пошла и статья 58 (контрреволюционная агитация), которая применялась против тех, кто осмеливался протестовать против насилия, бесчинства уполномоченных и заготовителей⁷⁸. Крестьянское сопротивление «чрезвычайным» хлебозаготовкам все чаще принимало антисоветский характер. Всего по ЦЧО по данным на 24 октября 1929 г. органами ОГПУ в связи с хлебозаготовками было арестовано 838 человек⁷⁹. Подобные действия вызывали массовый протест со стороны крестьянского населения: недовольство выражалось в поджогах, избиениях активистов, покушениях, убийствах. Чекистами только в октябре 1929 г. было зафиксировано в ЦЧО 21 массовое выступление (из 63 по СССР в целом) на почве хлебозаготовок. Руководящую роль в выступлениях, как подчеркивалось в чекистском обзоре, играли кулаки, духовенство и антисоветские элементы, провоцировавшие толпу на сопротивление власти, избиение и убийство их⁸⁰. Для достижения главной цели – концентрации продовольственных

ресурсов в руках государства – партийно–советские работники готовы были использовать любые способы и средства.

Сопротивление властям проявилось в целом ряде населенных пунктов в форме единого фронта, когда против грубого произвола властей протестовало большинство местных жителей вне зависимости от имущественного положения. Дело доходило до проведения массовых выступлений, физического насилия над хлебозаготовителями и другими представителями властей в селе. Имели место случаи боевых столкновений с милицией и карательными отрядами. Судя по лозунгам, направленность многих сельских «единых фронтов» была антисоветской: «Долой хлебозаготовки!», «Раздать хлеб населению!», «Долой займы индустриализации!», «Освободить арестованных крестьян!» (за сопротивление хлебозаготовкам⁸¹), «Чтобы у нас был президент», «Долой партию и советскую власть!».

Ярким проявлением консолидации сельских жителей для отстаивания своих интересов стало восстание в Ивнянском районе Белгородского округа ЦЧО 30 октября - 4 ноября 1929 г. В восстании приняло участие более 25 тысяч крестьян, доведенных до отчаяния методами хлебозаготовок⁸². На жителей Ивнянского района было наложено дополнительное задание по сдаче государству хлеба в размере 55 тыс. пудов, которое они не в состоянии были выполнить. Ответом крестьян на действия властей стало восстание девяти сел. Уполномоченные по сбору зерна были избиты, советская власть в селах Песковатка, Новенькое, Федчевка – ликвидирована, в селах же Сырцово, Верхопенье, Череново и др. произошли массовые беспорядки⁸³. Восставшие крестьяне требовали от областного руководства скорректировать политический курс ВКП(б), прекратить свертывание рыночных отношений, ликвидировать политическое неравноправие крестьян (на собрании восставших в селе Федчевка один из руководителей этого выступления говорил: «Наши беды и недостатки происходят не только от извращений местных работников, но, видимо, и из того, что наверху – в центре – правительство не заботится о крестьянских интересах»), изменить существовавшую систему управления на началах реальной выборности и отчетности чиновников («Хотим, чтобы у нас был президент», - требовали повстанцы в с. Песчановка)⁸⁴.

Власти восстановили свой контроль над населением Ивнянского района только усилиями вооруженного отряда (82 человека, пулемет и аэроплан для разведки) после трехдневных столкновений с местными жителями⁸⁵. Анализируя причины и итоги ивнянских событий, комиссия обкома ЦЧО под руководством А. Г. Ромейко сделала три важных вывода. Во-первых, эмиссары из Воронежа и Белгорода вынуждены были признать закономерным складывание в ходе насилийных хлебозаготовок антипартийного блока в крестьянской среде: «Мы имеем ... единый фронт в деревне ... Т.е. такое положение, когда кулаку удалось объединить и повести за собой безоговорочно всех середняков и даже бедноту»⁸⁶. Под кулаками партийный чиновник подразумевал инициативных

крестьян, возглавлявших восстание, но отнюдь не экономически преуспевавших сельских жителей. Во-вторых, комиссия обкома констатировала, что «... если происходившие в Ивнянском районе события похожи по своей форме на события периода гражданской войны, то по существу они будут для нынешних условий новыми»⁸⁷. Как видим, хлебозаготовительные кампании 1927/28 и 1928/29 гг. партийные чиновники рассматривали как начало активных действий по преобразованию сельского хозяйства с помощью насилия. В-третьих, А. Г. Ромейко сделал неутешительный для аппарата управления вывод, что в ходе ивнянского восстания была выявлена «неприспособленность и негибкость наших организаций», в первую очередь местного райкома ВКП(б)⁸⁸.

К концу 20-х гг. власти окончательно ликвидировали хозяйственную автономию крестьянского двора, существовавшую с давних времен. Хлебозаготовители получили возможность осуществлять полный контроль над единоличными хозяйствами и их ресурсами. Объектом грубого вмешательства властей стали также морально – этические устои крестьянской семьи и социальные отношения внутри нее. Традиционные ценности земледельческой культуры объявлялись отжившими, вредными, не соответствовавшими задачам социалистического строительства. Произвол властей порождал апатию и безысходность в широких массах сельских жителей. В концу 20-х гг. в среде черноземного крестьянства вновь широко распространились представления о скором конце света, пришествии Антихриста и т.п., во второй половине 1928 г. в ЦЧО органы ОГПУ зафиксировали 2 массовых выступления крестьян на религиозной почве⁸⁹. Многие крестьяне Черноземья желали начала войны ведущих мировых держав – Великобритании и Франции с Советским Союзом. По всей вероятности обострение международной ситуации в 1927 г. (ухудшение и разрыв дипломатических отношений между Великобританией и СССР, убийство советского представителя Войкова в Варшаве), послужило поводом для нагнетания военного психоза и организации идеологической кампании по поводу опасности войны; отсюда и пораженческие настроения в деревне. Крестьяне считали, что только военные действия, поражение в них СССР и последующая ликвидация коммунистического режима помогут им выйти из бедственного состояния. Приведу типичные высказывания крестьян ЦЧО по этому поводу: «Скоро будет война, иностранные государства готовятся против СССР»; «Вот товарищи, Англия усиленно готовится к войне, мы должны как один отказаться идти воевать. Эта власть ничего хорошего не дала, мы обворованы и голодны. Хлеб у крестьян отобрали, а хлеба нет – все отвезли за границу, рабочим платят мало»; «В случае, если Англия пойдет на нас войной, то мы крестьяне, не пойдем, пущай партийцы идут на войну»; «Кого нам защищать?» и т.п.⁹⁰ Обращает на себя внимание невозможная прежде ситуация, когда православные крестьяне связывали свое освобождение от произвола властей с возможным крестовым походом на СССР, возглавляемым папой римским⁹¹.

Особо обращает на себя внимание сформировавшееся к концу 20-х гг. у части крестьян желание поражения СССР в предстоящей, по их мнению, войне. Такое явление было показателем глубокого раскола общества на противостоявшие друг другу группировки. Раскол разделял людей в зависимости от различий в системах их ценностных ориентаций и политico-социальных взглядов. До конца 20-х гг. желание поражения существовавшему правительству и государству никогда не исходило от крестьянства. Этого не было ни во время Первой мировой войны, ни даже в годы военного коммунизма в разгар массовых хлебных реквизиций. Следовательно, в конце 20-х гг. в российской деревне в целом, в Центрально - Черноземной в частности, сложилась более сложная социально – политическая обстановка, когда одна часть крестьянства, несомненно большая, демонстрировала полную утрату доверия к аграрной политике государства, другая же поддерживала ее. Последняя и стала опорой проведения сплошной коллективизации.

«Чрезвычайщина» к ликвидации хлебозаготовительного кризиса не привела, но нанесла серьезный удар по крестьянскому хозяйству, были основательно испорчены отношения крестьянства и власти. Крестьяне, и не только зажиточные, но и середняки, потеряв стимул к развитию производства, стали его свертывать. Чрезвычайные меры, все настойчивее объявлявшиеся нормой повседневной жизни, превратились в систему репрессивных мероприятий, получившую в дальнейшем свое логическое продолжение. Здесь речь идет именно о системе мер, так как в процессе хлебозаготовок находили свое отражение и возрождение методов продразверстки, полное попрание прав граждан, вносился раскол между слоями крестьянства. Чрезвычайные меры подорвали основы механизма нэпа, знаменовали собой отход от провозглашенных принципов новой экономической политики и являлись шагом на пути к насилиственной коллективизации.

Примечания

*Термином «Центральное Черноземье» обозначается крупный регион Центральной России, в который входили бывшие Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии. Ныне это территория Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой, Орловской и Тамбовской областей.

¹ См.: Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. Государственное регулирование хлебозаготовок в условиях нэпа. 1921-1927 гг. Новосибирск, 1992. С. 17

² См.: Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1927. С. 85; Коммунист. 1928. № 1-2. С. 19

³ См.: Коммунист. 1927. № 1. С. 28; Коммунист. 1927. № 13. С. 13; Отчет о работе Тамбовского губисполкома XII созыва XIII губернскому съезду Советов. Тамбов, 1927. С. 59; Коммунист. 1928. № 1-2. С. 17

⁴ Бухарин Н.И. Избранные произведения: Путь к социализму. Новосибирск, 1990. С. 211

⁵ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Документы и материалы. Т. 2. М., 2000. С. 565

⁶ Там же. С. 563

⁷ Там же. С. 606

⁸ Там же; Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 4805. Л. 24

⁹ Центр документации новейшей истории Воронежской области (ЦДНИВО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 33. Л. 150

¹⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2083. Л. 51-53

¹¹ Там же. ЛЛ. 50-53, 66-67

¹² Там же. ЛЛ. 50-53, 66-67, 70

¹³ Там же. ЛЛ. 54-55, 66

¹⁴ Там же. Л. 51

¹⁵ Там же. Л. 66

¹⁶ См.: ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 39

¹⁷ Там же. Л. 7-8

¹⁸ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 74. Д. 93. Л. 1

¹⁹ Там же. Д. 3933. Л. 2-3

²⁰ Там же. Д. 3915. Л. 6-10

²¹ ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 126. Л. 97

²² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2081. ЛЛ. 12-13

²³ Там же. Л. 2

²⁴ Там же. Л. 18

²⁵ Там же. Д. 4676. Л. 195

²⁶ Там же. Д. 3915. Л. 17-19

²⁷ Там же. Д. 4812. Л. 161

²⁸ Не сдававших хлеб привлекали к ответственности как спекулянтов по ст. 107 УК РСФСР, которая предусматривала лишение свободы на срок до 5 - лет с конфискацией имущества или без таковой

²⁹ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4812. Л. 161 об.

³⁰ Там же. Д. 4654. Л. 43

³¹ ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 847. Л. 9,10

³² ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 3915. Л. 58

³³ Там же. Д. 3933. Л. 41

³⁴ Там же. Д. 4654. Л. 44

³⁵ ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 818. Л. 29

³⁶ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 45

³⁷ ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 847. Л. 1 об.

³⁸ Там же. Д. 818. Л. 53

³⁹ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4676. Л. 196

⁴⁰ ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 847. Л. 9,10

⁴¹ Закрытое письмо Тамбовского окружкома и окрКК ВКП(б). Тамбов, 1929. С. 13

⁴² ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 847. Л. 9-11

⁴³ Там же. Л. 15, 16

⁴⁴ Там же. Д. 854. Л. 5-21

- ⁴⁵ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 90; ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 804. Л. 19
- ⁴⁶ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1844. Л. 8,11, 13; ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 43, 118
- ⁴⁷ КПСС в резолюциях ... М., 1970. Т. 4. С. 319
- ⁴⁸ Там же. С. 351-353
- ⁴⁹ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4812. Л. 39; Д. 4805. Л. 14, 24
- ⁵⁰ Там же. Д. 4810. Л. 113-114
- ⁵¹ См.: КПСС в резолюциях ... Т. 4. С. 319
- ⁵² ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1837. Л. 144; ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 88; Д. 4805. Л. 21, 24
- ⁵³ ЦДНИТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 209. Л. 27 об.
- ⁵⁴ Там же. Д. 163. Л. 36
- ⁵⁵ Там же. Л. 16
- ⁵⁶ Там же. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4805. Л. 21
- ⁵⁷ Там же. Л. 14, 21; Ф. 835. Оп. 1. Д. 163. Л. 46
- ⁵⁸ Там же. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 44
- ⁵⁹ Там же. Д. 4812. Л. 15, 17; ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1837. Л. 135
- ⁶⁰ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 51, 136, 137
- ⁶¹ ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18. Л. 10
- ⁶² Там же. Д. 33. ЛЛ. 140-141, 155
- ⁶³ См.: Шарова П.Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области. 1928-1932 гг. М., 1963. С. 82
- ⁶⁴ Клопыжникова Н. Настроения крестьянства и аграрное реформирование // Свободная мысль. 1995. № 5. С. 17-18, 20, 22
- ⁶⁵ См.: ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1726. Л. 14-15; Ф. 2. Оп. 1. Д. 510. ЛЛ. 112-113, 115, 116 об.
- ⁶⁶ См.: Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18; Д. 33; Д. 38; Д. 597; Д. 748; Д. 918; Д. 927; Д. 937; Д. 945; Д. 951 и др.; см. также статьи И.М. Варейкиса в периодических изданиях «Коммуна», «Хозяйство ЦЧО», «Ленинский путь» и др.
- ⁶⁷ См.: Третья областная конференция ВКП(б) ЦЧО. Стенографический отчет. 23-27 января 1932. Воронеж, 1932. С. 82
- ⁶⁸ ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 124; Д. 492; Д. 508; Д. 510; Д. 514 и др.
- ⁶⁹ ГАВО. Ф. Р. – 1013. Оп. 1. Д. 38. Л. 158; ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1726. Л. 13 об.
- ⁷⁰ ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 492. Л. 5; ГАВО. Ф. Р. – 1013. Оп. 1. Д. 157, Л. 33
- ⁷¹ ГАВО. Ф. Р. – 1013. Оп. 1. Д. 157. ЛЛ. 6-7
- ⁷² ЦДНИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2083. ЛЛ. 20, 24, 69-70, 111
- ⁷³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 651. Л. 60
- ⁷⁴ Там же. Д. 492. Л. 5
- ⁷⁵ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918-1939. Документы и материалы в 4 томах. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т. 2. М., 2000. С. 993
- ⁷⁶ См.: ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 157; Д. 324; Д. 492; Д. 493; Д. 508; Д. 510
- ⁷⁷ Там же. Д. 651. ЛЛ. 32-34
- ⁷⁸ См.: ЦДНИТО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 163. Л. 14; Ф. 855. Оп. 1. Д. 384. Л. 42
- ⁷⁹ Советская деревня ... С. 1038
- ⁸⁰ Там же. С. 992-993

⁸¹ Данные лозунги выдвигались во время следующих выступлений: Ивнянское восстание – Ивнянский район Белгородского округа (30 октября-4 ноября 1929 г.) (ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 515. ЛЛ. 3, 5, 6); волнение крестьян в Фатежском районе Курского округа (июль 1928 г.), (ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 124, Л. 17); волнения в с. Старое Сеславино Козловского округа (лето 1928 г.), (Там же. Д. 126. Л. 18) и целый ряд других.

⁸² ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1.Д. 515. Л. 2

⁸³ Там же. Л. 1, 8-10

⁸⁴ Там же. Л. 5

⁸⁵ Там же. ЛЛ. 11-13, 16-17

⁸⁶ Там же. Л. 6

⁸⁷ Там же. Л. 12

⁸⁸ Там же. ЛЛ. 12, 21

⁸⁹ ЦДНИВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. II – 18596. ЛЛ. 35-36; Советская деревня...С.

⁸¹⁹

⁹⁰ ЦДНИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 126. Л. 76; Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1726. Л. 13-13 об.

⁹¹ Там же. Ф. 9353. Оп. 2. Д. II – 3854. Л. 67